

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
(ИИОН РАН)

ИНФОРМАЦИОННАЯ СТРУКТУРА ТЕКСТА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

**ИНФОРМАЦИОННАЯ
СТРУКТУРА ТЕКСТА**

Сборник статей

**МОСКВА
2018**

ББК 81
И 74

Серия
«Теория и история языкознания»

**Центр гуманитарных научно-информационных
исследований**

Отдел языкознания

Редакционная коллегия:

Н.Н. Трошина – канд. филол. наук, ответственный
редактор; *Н.Н. Трошина* – ред.-сост; *Е.О. Опарина* –
канд. филол. наук; *М.Б. Раренко* – канд. филол. наук

И 74 **Информационная структура текста:** Сб. статей /
РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед.
Отд. языкознания; Отв. ред. Трошина Н.Н. – М., 2018. –
с. 214 – (Сер.: Теория и история языкознания).
ISBN 978-5-248-00883-4

Рассматриваются проблемы распределения информации в тексте, его порождения и восприятия, вопросы трансформации структуры текста при различных видах его информационной обработки и при переводе.

Для специалистов в области теории информации, лингвистики текста и переводоведения.

ББК 81

Информативность текста связана
с эффективностью процесса понимания

А.И. Новиков. Текст и его смысловые
доминанты. – М., 2007, с. 28.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

<i>Н.Н. Трошина. О школе А.И. Новикова.....</i>	7
---	---

I. КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА И ТЕОРИЯ А.И. НОВИКОВА

<i>М.И. Куосе. Текстовая инференция: Источники современных когнитивных концепций выводного знания.....</i>	13
<i>Н.Н. Трошина. Стилистическая структура текста и его смысл</i>	27
<i>И.А. Гусейнова. Роль научного наследия А.И. Новикова в отечественной теории институционального дискурса</i>	39

II. ИССЛЕДОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ И СМЫСЛА ТЕКСТА: МЕТОДЫ А.И. НОВИКОВА

<i>Н.П. Пешкова. «Встречный текст» как продукт понимания адресатом и отражение содержательно-смысовой структуры воспринимаемого сообщения.....</i>	54
<i>И.В. Кирсанова. Имплицитность как характеристика текста и ее роль в процессах восприятия и понимания информации.....</i>	64
<i>А.С. Титлова. Поликодовая оценка в реакциях реципиентов текстов микроблога.....</i>	74

<i>Я.А. Давлетова. Исследование особенностей оценочного мышления в процессах понимания и интерпретации смысла текста: (На материале текста Библии).....</i>	82
<i>А.В. Моисеева. Исследование соотношения содержательных и смысловых реакций в ядре модели понимания текста глянцевого журнала: (С использованием метода «встречного текста» А.И. Новикова)</i>	92

III. ТЕОРИЯ А.И. НОВИКОВА И АВТОМАТИЧЕСКАЯ ОБРАБОТКА ТЕКСТОВ

<i>Д.С. Курушин, О.В. Соболева, Д.С. Вяткин. Денотативная модель основного содержания текста в лингвистическом обеспечении робототехнических исследований.....</i>	104
<i>Д.С. Курушин, Е.Р. Леонов, О.В. Соболева. О возможном подходе к автоматическому построению денотатного графа гипертекста.....</i>	113
<i>Е.В. Ерискина, А.Е. Коваль, Д.С. Курушин, О.А. Менжасева. Применение денотативной модели для автоматической генерации тестовых заданий</i>	119

IV. ИНФОРМАЦИОННАЯ СТРУКТУРА ТЕКСТА И ПЕРЕВОД

<i>Н.А. Герте-Немцева, А.И. Котельникова, Д.С. Курушин, Н.М. Нестерова. Смысловое свертывание в сокращенных видах перевода</i>	124
<i>М.Б. Раренко. Перевод как способ актуализации смысла</i>	139
<i>А.А. Шияпова. Перевод текста: Особенности смыслообразования</i>	161

V. ИНФОРМАЦИОННАЯ СТРУКТУРА ТЕКСТА И ЕГО ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА

<i>Н.В. Васильева. Текст на обложке книги: Место в классификации вторичных текстов</i>	169
<i>М.В. Томская. Информативность академических презентаций ...</i>	183

VI. РЕФЕРАТ

Чернейко Л.О. Как рождается смысл: Смысловая структура художественного текста и лингвистические принципы ее моделирования. (Реф. Е.О. Опарина)	198
Сведения об авторах	211

ВВЕДЕНИЕ

Н.Н. Трошина О ШКОЛЕ А.И. НОВИКОВА

Аннотация. Даётся краткая характеристика концепции А.И. Новикова как модели процесса понимания текста, в рамках которой дифференцируются понятия «содержание текста» и «смысль текста». Показано значение этой концепции для выявления стратегий текстовых трансформаций, в том числе для порождения вторичных текстов (рефератов, аннотаций, переводов).

Ключевые слова: школа А.И. Новикова; психолингвистика текста; смысл текста; содержание текста; первичный текст; вторичный текст; информационная структура текста.

**N.N. Troshina
On A.I. Novikov's school**

Abstract. The paper gives a brief description of A.I. Novikov's concept as a model of the process of understanding the text in which the concepts of «text content» and «meaning of the text» are differentiated. The significance of this concept for the detection of text transformation strategies, including the generation of secondary texts (abstracts, annotations, translations), is shown.

Keywords: A.I. Novikov's school; psycholinguistics of the text; text meaning; text content; primary text; secondary text; information structure of the text.

«Школа А.И. Новикова» – это словосочетание стало знаковым для лингвистов, относящих себя к различным областям языкоznания – общей теории языка, психолингвистике, теории текста, психолингвистике текста, теории дискурса, стилистике, переводоведению, машинному переводу, – поскольку все эти специалисты неизбежно сталкиваются с проблемой понимания текста и сохра-

нения его содержания и смысла при разнообразных текстовых трансформациях. Именно проблема моделирования процесса понимания текста находилась в центре научных изысканий Анатолия Ивановича Новикова (1983–2003) – доктора филологических наук, профессора, заведующего сектором прикладного языкоznания в Институте языкоznания Российской академии наук.

13 февраля 2018 г. Анатолию Ивановичу исполнилось бы 80 лет. Дело его успешно продолжают благодарные ученики и последователи – доктор филологических наук, профессор Наталья Михайловна Нестерова; доктор филологических наук, профессор Наталья Владимировна Васильева; доктор филологических наук, профессор Наталья Петровна Пешкова, кандидат технических наук, доцент Даниил Сергеевич Курушин, а также их студенты и аспиранты.

Памяти Анатолия Ивановича Новикова и посвящается этот сборник.

Совершенно не случайно, что издание его подготавливалось в Отделе языкоznания Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН): обоснованность результатов исследований А.И. Новикова в области смысловой организации вторичных текстов, каковыми являются рефераты, аннотации и обзоры, т.е. основная печатная продукция ИНИОН РАН, подтверждается всей практикой работы реферативных отделов ИНИОН РАН.

* * *

В статьях, написанных последователями А.И. Новикова, информационная структура текста понимается как совокупное значение его языковых единиц, организованное в соответствии с коммуникативной целью отправителя текста. Эта структура соотносима с его содержанием, т.е. мыслительным образованием, возбуждаемым «в интеллекте непосредственно под воздействием совокупности языковых средств текста, а также дополнительной информации, привлекаемой для его понимания» [Новиков, 2007, с. 6], т.е. выводного знания.

Однако понимание текста не заканчивается переработкой текстовой информации: «Оно продолжается на уровне мышления, в результате чего непосредственный результат понимания данного

текста, возбуждая различные связи и отношения, ‘обрастает’ дополнительными компонентами не только познавательного, но и эмоционального, субъективного, прагматического характера» [Новиков, 2007, с. 6]. Эти дополнительные компоненты участвуют в формировании смысла текста. К этому заключению, позволившему дифференцировать понятия «содержание текста» и «смысл текста», А.И. Новиков пришел в 80-х гг. XX в. и сформулировал в определении, ставшим классическим: «Если содержание текста – это проекция текста на сознание, то смысл – это проекция сознания на текст» [Новиков, 2007, с. 6].

В концепции А.И. Новикова понимание текста рассматривается в тесной связи с его основными характеристиками как вербального феномена и, прежде всего, с информативностью и целостностью. В книге «Текст и его смысловые доминанты» [Новиков, 2007], увидевший свет благодаря усилиям вышеназванных учеников А.И. Новикова, читаем: «Результатом … понимания, как известно, является формирование в сознании реципиента целостного образа содержания, в котором реализуется информационный аспект текста. Но никакого понимания не произойдет, если за организацией, пусть и самой совершенной, ничего не стоит в содержательном плане, вследствие чего адресат не может соотнести данный текст с тем или иным фрагментом реальной действительности, с определенной реальной ситуацией, описываемой в тексте. Поэтому можно считать, что переход от внешней формы текста к его содержанию, несущему определенную информацию об окружающей нас действительности и совершающийся в процессе понимания, является обязательным. Такой переход непосредственно связан с тем фундаментальным свойством текста, который можно назвать **информационностью** (выделено автором. – *H. T.*). Это свойство является наиболее общим признаком текста, определяющим все другие его свойства, в том числе и целостность» [Новиков, 2007, с. 113].

В настоящем сборнике статей показано соотношение понятий, которыми пользуется А.И. Новиков и современная когнитивная линовистика: «понимание», «интерпретация», «выводное знание» (статья М.И. Киосе); раскрывается роль стилистической структуры текста в формировании его смысла (Н.Н. Трошина).

Научное наследие А.И. Новикова является тем надежным концептуальным основанием, на котором строятся исследования представителей уфимской ветви школы А.И. Новикова –

Н.П. Пешковой, И.В. Кирсановой, А.С. Титловой, Я.А. Давлетовой, А.В. Моисеевой. В статьях этих авторов используется разработанный их учителем метод построения «встречного текста», представляющего собой «набор вербализованных реакций реципиента, возникающих в его сознании в процессе восприятия и осмысливания текстовой информации» [Текст и его понимание, 2010, с. 31], т.е. «встречный текст» – совокупность вербальных реакций реципиента на воспринимаемую им текстовую информацию, которая играет роль стимула.

Как отмечает в своей статье Н.П. Пешкова, «экспериментальные исследования по проблеме понимания письменных сообщений различных типов с использованием метода ‘встречного текста’ способствовали выявлению нескольких видов стратегий обработки информации, на которые опираются реципиенты в зависимости от своих индивидуальных психологических особенностей, опыта, предшествующих знаний, а также и от типа воспринимаемого и интерпретируемого текста. Полученные данные показывают, что в общем поле реакций, составляющих ‘встречные тексты’ испытуемых, как правило, наблюдается преобладание реакций того или иного вида. Такие доминирующие реакции, как можно предположить, составляют ядро стратегии обработки информации адресатом» (с. 204).

Помимо метода «встречного текста» А.И. Новиков разработал метод «денотатного графа», имеющего вид иерархического дерева, отражающего денотатную структуру текста. Денотатами являются единицы содержания текста. Такой граф представляет собой «свернутое эксплицитное отображение структуры содержания текста, которой могут соответствовать различные языковые формы» [Новиков, Нестерова, 1991, с. 61].

Этот метод нашел применение в работах пермских последователей А.И. Новикова – сотрудников Пермского национального исследовательского политехнического университета – при решении задач, связанных с искусственным интеллектом. С этой целью разработана модель автоматического построения денотатного графа гипертекста как модели предметной области интеллектуальной системы (см. статью: Д.С. Курушин, Е.Р. Леонов, О.В. Соболева).

Этот же метод предлагается использовать в практике обучения студентов в техническом вузе: строится денотатный граф, возникающий в сознании студента как проекция изучаемого учебного материала (см. статью: Е.В. Ерискина, А.Е. Коваль, Д.С. Курушин,

О.А. Менжаева). Таким путем выявляется, что «с помощью правильной постановки задачи и верно описанной предметной области представляется возможным оценить уровень понимания теоретического материала, который был дан на лекции. Дальнейшие исследования в этой области способны привести к автоматизации процесса проведения контрольных мероприятий по дисциплинам в вузе и позволит измерить уровень понимания теоретического материала, что, безусловно, является фундаментальной задачей всего процесса обучения» (с. 143).

Сохранение не только содержания текста, но и его структуры при смысловой свертке является важнейшей задачей при создании так называемых вторичных текстов, прежде всего, рефератов и аннотаций. Исследования в этой области, также основанные на методе построения денотатного графа, выполняются в том же Пермском национальном исследовательском политехническом университете. Эти исследования направлены на выявление механизмов преобразования первичных текстов во вторичные информационные документы (статья: Н.А. Герте-Немцева, А.И. Котельникова, Д.С. Курушин, Н.М. Нестерова).

Особое место в классификации вторичных текстов занимает текст на обложке книги (рус. «книжное рекламное эссе», англ. blurb, нем. Klappentext). Механизм свертки информации исходного текста – текста рекламируемой таким образом книги – анализируется в статье Н.В. Васильевой в настоящем сборнике.

Обзор истории переводоведения как истории концепций смыслообразования и смыслопреобразования дается в статье М.Б. Раренко. Этот аспект теории перевода важен для переводческой практики, поскольку с проблемой адекватной передачи смысла оригинала сталкивается каждый переводчик как в случае собственно перевода, так и при автопереводе (прежде всего, при переводе художественных текстов), что показано на примере автопереводов В.В. Набокова.

Возникающие сложности объясняются тем, что переводу подвергаются не только языковые составляющие текста, но и стоящая за ними культурно-историческая информация. Это требует учета пресуппозиционных и импликативных составляющих содержания текста, что при переводе «соответствует переходу от уровня формирования содержания на уровень смыслообразования», пишет А.А. Шияпова (с. 193).

Информационная свертка текста при сохранении его содержания – это важнейший аспект подготовки материалов для академических презентаций, структура которых должна учитывать «клиповость» мышления, характерную для молодого поколения, подчеркивает М.В. Томская. Корреляция вербальных и визуальных материалов призвана дополнить и развернуть содержание демонстрируемых слайдов и тем самым повысить информативность научного текста – доклада или лекции.

В заключительном разделе помещен реферат на монографию Л.О. Чернейко «Как рождается смысл: Смысловая структура художественного текста и лингвистические принципы ее моделирования» (подготовлен Е.О. Опариной).

Отметим, что информационная структура текста не в первый раз привлекает внимание исследователей. Так, в 2016 г. в Институте языкоznания РАН был подготовлен сборник «Логический анализ языка: Информационная структура текстов разных жанров и эпох» под редакцией Н.Д. Арутюновой. В нем «информационная структура текста понимается как средство организации связного текста, порядок и способы введения информации в разных ситуациях общения и сообщения» [Сидельцев, 2016, с. 51]. Эта трактовка сближает понятие информационной структуры текста с понятием дискурса. Акцентируется взаимодействие дискурсивных категорий и категорий актуального членения предложения.

В настоящем же сборнике, посвященном памяти А.И. Новикова, акцент делается на процессе смыслообразования и смыслоизвлечения при восприятии текста, а также при трансформации первичных текстов во вторичные.

Список литературы

Новиков А.И. Текст и его смысловые доминанты. – М., 2007. – 223 с.

Новиков А.И., Нестерова Н.М. Реферативный перевод научно-технических текстов. – М., 1991. – 148 с.

Сидельцев А.В. Информационная структура текста, information structure и неканонический порядок слов в хеттском языке // Логический анализ языка: Информационная структура текстов разных жанров и эпох. – М., 2016. – С. 51–60.

Текст и его понимание: Теоретико-экспериментальное исследование в русле интегративного подхода / Пешкова Н.П., Авакян А.А., Кирсанова И.В., Рыбка И.Н. – Уфа, 2010. – 268 с.

I. КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА И ТЕОРИЯ А.И. НОВИКОВА

М.И. Киосе

ТЕКСТОВАЯ ИНФЕРЕНЦИЯ: ИСТОЧНИКИ СОВРЕМЕННЫХ КОГНИТИВНЫХ КОНЦЕПЦИЙ ВЫВОДНОГО ЗНАНИЯ¹

Аннотация. Выбор одной или нескольких из множественных возможностей формирования выводного знания (например, при чтении текста) обуславливается тем, что какой-либо из инференциальных путей «оказывается в более выгодном положении». Систематизация подходов к изучению инференции позволяет определить возможные пути формирования выводного знания, которыми может руководствоваться читатель при извлечении текстовой информации.

Ключевые слова: текстовая инференция; выводное знание; теории извлечения информации; понимание; интерпретация.

M. Kiose

Textual inference: the origins of contemporary cognitive views on inferential knowledge

Abstract. The choice of a definite inferential model a reader makes is strongly dependent on its salient character. Being brought into light different approaches to studying inference help detect various ways that guide the reader's attention on inferring textual information.

Keywords: textual inference; inferential knowledge; inferential process theories; understanding; interpretation.

¹ Исследование осуществлено в Институте языкоznания РАН при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 14-28-00130). – M. K.

Текстовая инференция как феномен познания

Интерпретация текста читателем связана с извлечением текстовой и затекстовой информации, которое происходит путем формирования сложных моделей выводного (инфериенциального) знания, являющихся объектом анализа современной когнитивной науки (когнитивной лингвистики и психологии). Лингвокогнитивное изучение возможностей текстовой инференции связано с решением вопросов успешности понимания текста. Именно наличие успешности позволяет разграничить инференцию как модель выводного знания и интерпретацию как способ выведения этой модели, где при дефинировании последней (интерпретации) обычно отмечаются такие характеристики, как индивидуальный характер и вариативность, но не успешность. Так, в рамках когнитивной лингвистики рассматриваются вопросы «вторичной интерпретации мира» как формирования индивидуального мировидения каждого конкретного человека [Болдырев, 2014] и «дискурсной интерпретации» как «выражения авторского отношения к происходящим событиям, людям или объектам в процессе речевой деятельности, приводящей к формированию текста» [Беляевская, 2017, с. 87]. Инференция же предполагает «схватывание или понимание концептуального содержания» [Brandom, 2000, р. 52] в разных формах выводного знания: осознанного и неосознанного, индивидуального и коллективного, спонтанного и целенаправленного. Схватывание и понимание связываются с результативностью данного процесса, т.е. с распознаванием текстовых смыслов с помощью определенных «инфериенциальных схем» (термин К.-Ю. Пэнтер и Л. Торнберг [Panther, Thornburg, 2003]), что и может являться показателем успешности интерпретации.

Изучение успешной текстовой интерпретации приобретает особую актуальность, например, в случае использования автором образных выражений со слабоопределенным референциальным статусом. Так, в высказывании *Пожилых и состарившихся «вельмож» изобразительного искусства можно было узнать в первых рядах [зала. – М. К.] по скучающему или нарочито презрительному выражению лиц* [Ефремов, 1988, с. 99] интерпретация и понимание читателем номинативной конструкции *«вельмож» изобразительного искусства* подразумевает распознавание метафорической модели семантического переноса лексемы *вельмож* при определении ее референциального статуса. Распознавание предположительно

облегчается некоторыми факторами, например перемещением актантной конструкции с участием рассматриваемой лексемы в более выделенную синтаксическую позицию в составе предложения, дополнительным маркированием лексемы кавычками (что повышает визуальную выделенность слова), использованием зависимых компонентов *пожилых и состарившихся и изобразительного искусства* в составе номинативной конструкции в препозиции и постпозиции к основному номинативному компоненту, привлекающим внимание контрастированием разных исторических эпох (современной эпохи и эпохи «вельмож»), очевидной окказиональностью конструкции *вельможи искусства* (что можно проверить путем корпусного анализа), означиванием образа человека как основной точки отсчета в системе любых текстовых координат и т.д.

Очевидно, что спектр факторов, определяющих успешность интерпретации и понимания таких образных выражений в тексте, достаточно широк и не ограничивается вышеперечисленными показателями. Для понимания возможной роли таких факторов исследователю, работающему над проблемой интерпретации текста читателем, необходимо знать, чем может руководствоваться читатель при распознавании текстовой неопределенности, импликации, образности. Дело в том, что речь идет не только о лингвистических факторах, руководящих выбором модели инференции, но и о множественных когнитивных, психологических, прагматических, семиотических, гносеологических и просто случайных факторах, эффект которых в момент восприятия текста может оказаться решающим при конструировании текстового события. Систематизация данных факторов, определяемых эмпирическим и логическим путем в рамках различных направлений антропологического исследования в самом глобальном плане, способствует преодолению узко-лингвистического взгляда на проблему инференции, выводя ее решение в теорию антропологии в целом.

В действительности формирование большого количества подходов к анализу инференциального знания обусловливается несколькими причинами.

Во-первых, на становление разных гипотез инференции повлияла многовековая философская гносеологическая традиция, в рамках которой ставились вопросы достижения истинного знания, обнаружения природы и сущности наименования. Как продолжение различных философских взглядов зарождаются семиотические, логические и прагматические концепции выводного знания,

в которых постулируются разные приоритеты при извлечении текстовой информации.

Во-вторых, значимую роль сыграл тот факт, что сам термин «инференция» долгое время использовался нетерминологически, что имело результатом существование его расширенного толкования в целом – как процесса извлечения смысла и как результата этого процесса, т.е. собственно извлекаемого смысла. Такое расширительное понимание инференции способствовало тому, что все звенья этого процесса, например, тип информации, способ извлечения инференции, организация инференциального знания, материал как источник этого знания, предполагают значительную вариативность интерпретации. Кратко отметим, что проникновение данного термина в отечественную лингвистику сопровождается поисками его более точного дефинирования, поскольку он не имеет нетерминологической предыстории в русском языке и ощущается как заимствованный (поэтому маркированный), но используемый наряду с такими кажущимися аналогами, как распознавание, интерпретация и понимание. Возможно, это является причиной возникновения повышенного интереса к теориям инференции именно в отечественной науке.

В-третьих, в период наблюдаемой смены научной парадигмы с системоцентричной на антропоцентричную происходит не только становление новых научных направлений, но и пересмотр «старых», многие положения которых переживают свое второе (и не только второе) рождение. Данный процесс имеет прямое отношение к трансформации значения термина «инференция», так как при непосредственном анализе многих логико-философских концепций, например, Античности и Средневековья, обнаруживаются положения,озвучные современной когнитологии, феноменологии, неопрагматике. Таким образом, содержание термина не формируется заново, а аккумулирует накопленные смыслы, что особенно ярко проявляется именно в отечественной научной традиции, характеризующейся своей полипарадигмальностью.

Перечисленными причинами и обуславливается необходимость обращения к самым ранним концепциям инференциального знания, а именно, к эпистемологическим теориям Античности и Средневековья, которые скрывают еще много непознанных и недооцененных положений.

Ранние источники современного знания об инференции

В качестве источников инференциальных концепций традиционно называются концепции модальной и эпистемологической логики и ранние прагматические концепции, однако многие «истинно» инференциальные положения, созвучные современным когнитивным идеям, были высказаны в рамках классической силлогической логики.

Как известно, концепции выводного знания составляли значимую часть философии языка Древнего мира и Античности, при этом также хорошо известно, что вопрос рассматривался в плане «правильности vs. неправильности» и «истинности vs. ложности» такого знания. В качестве иллюстраций такого подхода обычно приводят теории «правильности имен» Платона, «выправления имен» Конфуция, теорию «сущности» как результата истинного (научного) знания Аристотеля. Гораздо менее известно, однако, что выводное знание Аристотеля не всегда предполагает только научно-логический вывод из посылок. В эссе «О памяти и припомнании», входящем в состав цикла «Малые сочинения о природе», выводное знание рассматривается Аристотелем в контексте воспоминания (*άνάμνησις*) как воспроизведение предшествующего опыта в ходе поисковой деятельности сознания. Наиболее значимый для настоящего обсуждения вопрос формирования выводного знания затрагивается, например, во фрагменте, в котором повествуется о том, что «умозаключение (силлогизм, вывод) может быть один (единственно верный). На основе сходного испытанного ранее знания мы формируем некоторое заключение (вывод). Составляющие ранее испытанного знания дают начало соответствующим выводам. Именно на основе этого знания мы формируем инференции» (перевод с древнегреческого языка наш¹) [Bloch, 2007, р. 48]. Представляется интересным продемонстрировать, как варьируется понимание аристотелевской концепции выводного знания в переводных толкованиях рассматриваемого эссе. Так, в трех известных нам англоязычных переводах (перевод Дж. Беара, считающийся довольно вольным, впервые изданный в 1908 г.; перевод Р. Сорабджи, изданный в 1972 г.; перевод Д. Блоха, изданный в 2007 г.), франкоязычном переводе (перевод Ж. Бартелеми Сант-Илэр, изданный в 1847 г.),

¹ Автор статьи благодарит М.В. Сарафанникова за помощь, оказанную при переводе древнегреческих фрагментов. – *M. K.*

русскоязычном переводе (перевод С.В. Месяц, изданный в 2004 г.) используются лексемы с разным содержанием при передаче оригинальной лексемы, обозначающей выводное знание, σύλλογισμός (силлогизм). В переводе Дэвида Блоха ей соответствует *deduction* в «*recollecting is like a sort of deduction* или *deliberating is also a sort of deduction*» [Bloch, 2007, p. 49]. В англоязычном переводе Ричарда Сорабджа отмечается именно инференциальная основа припоминания (данный термин, однако, не употребляется при переводе), в основе чего лежит, в первую очередь, визуальный опыт, а новые ментальные образы соотносятся с уже пережитыми, так как и те, и другие представляют собой копии одних и тех же объектов, с которыми мы осуществляли взаимодействие [Sorabji, 1972]. В переводе Дж. Беара мы встречаем именно лексему *inference* и глагол *to infer* в соответствующих фрагментах: «*Recollection is <...> a mode of inference. For he who endeavors to recollect infers that he formerly saw or heard <...> deliberation is a form of inference*» [Aristotle, 2012, p. 7]. В переводе на французский язык Ж. Бартелеми Сант-Илэр особенно сильно ощущается проявление разумного, логического восприятия выводного знания: «*la reminiscence est une sorte de raisonnement <...> vouloir est bien aussi une sorte de raisonnement, de syllogisme*» «реминисценция представляет собой вид разумения <...> желание это тоже вид разумения, вид силлогизма» (перевод наш. – M. K.) [Psychologie d’Aristote, 1847, p. 133–134]. Здесь однозначно постулируется значение разума в используемом дважды *une sorte de raisonnement* «вид разумения, или логического познания», причем эффект усиливается от использования параллельной конструкции с участием лексемы *syllogism*, которая в современной философии языка воспринимается однозначно в контексте силлогической логики Аристотеля.

В действительности же Аристотель указывает, что данный процесс связан с проявлением воли, имеет деятельностные основания, сопровождается ощущением изменения времени; однозначной связи с логическим рационализмом здесь не обнаруживается. В одном из толкований данной работы, выполненном на русском языке, переводной вариант данного фрагмента также предполагает исключительно логические инференции, причем однонаправленные (целенаправленные): «любой поиск есть целенаправленная деятельность, а ставить перед собой определенные цели и добиваться их осуществления способно только существо, обладающее волей. Воля же есть некое умозаключение» [Месяц, 2004, с. 160].

Здесь воля соотносится с *deliberating* или *deliberation* в англоязычных переводах, а умозаключение – с *deduction* и *inference*. Во всех случаях англоязычный перевод менее категоричен в плане обязательного присутствия логических оснований выводного знания, при том, что перевод текста Аристотеля в действительности предполагает вариативность возможностей выводного знания.

Аристотель приводит пример (рассмотрим его по переводным вариантам текста Д. Блоха и Дж. Беара) вариативности возможностей выводного знания при восприятии дискретного объекта на примере цепочки букв. При инференции центр объекта познания становится отправной точкой конструирования знания о нем; если знание об объекте не было извлечено ранее (до того, как мы добрались до его центра), то оно будет наверняка сформировано, когда мы определимся с центром объекта; если же даже в этот момент знания не были извлечены, то этого уже и не произойдет. Встречаясь с некоторой последовательностью букв ABCDEFGH как компонентов единого объекта познания, человек начинает интерпретацию с середины, центра, при этом возможны два пути распознавания, влево и вправо, условно к В и Г. Дополнительная вариативность обеспечивается также тем, что при движении от центра даже в одном направлении можно «перепрыгнуть» сразу к Г или Н. При этом чаще всего в качестве пути извлечения информации избирается привычный, традиционный путь, тот, который используется (задействуется) чаще всего (по [Bloch, 2007, р. 43–45; Aristotle, 2012, р. 6]). Таким образом, в концепции Аристотеля инференция осуществляется и за счет соотнесения с уже имеющимся знанием, что предполагает вариативность формирования выводного знания (т.е. отказ от постулатов истинности или единственной правильности). В этом случае для выводного знания верна и оппозиция «построенное на основе припомнания прошлого опыта vs. не имеющее аналогов в прошлом». При этом, как отмечает Р. Сорабджи в обзорной работе, посвященной анализу движущей силы как одному из центральных положений в научном наследии Аристотеля, «философия Аристотеля не дошла до Средневековья в неизмененном виде, а обогатилась пространными толкованиями многочисленных комментаторов» [Sorabji, 1990, р. 198].

Среди наиболее значимых средневековых философских концепций, в которых развивается эпистемологический подход к инференции, назовем томическое учение Фомы Аквинского и его последователя Джона Пуансо, работы которых в современной фи-

лософии языка вновь подвергаются переосмыслению. Продолжая идеи Ф. Аквинского об интеллектуальной силе (*intellectus agens*) и ментальной силе (*vis cogitativa*) [Lisska, 2010, p. 154], Дж. Пуансо отмечает существование нескольких эпистемических факторов, определяющих формирование выводного знания: 1) активность самого субъекта познания; 2) стимулирующая познание внутренняя сила объекта; 3) формальная репрезентация как осознание силы объекта; 4) инструментальная репрезентация как способ репрезентации объекта [цит. по: Classic readings, 2003, p. 42–43]. Следуя платоновской идее, философы усматривают основания инференции в самом объекте, а также и в познавательной активности субъекта. Таким образом, прошлый опыт оказывает основное влияние на формирование выводного знания, но не только через память субъекта, а и через воздействие силы объекта. Так, если отвлечься от религиозной доктрины как основного принципа учения Ф. Аквинского о *Scientia* в трактате “*Summa theologiae*” (которую он также развивает под влиянием идей Аристотеля¹), оказывается, что изложенные принципы познания во многом перекликаются с высказанными выше положениями учения Аристотеля о том, что выводное знание формируется с оглядкой на предшествующий опыт. Как указывает Дж. Дженкинс, исследователь учения Ф. Аквинского, для аристотелевских терминов γνῶσκειν / γνωστός, употребляемых в цитируемой Ф. Аквинским работе Аристотеля «Вторая аналитика», Ф. Аквинский использует два латинских эквивалента – *cognoscere* / *cognitio* «изучать, познавать / познание» и *noscere* / *notitia* «узнавать / интеллектуальное познание, интеллект», – соотносимые с совр. англ. *apprehend* / *apprehension* / *cognition* «схватывать» / «схватывание» / познание» и *know* / *knowledge* «знать / знание, эрудиция» [Jenkins, 1997, p. 16]. Здесь *apprehension* и *cognition* в большей степени соотносимы с познанием объекта (или интерпретацией пропозиции), а также с интеллектуальным поиском в целом. В то же время *knowledge* предполагает введение критерия истинности. Систематизируя особенности формирования выводного знания Аристотеля и Ф. Аквинского, Дж. Дженкинс называет следующие возможности инференции: истинность (truth), простота (primitiveness), предшествование (priority), непосредственное предшествование (immediateness), наличие причинных связей (the cause of the conclusion), предшествующее и лучшее знакомство

¹ Об этом подробнее см.: [Sorabji, 1990]. – M. K.

(being better-known) [Jenkins, 1997, p. 21–27]. Например, при отсутствии предшествующего знакомства с объектами и связями просто невозможно вывести единственно верный силлогизм или его отдельные предпосылки. В этом случае при инферировании мы руководствуемся другими принципами познания, например, опорой на сенсорный опыт или на ранее задействованные причинно-следственные связи и отношения.

Высказанные положения наглядно демонстрируют, что истоки логико-философских, формально-логических и эпистемологических (когнитивных) концепций инференции обнаруживаются в самых ранних подходах к анализу выводного знания. Отметим, что интерес к знанию, выводимому опытным путем, поддерживается и получает определенное развитие в философских концепциях XVI–XIX вв. (например, в теориях Ф. Бэкона, Дж. Локка, В. фон Гумбольдта, А.А. Потебни): в это время возможности разных типов опытного знания (чувственного, опытного, деятельностного, индивидуального, психологического) начинают изучаться более целенаправленно.

Непосредственные источники инференциальных концепций лингвокогнитологии

Сформировавшиеся на рубеже XIX–XX вв. и в первой половине XX в. концепции инференции апеллировали к одной из трех выработанных античной и средневековой философией оппозиций:

1) «истинное vs ложное знание» (в логико-философских теориях); 2) «правильное vs ошибочное знание» (в формально-логических теориях, в том числе, в лингвистической семантике); 3) «знание, выводимое из предшествующего опыта vs знание, не имеющее аналогов в прошлом» (в ранних когнитивных теориях инференции).

Так, подход к выводному знанию на основе оценки его истинности / ложности развивается в работах философов-логиков Б. Рассела, У. Куайна, Ш. Кripке, А. Тарского.

Правильность / неправильность выводного знания становится основным критерием для формирования концепций модальной логики Р. Монтэгю, Я. Лукасевича и становления логико-прагматической концепции Г.П. Грайса.

В языкоznании две названные оппозиции сформировали ключевые направления и подходы системоцентрической парадигмы.

Среди поворотных концепций, вновь обративших внимание исследователей на третью оппозицию при анализе выводного знания, а именно, на поиск оснований для оценки выводного знания относительно предшествующего опыта, назовем семиотико-эпистемологические теории познания. Для них характерен отказ от жесткого детерминизма, что связано с поворотом к опытному, выводимому знанию, результату взаимодействия человека со средой. Среди наиболее ярких представителей данного подхода назовем таких исследователей, как Ч.С. Пирс (концепция когнитивного прагматизма или «прагматицизма», как предпочитал называть его Ч.С. Пирс), Г.Г. Шпет, М. Мерло-Понти (неогумбольдтианство, или теория трансцендентальной философии языка), Я. Хинтикка (теория «возможных миров»). Кратко покажем основные направления понимания инференции в их работах.

Для Ч.С. Пирса выводное знание в контексте эпистемологии связано с применением операции абдукции, под которой он понимает «акт догадки как основу для рождающихся научных гипотез и вида инференциального знания», отмечая, что «абдукция объединяет научный поиск и обыденное мышление» [Peirce, 1940 (1955), p. 5]. В качестве основного принципа инференциального знания Ч.С. Пирс усматривает «наличие склонности сознания, врожденной или приобретенной, которая управляет выбором инференции», причем истинность (truth) выводного знания определяется соответствием (validity) другим инференциям, выработанным этой же склонностью сознания» [Peirce, 1940 (1955), p. 8]. Таким образом, в логико-семиотической концепции выводного знания Ч.С. Пирса критерии «истинности / ложности» и «правильности / ошибочности» уступают место критерию «соотнесенность с прошлым опытом (знанием, убеждением) / отсутствие предыдущего опыта».

В то же самое время, когда разрабатывал свою логико-философскую концепцию Ч.С. Пирс, в недрах философии языка развивались феноменологические и эпистемологические теории познания как продолжение и развитие гуманистических идей В. фон Гумбольдта. Идеи «цельного знания» развивались в рамках школы Всеединства, где достижение цельного знания признавалось возможным при движении от науки (А.Ф. Лосев), философии (С.Н. Булгаков) или теологии (П.А. Флоренский), но только в их

синтезе [Постовалова, 2016]. Концепции, в которых изучаются отдельные типы инференции, принадлежат школам трансцендентальной философии языка (разрабатывающим общефилософские положения теории Э. Гуссерля), например отечественной школе Г.Г. Шпета, французской школе М. Мерло-Понти, финской школе Я.Ю. Хинтикки. Так, в основе формирования инференций для Г.Г. Шпета оказывается предицирование, или установление отношений слова к значению, под которыми Г.Г. Шпет понимает понятие. Так, он пишет: «Мы исследуем слово как источник познания, как *pr. cognoscendi*, т.е. берем его всегда как знак с его значением. Но интересуемся не самим значением и не носящим его предметом, а теми внутренними формами языка, в которых отражается отношение слова к значению <...> Такие отношения есть *понятия*» [Шпет, 1996, с. 110]. Понимание связано с предицированием, но оно не есть предицирование. Как отмечает А.Г. Вашестов, «знание в интерпретации Шпета складывается из элементов чувственного и разумного, непосредственно данного в восприятии и рассудочного, выражавшегося опосредованно, в понятии <...> Первым из феноменологов Шпет поставил проблему традиции как условия понимания» [Феноменология, 1988, с. 75–76].

Для М. Мерло-Понти инференции формируются на основе собственного опыта взаимодействия с миром, т.е. инференция – это коммуникация между *Ego₁*, активным, познающим, конструирующими мир, и *Ego₂*, скрытым, пассивно способствующим формированию новых смыслов. Так, Мерло-Понти отмечает, что «за пониманием речи, которая является частью дискурса и существующей правдой, лежит скрытое понимание себя, познаваемого самим собой» [Merleau-Ponty, 2005 (1962), р. 360]. Вопрос истинного познания снимается тем, что любое чувственное познание, чувственный опыт есть опыт пережитый, поэтому истинный [Merleau-Ponty, 2005 (1962), р. 337]. Интерпретаторы учения М. Мерло-Понти отмечают, что коммуникация с миром и с самим собой в этом мире – это и есть синестезия в понимании М. Мерло-Понти, в ходе которой задействуются все «чувственные модальности» [Smith, 2007, р. 19].

При описании моделей инференции Я.Ю. Хинтика развивает вероятностно-статистическую теорию выводного знания через метафору контейнера или урны с извлекаемыми из нее шариками. Речь идет о так называемой концепции контейнера / «урны» (urn models) (применяемой Я.Ю. Хинтиккой вслед за Вейкко Ранталом [Rantala, 1975]), где некоторые параметры (quantifiers) могут от-

вести или увести (successive draws) человека от наиболее вероятного результата или наиболее вероятной модели выводного знания за счет серии последовательных поисков [Hintikka, 1982, p. 84]. Серии таких поисков называются эпистемическими моделями, т.е. возможными моделями познания, в противовес единственно правильной логической модели выводного знания. Как поясняет Я.Ю. Хинтикка, существование множественных возможностей инференции обусловливается тем, что бывает не только знание о том, что существует (knowing that there is), но и знание о том, кто или что существует (knowing who or what). Также Я.Ю. Хинтикка пишет о возможности актуализации как активного, так и скрытого знания, потенциального и виртуального знания (active, tacit, potential, virtual knowledge), упоминает фактор внимания (range of attention) как способный повлиять на выбор модели выводного знания [Hintikka, 1986, p. 76].

Высказанные идеи получают развитие во многих когнитивных концепциях, более ранних и более поздних, например, в теории Н. Хомского в отношении вариативности инференциальных моделей и параметров, где под параметрами понимаются «точки выбора, которые можно фиксировать на одной из ограниченного числа позиций» [Хомский, 2010, p. 30; Chomsky, 2002]. В неопрагматических концепциях термин «инференция» в настоящее время используется в качестве «зонтичного» термина для проявлений выводного знания, что объясняется как его более общим надпрагматическим характером, так и возможностью нетерминологического использования [Irmer, 2011]. Получив когнитивное развитие в работах У. Селларса [Sellars, 1953], термин «инференция» становится одним из центральных в теории выводного знания (подробнее см. в: [Ирисханова, Киосе, 2016]), сохраняя при этом возможности нетерминологического использования (и исключительно терминологического в отечественной когнитологии).

Таким образом, уже на первых этапах зарождения классической логики были сделаны выводы о существовании множественных путей инференциального знания. Для современной когнитивной науки особое значение приобретают концепции «опытного знания» как предусматривающие участие разных сенсорных модальностей, когниции и перцепции, разных типов знаний; описывающие проявление разной степени активности познающего субъекта и другие факторы. Систематизация данных подходов позволяет определить возможные пути формирования выводного знания, ко-

торыми нельзя пренебрегать при анализе особенностей извлечения текстовой информации.

Список литературы

Болдырев Н.Н. Интерпретация мира и знаний о мире в языке // Когнитивные исследования языка. – Москва; Тамбов, 2014. – Вып. 11. – С. 20–28.

Беляевская Е.Г. Интерпретация знаний о мире и языке: Методы изучения // Интерпретация мира в языке. – Тамбов, 2017. – С. 82–157.

Ефремов И. Лезвие бритвы. – М., 1988. – 672 с.

Иришанова О.К., Куоце М.И. Технологии трансфера междисциплинарных терминов в лингвистику // Лингвистика и семиотика культурных трансферов: Методы, принципы, технологии. – М., 2016. – С. 151–180.

Месиц С.В. Трактат Аристотеля «О памяти и припомнении» // Вопр. философии. – М., 2004. – № 7. – С. 158–160.

Постовалова В.И. Наука о языке в свете идеала цельного знания: В поисках интегральных парадигм. – М., 2016. – 272 с.

Феноменология и ее роль в современной философии: (Материалы «круглого стола») // Вопр. философии. – М., 1988. – № 12. – С. 43–84.

Хомский Н. О природе и языке: С очерком «Секулярное священство и опасности, которые таит демократия» / Пер. с англ. – Изд. 3-е. – М.: КомКнига, 2010. – 288 с.

Шнеп Г.Г. Язык и смысл / Публ. и ком. Дмитриева Т.А., Чубарова И.М. // Логос. – М., 1996. – № 7. – С. 81–122.

Aristotle. On memory and reminiscences / Trans. Beare J.I. – Helsinki, 2012. – 20 p.

Bloch D. Aristotle on memory and recollection: Text, translation, interpretation, and reception in western scholarship. – Leiden; Boston, 2007. – 276 p.

Brandom R.B. Articulating reasons: An Introduction to referentialism. – Cambridge (Mass.), 2000. – 227 p.

Chomsky N. On nature and language. – Cambridge, 2002. – 206 p.

Classic readings in semiotics: For introductory courses / Ed. by Perron P., Danesi M. – Ottawa, 2003. – 199 p.

Hintikka J. Questions with outside quantifiers // Papers from the parasession on nondeclaratives. – Chicago, 1982. – P. 83–92.

Hintikka J. Reasoning about knowledge in philosophy: The paradigm of epistemic logic // Theoretical aspects of reasoning about knowledge: Proceedings of the 1986 conference. – Amsterdam, 1986. – P. 63–80.

Irmer M. Bridging inferences: Constraining and resolving under-specification in discourse interpretation. – Berlin, 2011. – 407 p.

Jenkins J.J. Knowledge and faith in Thomas Aquinas. – Cambridge, 1997. – 265 p.

Lisska A.J. Deely, Aquinas, and Poisot: How the intentionality of inner sense transcends the limits of empiricism // Semiotica. – Berlin, 2010. – Sp. iss., Part 1., vol. 178., N 1/4. – P. 135–167.

Merleau-Ponty M. Phenomenology of perception / Transl. by Smith C. – L.; N.Y., 2005¹. – 417 p.

Panther K.-U., Thornburg L. Metonymy and pragmatic inferencing. – Amsterdam, 2003. – 280 p.

Peirce Ch. S. Philosophical writings of Peirce. – N.Y., 1955 (1940). – 386 p.

Psychologie d'Aristote: Opuscules (Parva Naturalia) / Traduit par Barthélemy Saint-Hilaire. – P., 1847. – 445 p.

Rantala V. Urn models: A new kind of non-standard model for first-order logic // *J. of philosophical logic*. – N.Y., 1975. – Iss. 4. – P. 455–474.

Sellars W. Inference and meaning // *Mind*. – Oxford, 1953. – N 62 (3). – P. 313–338.

Smith A.D. The flesh of perception: Merleau-Ponty and Husserl // Reading Merleau-Ponty: On phenomenology of perception. – L.; N.Y., 2007. – P. 1–22.

Sorabji R. Aristotle on memory. – L., 1972. – 122 p.

Sorabji R. Infinite power impressed: The transformation of Aristotle's physics and theology // Aristotle transformed: The ancient commentators and their influence. – Ithaca; N.Y., 1990. – P. 181–198.

¹ Первое издание вышло в 1962 г. – *Прим. авт.*

Н.Н. Трошина

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ТЕКСТА И ЕГО СМЫСЛ

Аннотация. Различаются статический и динамический аспекты рассмотрения текста в речевой коммуникации: текст в статике (графически зафиксированная цепочка вербальных и невербальных знаков) и два текста в динамике (погрождаемый и воспринимаемый, т.е. «встречный»). Стилистическая структура текста в статике очерчивает границы того поля, в котором развиваются семантический и стилистический процессы во «встречном» тексте, формирующие ментальное образование в сознании реципиента.

Ключевые слова: когезия текста; когерентность текста; текстовая модель; текст в статике; текст в динамике; содержание текста; смысл текста; стилистическая структура текста; стилистический смысл; стилистический процесс.

N.N. Troshina Stylistic structure of the text and its meaning

Abstract. The article distinguishes between static and dynamic aspects of the text in speech communication: a text in statics (graphically recorded chain of verbal and nonverbal signs) and two texts in dynamics (generated and perceived, i.e. «counter»). Stylistic structure of the text in statics outlines the boundaries of the field which develops semantic and stylistic processes in the «counter» text and thus forming some mental formation in the mind of the recipient.

Keywords: text cohesion; text coherence; text model; text in statics; text in dynamics; text content; text meaning; stylistic structure of text; stylistic meaning; stylistic process.

Прошло уже не одно десятилетие с тех пор, как текст стал объектом пристального внимания языковедов, но споры вокруг

основных понятий из этой области не утихают до сих пор. Вопрос сводится, собственно, к одному: что делает текст текстом?

Широко известен список критериев текстуальности, предложенный Р.-А. де Бограндом и В. Дресслером [Beaugrande, Dressler, 1981]:

- 1) когезия (Kohäsion) – грамматическая связность элементов текста;
- 2) когерентность (Kohärenz) – цельность как содержательная взаимосвязь элементов в тексте, формирующаяся с учетом фоновых знаний коммуникантов;
- 3) интенциональность (Intentionalität) – намерение отправителя текста построить связный и содержательный текст;
- 4) приемлемость (Akzeptabilität) – ожидание реципиента получить связный и содержательный текст;
- 5) информативность (Informativität) – степень новизны / неожиданности содержания текста для реципиента;
- 6) ситуативность (Situativität) – соответствие текста фактограм, актуальным для данной коммуникативной ситуации;
- 7) интертекстуальность (Intratextualität) – соответствие текста определенному типу текстов и связь с другими текстами.

К этим семи критериям У. Фикс добавляет восьмой – критерий культурной соотнесенности (Kulturalität) [Fix, 1999]. Он основывается на специфическом знании, которое носители языка приобретают в процессе социализации, – знании моделей построения текстов. Эти модели культурообусловлены и могут не совпадать при создании текстов на разных языках, так, например, деловые письма, написанные по-русски и по-немецки, заканчиваются формулировками, различающимися в плане содержания (*C уважением...* и *Mit freundlichen Grüßen* «С дружеским приветом»). Тем не менее, эти формулировки коммуникативно адекватны.

В соответствии с перечисленными критериями текстуальности (признаками) текст анализировался как базисная единица речи, как линейная последовательность знаков, как законченное высказывание. Текст в процессе его порождения и восприятия стал объектом рассмотрения значительно позже.

Различение двух состояний текста (в статике и в динамике), предложенное А.И. Новиковым [Новиков, 2007], привело автора к трактовке текста как речемыслительной единицы, в результате чего название науки о тексте получило терминологическое уточнение «*психолингвистика текста*». Задача этой науки состоит в изучении

законов и механизмов порождения и понимания вербальной информации, т.е. в изучении текста в динамике. В отличие от этого в задачу традиционной лингвистики текста входит изучение текста в статике. В этой связи представляется целесообразным уточнить следующее: в процессе речевой коммуникации мы имеем дело с текстом в *трех* его ипостасях: с одним текстом в статике (текстом-продуктом) и двумя текстами в динамике (с порождаемым текстом и с воспринимаемым текстом, т.е. «встречным текстом» по терминологии А.И. Новикова). Тексты в динамике создаются минимум двумя лицами (автором и адресатом), знания, эмоциональная сфера и дискурсивная среда которых неизбежно – и нередко весьма существенно – различаются. Связующим элементом между двумя текстами в динамике является текст в статике, точнее, его содержание, которое является одной из двух семантических составляющих текста – содержания и смысла. Отмечая, что эти слова нередко употребляются как синонимы, А.И. Новиков подчеркивал, однако, феноменологическое различие стоящих за ними взаимосвязанных понятий: «если ... содержание – это проекция текста на сознание, то смысл – это как бы обратная проекция сознания на текст» [Новиков, 2007, с. 113; см. также: Новиков, 2001; Нестерова, 2009]. Взаимообусловленность содержания и смысла текста выражается в том, что при их формировании осуществляется по-переменная опора: смысловая структура опирается на структуру содержания, и наоборот, структура содержания при своем формировании опирается на смысл. В итоге они могут более или менее совпадать между собой. При этом если содержание текста базируется на денотативных (референтных) структурах, отражающих объективное положение вещей, то смысл текста основывается на уяснении реципиентом «замысла автора, который ... следует расшифровать» [Текст и его понимание, 2010, с. 21], опираясь на свой ментальный багаж.

Дифференциация содержания и смысла текста, обоснованная А.И. Новиковым, прослеживается также и в концепции Т.М. Дридзе [Дридзе, 2009, с. 51], разработавшей предметно-содержательный и информативно-целевой подходы к тексту. На вопрос, который ставится в рамках предметно-содержательного анализа («Что говорится в тексте?», «Как это говорится?»), отвечает содержание текста, зафиксированное с помощью взаимосвязанных языковых средств (средств когезии текста). На вопрос же предметно-целевого анализа («Почему и для чего в тексте вообще что-то го-

ворится?») отвечает смысл текста, так как в нем выражена позиция автора и, следовательно, отражены такие признаки текста, как интенциональность, ситуативность и интертекстуальность. Стилистические параметры смысла намечают ориентиры для восприятия порождаемого текста адресатом и, следовательно, отражают такие признаки текста, как приемлемость и информативность. Поэтому «текст изначально имеет и содержание, и смысл, ‘запакованные’ автором в языковую оболочку и пересылаемые адресату», спрашивающими пишут авторы книги «Текст и его понимание: Теоретико-экспериментальное исследование в русле интегративного подхода» [Текст и его понимание, 2010, с. 23].

Таким образом, в двух текстах, находящихся в динамическом состоянии, различно представлены признаки текстуальности (прежде всего те, которые связаны с параметрами, отражающими особенности индивидуального сознания автора и адресата, т.е. со стилистическими параметрами). Из этого следует, что когерентность этих текстов формируется также различно, в связи с чем хотелось бы отметить следующее: если внимательно присмотреться к перечисленным в начале статьи критериям текстуальности, то можно заметить, что они распадаются на две численно неравные группы. Единственному чисто языковому критерию – когезии, характеризующей оформление текста в соответствии с грамматическими правилами данного языка, – противостоит группа критерiev, отражающих социокультурные параметры дискурса, включая дискурсивные ожидания партнеров по коммуникации: интенциональность, приемлемость, информативность, ситуативность, интертекстуальность. Когерентность же является скорее кумулятивным свойством текста, нежели одним из его критерiev, поскольку она отражает смысловую цельность текста, складывающуюся из суммы семантических и стилистических характеристик единиц текста в сочетании с фоновыми и дискурсивными знаниями участников общения¹. Таким образом, смысл является кумулятивным качеством текста, лежащим в основе его когерентности (более подробный обзор публикаций о соотношении понятий «содержа-

¹ В специальной литературе представлена, однако, и несколько иная точка зрения. Так, Н.С. Бабенко, противопоставляет когезию вместе с когерентностью остальным пятью признакам текста, характеризующим его в функционально-коммуникативном и жанровом плане [Бабенко, 2009, с. 244].

ние», «смысл» и «когерентность текста» см.: [Трошина, 2009; Трошина, 2008]).

Предложенная дифференциация признаков текстуальности коррелирует также с дилеммой «содержание текста – смысл текста», обоснованной А.И. Новиковым, поскольку содержание текста выстраивается на основе лексико-семантических значений языковых единиц текста, а смысл – с опорой на дискурсивные характеристики текста и структуры сознания коммуникантов [Новиков, 2001].

Поскольку текст существует в двух динамических вариантах, то можно предположить также и два варианта когерентности текста как его кумулятивного свойства. Подтверждение этому предположению сформулировано в статье А. Шторрер «Когерентность в тексте и гипертексте», в которой автор предлагает различать два аспекта формирования когерентности текста – «планирование когерентности отправителем текста (Kohärenzplanung auf der Produzentenseite)» и «формирование когерентности получателем текста (Kohärenzbildung auf der Rezipientenseite)» [Storrer, 1999, S. 41], т.е. формирование встречного текста.

Стиль – это прежде всего семантический феномен, «всеобъемлющий семантический план текста», пишет Г. Хайнц, автор монографии «Языковая структура и поэтическое воображение: Очерки лингвистической поэтики» [Heintz, 1978]. Этот план формируется во взаимодействии лексико-семантических и стилистических характеристик текста. Последние создают стилистическую структуру текста, являющуюся одним из аспектов его общей структуры, в которой представлены также собственно семантический, грамматический, ритмический и фонетический аспекты. Стилистическая структура текста формируется на основе кооккurenции (от лат. сооссигуре «одновременно появляться») стилистических компонентов значения текстовых единиц – абсолютной стилистической окраски слов, контекстуального и коннотативного стилистических значений, присутствующих в стилистической структуре различных компонентов данного конкретного текста и взаимодействующих друг с другом.

Следует отметить, что между названными стилистическими явлениями нередко ставится знак равенства, а термины, их обозначающие, используются как синонимы. Это подтверждает статья «Стилистическая коннотация» в «Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка»: **«СТИЛИСТИЧЕСКАЯ**

КОННОТАЦИЯ (окраска, стилистическое значение) обычно определяется как дополнительные по отношению к предметно-логическому и грамматическому значению языковой единицы ее экспрессивно-эмоционально-оценочные и функциональные свойства. В более широком смысле это любая (т.е. выражаящая человеческий фактор) окраска языковых единиц, в том числе социально-политическая, морально-этическая, этнографическая и др.» [Стилистический энциклопедический словарь, 2003, с. 432]. Далее отмечается, что виды стилистической коннотации (экспрессивной окраски) могут иметь разную природу, но быть при этом «взаимопроницаемыми»: «Так, согласно наиболее распространенной точке зрения, экспрессивная окраска (усиленная выразительность, изобразительность) появляется в отклонении от общепринятого стандарта; эмоциональная – в выражении эмоций, чувств; оценочная – в квалификации обозначаемого предмета как ‘хорошего’ или ‘плохого’ по отношению к социально норме; образная – в эффекте прозрачной внутренней формы; собственно функци.-стилистическая – в отнесенности языковой единицы к обычной для нее сфере употребления ... Часто экспрессивность, эмоциональность и оценочность слиты в содержании языковой единицы (что находит отражение в составных терминах ‘экспрессивно-эмоциональное’ ‘эмоционально-оценочное’ значение) и выделяются лишь аналитически. Экспрессивно-окрашенная единица может иметь и определенную функциональную окраску» [Стилистический энциклопедический словарь, 2003, с. 432].

Мнение по этому вопросу, принципиально важному для теории стиля, представлено в концепции Э.Г. Ризель – основоположницы школы функциональной стилистики в отечественном языкоznании. В основе этой концепции лежит признание разноспектности компонентов абсолютного стилистического значения и его добавочного статуса по отношению к лексико-семантическому значению языковой единицы. Уже в 1978 г. в статье «К вопросу о коннотации»¹ Э.Г. Ризель писала: «Согласно моей концепции, абсолютное стилистическое значение базируется на имманентной языку добавочной семантической информации, анализ и доказательства которой могут быть проведены на лингвистическом уровне. С одной

¹Эта статья стала библиографической редкостью и была в 2006 г. перепечатана в сборнике «Из научного наследия профессора Э.Г. Ризель: К 100-летию со дня рождения» [Из научного наследия.., 2006]. – Н. Т.

стороны, оно уточняет основное лексико-семантическое значение языковой единицы, а с другой – определяет узуальное употребление и тем самым *коммуникативную значимость в процессе речи*. Итак, стилистическое значение показывает, при каких условиях то или иное слово современного немецкого языка употребляется сообразно своему значению. Для этого служит стилистическая модель, состоящая из *функционального, нормативного и экспрессивного* значений. Правда, иногда бывает трудно отличить основные семантические признаки слова от второстепенной стилистической информации» [Ризель, 2006, с. 286]. Однако Э.Г. Ризель была категорически против отождествления понятий «коннотативный» и «стилистический», трактуя первое как внесистемное явление, а второе именно как внутрисистемное (т.е. парадигматическое): «По нашему мнению, коннотативные семантические оттенки и эмоциональные нюансы накладываются именно на внутрисистемное абсолютное стилистическое значение, в особенности на третий, экспрессивный компонент значения лексической единицы» [Ризель, 2006, с. 288–289].

В настоящей статье используется обозначение «стилистическая окраска» как наиболее общий термин для обозначения всех видов стилистических характеристик слова – парадигматических, синтагматических и коннотативных, характеризующих эмоциональную сферу личности и дискурсивные характеристики коммуникативной ситуации.

Аналогично семантической кооккurenции, обеспечивающей семантическую связность (семантическую когезию) текста, существует и стилистическая кооккurenция, и, следовательно, стилистическая структура текста, вносящая определенный вклад в формирование общей когерентности текста [Трошина, 2009, с. 80; Трошина, 2010, с. 197]. Стилистически маркированные элементы взаимодействуют между собой, т.е. проявляют себя как носители «эмотивной валентности», о чем пишет В.И. Шаховский: «Идея эмотивной валентности является дальнейшим развитием тезиса о закономерности эмоционально-экспрессивного и экспрессивно-стилистического согласования языковых единиц в речевой цепи» [Шаховский, 2008, с. 117]. Эта идея прослеживается в следующем положении теории синтагматики: «Стилистический эффект сообщения, как правило, создается не языковой единицей как таковой, а фактом совместной встречаемости, соотнесенности в тексте данной единицы с другими единицами» [Стилистический энциклопе-

дический словарь, 2003, с. 447]. На основе повторяющихся одинаковых стилистических компонентов значения языковых единиц в тексте образуются стилистические цепочки, звенья которых находятся в отношении дистантного согласования, т.е. «стилистической непротиворечивости языковых единиц в рамках одного контекста, использования одинаковых по стилистическому значению (или коннотациям) стилистических единиц для реализации определенной стилистической задачи» [Стилистический энциклопедический словарь, 2003, с. 447]. Участвуя в формировании стилистической структуры текста, стилистически значимые его компоненты выступают как элементарные конституенты стилистического потенциала текста (стилистического смысла).

О существовании стилистической структуры текста писала уже в 1984 г. Б. Зандиг в статье «Общие аспекты стилистического значения, или: 'Хамелеон стиль'» [Sandig, 1984], предлагая различать стилистическую структуру текста (конфигурацию стилистически значимых элементов текста) и функцию этой структуры. В монографии «Немецкая стилистика текста», вышедшей в 2006 г., автор пишет: «Стилистическая структура формируется как пучок совместно появляющихся признаков (*Bündel miteinander vorkommender kookkurierender Merkmale*), которые могут быть описаны как принадлежащие к различным уровням языковой системы, а также к области паразыковых феноменов или к другим типам знаков» [Sandig, 2006, S. 55] (речь идет не только о чисто вербальных, но и о поликодовых текстах – *H. T.*). Эти признаки могут взаимодействовать как в горизонтальном, так и в вертикальном соотнесении. Замечание Б. Зандиг о том, что эти совместно появляющиеся признаки могут в стилистическом плане характеризовать единицы различных уровней языковой системы, исключительно важно, так как этим подчеркивается интегративный характер стилистической структуры текста.

В этой же монографии акцентируется семантическая природа стиля и вводится понятие «стилистический смысл» (*stilistischer Sinn*) [Sandig, 2006, S. 53]. Именно стилистический смысл отражает и выражает интенсиональность текста и направляет понимание текста адресатом в соответствии с авторской коммуникативно-прагматической задачей (см. выше о предметно-целевом анализе текста). Направление и корректировка понимания текста адресатом, т.е. постепенное формирование в его сознании смысла встречного текста происходит не только благодаря тому, что в тек-

сте-продукте (тексте в статике) есть изначально и содержание, и смысл, но и благодаря тому, что этот смысл выстраивается постепенно, по ходу развития в тексте семантического процесса. Мысль Г. Хайнцца [Heintz, 1978] о необходимости различать понятия «семантическая структура» и «семантический процесс» объясняет расхождения в концепциях представителей классической теории значения и контекстуальной семантики. Если в первом случае речь идет о модели значения языкового знака, то во втором – о модели генезиса смысла, т.е. об изменении значения языковых единиц в контексте, о формировании их текстуальной значимости, которую автор определяет как «валеризацию» (Valeurisierung) [Heintz, 1978, S. 40]¹. Не случайно Г. Хайнцц обращается к соссюровской системной диахотомии «значение – значимость» (signification – valeur) и прослеживает ее проявление в структуре поэтического текста. Доказывая, что на значении как системной характеристике языкового знака основывается его валеризация, автор приводит следующий пример из стихотворения Б. Брехта «Ели»:

*In der Frühe
Sind die Tannen kupfern.
So sah ich sie
Vor einem halben Jahrhundert
Vor zwei Weltkriegen
Mit jungen Jahren.*

¹ «Понятия смысла и значения неразрывно связаны с языковым знаком, его дуалистической природой», пишет Н.М. Нестерова [Нестерова, 2005, 51] и отмечает, что особо деструктивным отношением к знаку отличались постструктураллисты (Ю. Кристева, Р. Барт, Ж. Делез, Ж. Деррида, М. Фуко и др.). «Знакоборчество» (термин Р. Барта, цит. по: [Нестерова, 2005, с. 51]), т.е. «борьба против соссюровской концепции знака, против понимания значения как отношения означающего к означаемому», привело к введению Ж. Лаканом понятия «пла-вающего означающего» [цит. по: Нестерова, 2005, с. 51] и, следовательно, к отрицанию смысла как изначально заданного признака текста. С этим едва ли можно согласиться, так как определенный смысл вкладывается в текст уже в процессе его порождения в соответствии с интенциональностью текста. Более убедительной представляется позиция Г. Хайнцца, согласно которой именно на системном значении языкового знака (а не на отказе от этого значения) основываются все контекстуальные семантические процессы в тексте (как порождаемом, так и воспринимаемом). – *H. T.*

«Ранним утром
Ёли медные.
Такими я их видел
Полвека назад
Перед двумя мировыми войнами
В молодые годы».

Слова *kupfern* и *Frühe* изменяют в тексте свое изначальное значение, соответствующее системному *kupfern* «медный» и *Frühe* «раннее время суток». К концу стихотворения, «в кульминационный момент чтения» [Heintz, 1978, S. 119] *kupfern* воспринимается как тревожный сигнал комплекса понятий ‘война, кровь, огонь’, *Frühe* – как поэтический синоним ‘утро жизни, молодость’.

Поскольку стиль – это семантический феномен, то дифференциация понятий «структур» и «процесс» в такой же степени применима также и к стилю и существенна для анализа участия стилистических процессов в смыслообразовании. Особенно ярко это участие проявляется в современной поэзии, стиль которой всегда стремится к новому языку. Приведенный пример показывает также, что стилистический и собственно семантический процессы развиваются в тесном взаимодействии друг с другом.

В завершение статьи подчеркнем следующее.

Некое вербальное образование воспринимается как текст только в том случае, если в нем обнаруживается смысл, который формируется в процессе взаимодействия не только лексико-семантических, но и стилистических характеристик его компонентов. И первые, и вторые образуют взаимосвязанные структуры.

Текст в статике обладает стилистической структурой, очерчивающей поле, в котором развиваются стилистический и семантический процессы. Поскольку этот текст является соединительным элементом для двух текстов в динамике (порождаемом и встречном), то стилистические процессы в нем определяют первичный вклад стиля в смысл, формирующийся в сознании адресата. Реальная же доля стилистического смысла в ментальном образовании, которое складывается в результате интерпретации сообщаемого в тексте [Новиков, 2000, с. 5], зависит от кругозора адресата, его подготовленности к восприятию и пониманию данного текста.

Список литературы

Бабенко Н.С. Textsortenlinguistik vs лингвистическое жанроведение // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. – М.: Языки славянской культуры, 2009. – Т. 5: Типология текстов Нового времени. – С. 235–244.

Дридзе Т.М. Язык и социальная психология. – М.: URSS, 2009. – 224 с. Из научного наследия профессора Э.Г. Ризель: К 100-летию со дня рождения = Aus dem wissenschaftlichen Nachlass von Professor Elise Riesel: Jubiläumsband zum 100. Geburtstag / Сост. Любимова Н.В., Фадеева Г.М. = Hrsg. von Ljubimova N., Fadeeva G. – М.: МГЛУ, 2006. – 352 с.

Нестерова Н.М. Текст и перевод в зеркале современных философских парадигм. – Пермь: Перм. гос. ун-т, 2005. – 202 с.

Нестерова Н.М. Психолингвистика текста, или есть ли смысл в тексте? // Вопр. психолингвистики. – М., 2009. – № 9. – С. 213–219.

Новиков А.И. Содержание и смысл текста // Вестн. Ярослав. пед. ун-та. – Ярославль, 2000. – № 3. – С. 3–11.

Новиков А.И. Доминантность и транспозиция в процессе осмысливания текста // Scripta linguisticae applicatae: Проблемы прикладной лингвистики, 2001. – М.: Азбуковник, 2001. – С. 155–181.

Новиков А.И. Текст и его смысловые доминанты. – М.: Азбуковник, 2007. – 224 с.

Ризель Э.Г. К вопросу о коннотации // Из научного наследия профессора Э.Г. Ризель: К 100-летию со дня рождения = Aus dem Nachlass von Professor Elise Riesel: Jubiläumsband zum 100. Geburtstag. – М.: МГЛУ, 2006. – С. 283–285.

Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. Кожиной М.Н. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 694 с.

Текст и его понимание: Теоретико-экспериментальное исследование в русле интегративного подхода / Пешкова Н.П., Авакян А.А., Кирсанова И.В., Рыбка И.Н. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. – 264 с.

Трошина Н.Н. Стилистическая эквивалентность перевода как проблема межкультурной коммуникации // Ментальность. Коммуникация. Перевод: Сб. статей памяти Федора Михайловича Березина. – М.: ИНИОН РАН, 2008. – С. 159–179.

Трошина Н.Н. Роль лексических эквивалентов при передаче стилистической структуры текста в переводе // Вопр. филологии. – М., 2009. – № 1. – С. 76–84.

Трошина Н.Н. Стилистическая эквивалентность // Основные понятия переводоведения: Отечественный опыт: Терминологический словарь-справочник. – М.: ИНИОН РАН, 2010. – С. 196–197.

Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. – М.: Гнозис, 2008. – 416 с.

Beaugrande R.-A. de, Dressler W. Einführung in die Textlinguistik. – Tübingen: Niemeyer, 1981. – 188 S.

Fix U. Textsorte – Textmuster – Textmustermischung: Konzept und Analysebeispiele // Cachiers d'Etudes Germanistiques: Textlinguistik: An- und Aussichten. – P., 1999. – Jg. 2, N 37. – S. 11–15.

Heintz G. Sprachliche Struktur und dichterische Einbildungskraft: Beiträge zur linguistischen Poetik. – München: Hübner, 1978. – 434 S.

Sandig B. Generelle Aspekte stilistischer Bedeutung oder: das «Chamäleon Stil» // Kwartalnik neofilologiczny. – Warszawa, 1984. – N 31, vol. 3. – S. 265–285.

Sandig B. Textstilistik des Deutschen. – 2., völlig neu bearbeit. u. erweit. Aufl. – Berlin; N.Y.: de Gruyter, 2006. – 583 S.

Storrer A. Kohärenz in Text und Hypertext // Text im digitalen Medium: Linguistische Aspekte von Textdesign, Texttechnologie und Hypertextengineering. – Opladen; Wiesbaden: Westdt. Verlag, 1999. – S. 33–65.

И.А. Гусейнова

РОЛЬ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ

А.И. НОВИКОВА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЕОРИИ

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются примеры творческого применения научного наследия выдающегося отечественного лингвиста А.И. Новикова. Анализируются его программные труды и формулируется вывод о том, что разработанные им подходы к анализу текста и интерпретации позволяют распознавать имплицитные смыслы в полимодальных текстах, репрезентирующих разновидности институционального дискурса.

Ключевые слова: институциональный дискурс; информационная структура текста; институциональная коммуникация; анализ текста; интерпретация; фокус внимания; распределение внимания; эвокативность; воздействие; эксплицитность; имплицитность.

I. Guseynova

A.I. Novikov's Scientific heritage

and the Russian theory of institutional discourse

Abstract. The article discusses the scientific heritage of the great Russian scientist A.I. Novikov and analyses examples of further creative development of his ideas. The analysis of curriculum works by A.I. Novikov reveals that the approaches to text analysis and text interpretation suggested by him provide deeper understanding of implicit meanings hidden in multimodal texts that combine features of different kinds of institutional discourse.

Keywords: institutional discourse; informational text structure; institutional communication; text analysis; interpretation; focus of attention; distribution of attention; evocative meaning; impact; explicit meanings; implicit meanings.

В современном мире все большее значение приобретают социальные практики, которые принято считать успешными, поскольку они способствуют реализации социокультурного взаимодействия в условиях межкультурной коммуникации. Об этом свидетельствует, прежде всего, возросший объем публикаций, посвященных анализу коммуникативных и / или дискурсивных стратегий, выполненных на материале различных языков. В данных работах современные исследователи уделяют особое внимание лексическим и грамматическим средствам, позволяющим осуществить межкультурное общение с учетом специфики представителей различных лингвокультур и особенностей институциональной коммуникации. При этом научное внимание многих ученых, работающих в современных парадигмах гуманитарного знания, сосредоточено на изучении глобальных текстовых структур – макро- и суперструктур, риторической структуре текста, его информационной структуре и т.п. Анализируются текстовые структуры в различных видах дискурса и жанров, а также выявляются когнитивные механизмы порождения, восприятия, анализа и интерпретации текстов.

В свете вышесказанного следует отметить, что возросший интерес к информационной структуре текста во многом обусловлен изучением отечественного научного наследия, которое в современных теориях приобретает дополнительные смыслы, свидетельствующие о провидческом научном даре многих ученых, в том числе и А.И. Новикова (1938–2003). Как показывает содержание трудов ученого, его языковедческие интересы были весьма разнообразны, однако все опубликованные статьи и монографии демонстрируют тот факт, что он прежде всего последовательно развивал лингвистику текста, учитывая своеобразие и специфику информационной структуры текстов разной жанровой направленности. Наиболее четко лингвистические интересы А.И. Новикова представлены в его программных статьях, выполненных как им самим, так и в соавторстве с его учениками и последователями. Приведем некоторые из них: «Семантика текста и ее формализация» [Новиков, 1983]; «Текст, смысл и проблемная ситуация» [Новиков, 1999 б], «Концептуальная модель порождения вторичного текста» [Новиков, Сунцова, 1999]; «Смысл: Семь диахроматических признаков» [Новиков, 1999 а]; «Смысл как особый способ членения мира в сознании» [Новиков, 2000]; «Доминантность и транспозиция в процессе осмысливания текста» [Новиков, 2001]; «Текст и ‘контр-

текст': Две стороны процесса понимания» [Новиков, 2003]; «Научно-популярный текст в его соотношении с научным текстом» [Новиков, Богословская, 2003]; «Текст и его смысловые доминанты» [Новиков, 2007] и др.

Известно также, что А.И. Новиков плодотворно работал над проблемами прикладной лингвистики, что позволяет сегодня разрабатывать на основе его творческих идей современные компьютерные решения в области лингвистики и информационных технологий в переводе. Следует подчеркнуть, что научное наследие А.И. Новикова приобретает в ряде случаев институциональный характер и проявляется себя в работе различных прикладных институтов в структурах многих образовательных и академических учреждений.

В свете вышесказанного следует упомянуть современные работы, в которых наиболее полно представлена прикладная значимость трудов А.И. Новикова, в том числе сборник «Логический анализ языка. Информационная структура текстов разных жанров и эпох» [Логический анализ языка, 2016], где информационная структура текстов рассматривается на материале самых различных языков, а способы ее вербализации анализируются как на уровне текста, так и на уровне отдельных высказываний, детерминирующих научный, публицистический, художественный и другие не менее значимые и востребованные жанры. Обратимся ниже к теоретическим работам современных отечественных лингвистов.

В статье С.Ю. Семеновой «Возможности субстантивных структур для представления параметрической информации из текста» [Семенова, 2016] детально описываются количественные и качественные параметры, формирующие информационную структуру текста в понимании А.И. Новикова. По мнению С.Ю. Семеновой, «для извлечения параметрической информации из текста необходимо изучение и описание соответствующей лексики» [Семенова, 2016, с. 36] и, шире, «некоторых других релевантных групп лексики» [Семенова, 2016, с. 36]. На наш взгляд, речь идет, прежде всего, о тех лексических единицах, которые предоставляют информацию об участниках общения, прагматических условиях взаимодействия партнеров по коммуникации, оценочных лексемах, характеризующих глобальный контекст и конкретное событие, и т.п. На основе анализа подобной текстовой информации возможна разработка целых систем идентификации типологического свойства, позволяющих выстраивать профиль коммуникантов и моделировать условия обще-

ния в зависимости от выявленных и / или заданных параметров. Важно, что установленные закономерности вполне применимы к современным теориям институциональности и дискурса. Напомним, что под институциональным дискурсом, или институциональной коммуникацией, понимается «языковой дискурс, рассматриваемый в аспекте своего вербального и невербального, т.е. деятельностного выражения. Он оформлен такими языковыми средствами, которые придают ему как речемыслительному продукту институциональный характер, предполагающий формальную данность и легитимность институтов – определенных общественных организаций, регулирующих деятельность и социальные отношения на основе экономических, правовых, этических и т.п. норм» [Гусейнова, 2010, с. 16].

Разновидностями институционального дискурса в настоящее время занимаются разные школы – как отечественные, так и зарубежные, в том числе: Волгоградская школа (В.И. Карасик, В.А. Митягина, О.А. Леонтович, Л.С. Бейлинсон, Е.Н. Галичкина и др.), Тамбовская школа (И.И. Смагин, А.В. Худяков, Е.Ю. Студнев и др.), Московская школа (О.К. Ирисханова, Т.В. Писанова, Н.И. Миронова, Г.М. Фадеева, Н.Н. Трошина, М.В. Томская, И.А. Гусейнова, В.С. Нечаева, В.С. Табакова, Е.А. Северина, Е.Е. Богатырева, М.Е. Букеева, Е.А. Сухоруков и др.). Среди зарубежных следует выделить, прежде всего, французскую школу (J.-J. Lambin, и др.), американскую школу (A.W. Gouldner; H.P. Grice; R.T. Lakoff; W.J. Orlitzky, J. Yates и др.) и немецкую (Kl.-D. Baumann, G. Brünner, Th. Bungarten, N. Janich, C. Mast и др.). Данное перечисление, безусловно, не является полным и требует упоминания крупных ученых-лингвистов, работающих в русле теории дискурса или при помощи дискурс-анализа. Это обстоятельство свидетельствует о динамическом характере современных теорий, развитие которых во многом обусловлено изучением глубинных информационных структур текста с позиций когнитивной лингвистики. Так, например, М.И. Киосе в своей статье «Салиентность как когнитивный фактор успешной интерпретации непрямых выражений в тексте» отмечает, что «распознавание салиентности образа и его фокуса связано с обнаружением лингвистических, лингвопрагматических показателей выделенности и когнитивно-психологических средств распределения внимания» [Киосе, 2017, с. 90]. В отношении информационной структуры текста это значит, что маркерами салиентности могут выступать, например, различного рода оце-

ночные атрибуты, положение номинативной единицы в предложении в плане тема-рематических отношений, различные графические маркеры, служащие обозначению знаков препинания, и т.п. Далее М.И. Киосе отмечает, что в случаях непрямого наименования читателю требуется «не только распределить свое внимание при восприятии текстовых фрагментов, но и в последующем распознать их референциальную отнесенность, что подразумевает обнаружение имплицитных смыслов конструируемого образа» [Киосе, 2017, с. 91]. Данная тематика также отражена в статьях И.В. Зайцевой, М.В. Томской «Невербальные средства при представлении знаний в академическом дискурсе» [Зайцева, Томская, 2017, с. 590–596], А.И. Маковеевой «Вербальная репрезентация стереотипа СЕМЬЯ в речи взрослых и детей: (На материале русского языка)» [Маковеева, 2017, с. 654–660].

Институциональная среда чрезвычайно многогранна и объединяет различные аспекты человеческой деятельности, прежде всего, познавательный, коммуникативный и профессиональный, что позволяет рассматривать эту деятельность как некий ресурс самых разнообразных смыслов, которые объективируются при помощи различных вербальных средств и средств визуализации в зависимости от социокультурных параметров как отправителя информации, так и ее получателя, конкретного целеполагания, жанровой специфики и других не менее существенных языковых и внеязыковых факторов.

Институциональная коммуникация настолько глубоко проникла в различные сферы человеческой деятельности, что ее присутствие можно отметить в любом виде дискурса, например, в рекламном, презентационном, имиджевом, электронном, публицистическом, спортивном, экологическом и других.

В институциональном дискурсе целесообразно выделить те формы его реализации, которые в полной мере опираются на ресурсы маркетинга и СМИ. Выделенные нами институты маркетинга и СМИ наиболее наглядно демонстрируют основные свойства институциональной коммуникации, обеспечивающие ее устойчивое функционирование в глобальном дискурсивном пространстве. К специфическим *свойствам* институциональной коммуникации, обеспечивающим ее устойчивость, мы относим: 1) массовость; 2) полимодальность, которая заключается в использовании различных способов (вербальных, жестовых, зрительных акустических) освоения окружающей действительности; 3) гибридность,

которая проявляется в одновременном использовании различных семиотических кодов при оформлении, подаче и передаче информации для оказания различных видов воздействия на реципиента; 4) дуалистичность, которая обеспечивает функционирование разновидности институционального дискурса как самостоятельного образования, так и как части некоего целого; 5) многомерность, которая заключается в наличии пластов информации и различных смыслов, нуждающихся в анализе и интерпретации в ходе реализации социокультурного взаимодействия; 6) многофункциональность. Важно, что указанные свойства проявляются в различных видах институционального дискурса при помощи определенного набора единиц лексики, формирующего информационную структуру текстов, репрезентирующих отраслевое знание. Остановимся ниже на специфике маркетингового дискурса.

Как справедливо отмечает в своей диссертации «Когнитивный конфликт в немецкоязычной электронной деловой переписке» В.С. Нечаева [Нечаева, 2015], на уровне глобальных текстовых структур наблюдаются некоторые отличия электронного делового письма, используемого в институциональной коммуникации, от конвенционального. Первое также предполагает определенные каноны оформления, соблюдение которых свидетельствует о стандартизации данного жанра. Существуют специальные стилевые рамки и предписания для построения и составления сообщения. В Германии они диктуются и контролируются Немецким институтом по стандартизации (ср. нем.: das Deutsche Institut für Normung, DIN). Важной особенностью делового письма является строгое соблюдение формул вежливости, ср. нем.: *Mit freundlichen Grüßen* соответствует принятой в русскоязычном деловом общении формуле «С уважением», хотя в буквальном переводе значит «С дружеским приветом».

В нашей статье мы приводим разнообразные примеры из личной картотеки В.С. Нечаевой, которая содержит примеры аутентичных немецкоязычных писем, в которых мы из этических соображений вслед за автором не упоминаем названия фирм и компаний.

Остановимся ниже на конкретных примерах, которые свидетельствуют о том, что содержательное построение также регулируемо. Данное утверждение иллюстрируют следующие конкретные языковые примеры:

1) данные отправителя (ср. нем.: *** ***/KF/WHR/DE/BHS);

- 2) календарная дата и время (ср. нем.: 28.10.2009 17:32);
- 3) данные получателя (ср. нем.: *** ***/LCA/WHR/DE/BHS-SERVICES@BHS);
- 4) заголовок (ср. нем.: *Kontoabstimmung zum 30/09/09* – рус.: *сверка состояния счета на 30/09/09*);
- 5) обращение (ср. нем.: *Hello ****, ... – рус.: *привет, здравствуйте*);
- 6) основной текст письма (ср. нем.: ... *wir müssen auch mit unseren Kunden die Salden abstimmen. Anbei eine Kopie unserer Saldenbestätigungen, die an russische Kunden gingen. Sollten die Kunden Probleme haben, die Antwort an unsere Wirtschaftsprüfer zu senden, lasst euch die Bestätigung per Email geben und ich leite diese dann weiter. Vielen Dank für Deine Hilfe. Wünsch Dir noch einen schönen Abend.* «...мы должны согласовать с нашим заказчиком сальдо. В приложении – наши подтверждения сальдо, которые были направлены российским заказчикам. Если у заказчика возникнут проблемы, то тогда ответ следует направить нашим аудиторам. Запросите, пожалуйста, подтверждения по электронной почте и я их тогда направлю нужному лицу. Спасибо тебе за помощь. Желаю тебе хорошего вечера»);
- 7) прощальная формула (ср. нем.: *Mit freundlichen Grüßen* «С уважением»). Отметим, что данная деловая переписка осуществляется между сотрудниками, состоящими в коллегиальных отношениях на протяжении долгого времени, о чем свидетельствует, прежде всего, обращение на «ты»;
- 8) подпись или в случае нашего эмпирического материала электронная подпись (ср. англ.: *** *KF / Finance & Accounting* «финансовый отдел и бухгалтерия»), подчеркнем при этом, что наименование отделов нередко представлено на английском языке, что облегчает социокультурное взаимодействие с партнерами, работающими в международных компаниях, сотрудники которых преимущественно владеют английским языком;
- 9) отметка о наличии приложений (ср. англ.: *(See attached file: Document.pdf* «см. прилагаемый файл: документ, выполненный в формате ПДФ»);
- 10) отметка о лицах, получивших копию письма (в данном примере лица, поставленные в копию письма, отсутствуют, однако обычно это действие маркируется в электронных письмах сокращением *cc*, далее следует адрес лица, поставленного в копию);

11) постскрипту (послесловие) (ср. нем.: *P.S. Betrifft Angebot **** Rev. 08 kommerziell und Rev. 07 technisch – Mischanlage vom 26.12.2012: Mit heutiger Post erhielten wir einen Fragenkatalog (Projekt-Nummer *****). Dieser bedarf nicht nur einer Stellungnahme sondern auch einer technisch / kommerziellen Überarbeitung des Angebotes* «P.S: Касается предложения *** внутренний номер 08 – коммерческая часть, внутренний номер 07 – техническая часть – смеситель от 26.12.2012: С сегодняшней почтой мы получили список вопросов по проекту № ****. Это требует не только ответов на поставленные вопросы, но и технической и коммерческой переработки всего предложения»). Следует уточнить, что все примеры приводятся без изменений с сохранением различных ошибок – орфографических, грамматических, лексических, прагматических, пунктуационных и др.».

При одинаковой суперструктуре (тип текста «деловое письмо») макроструктура электронного письма в сравнении с конвенциональным содержит кроме приветствия, основного текста и прощальной формулы, тему сообщения (вместо заголовка) и факультативно-автоматическую подпись (вместо подписи адресанта), например:

*Von: *** «от ***»;*

Gesendet: Mittwoch, 2. Dezember 2009 13:58 «отправлено: среда, 2 декабря 2009 г. в 13.58»;

*An: *** «кому ***»*

Betreff: / AW: Analysen «тема (в ответ на...) Анализы»

*Mit freundlichen Grüßen / Best regards *** «С уважением / наилучшими пожеланиями ***»*

Projektingenieur / Project engineer «инженер проекта»

В технологии электронной почты заложена возможность самопрезентации пользователя, которая осуществляется в виде следующих элементов:

- 1) электронный адрес;
- 2) использование реального, вымышленного или неполного имени в настройках почтовой программы;
- 3) оформление файла подписи: одни сотрудники указывают в нем только свое имя, должность и название компании, другие дополняют эти данные номерами факса и мобильного или стационарного рабочего телефона, например:

*a)*** ****

Assistant to Manager Services Parts & Logistics «заместитель руководителя компании по сервису и логистике»;

6)*** ***

KF / Finance & Accounting «финансовый отдел и бухгалтерия»;

Phone «номер телефона»: +49 9605 919–671

Fax «номер факса»: +49 9605 919–610

в) индивидуальный стиль электронного письма и соблюдение правил сетевого этикета в заполнении полей заголовка, содержании электронного сообщения, а также оформлении прощальных формул, например: *Mit freundlichen Grüßen; Mit bestem Dank und freundlichen Grüßen; Best regards* «С уважением / наилучшими пожеланиями / с благодарностью и наилучшими пожеланиями» и т.д.

Зачастую корпоративные служащие могут зарегистрировать свой почтовый адрес на соответствующем сервере своей организации, а также на любом общедоступном сервере, предоставляющем такую услугу (например, на широко известной и востребованной сегодня профессиональной социальной сети *Linkedin*). Подпись и вложение всегда были присущи и первому типу, но в наши дни подобная операция приобрела совершенно иной формат, за счет которого стала возможной передача на большие расстояния не только текста в буквенном выражении, но и в звуковом (аудиозаписи), визуальном (видеозаписи). Все вышеперечисленное предоставляет огромный спектр возможностей воздействия на адресата в ходе реализации институциональной коммуникации.

Для электронного делового письма типична нормированность кодов коммуникативного пространства, релевантная для корпоративной переписки, ведущейся в официальной ситуации, предполагающей наличие определенных деловых клише, оборотов и стилистических средств, выработанных жанровой спецификой. Сочетание вышеупомянутых кодов способствует выражению эмоций, а также собственного «я» как языковой личности в виртуальном пространстве. Последнее характеризуется нарушениями в орфографии, редукцией предложений, фраз или отдельных слов, словосочетаний и т.п.

Таким образом, электронное деловое письмо в институциональной коммуникации характеризуется наличием признаков разговорной речи и соблюдением конвенционализированных форм, служащих оформлению корпоративного общения с соблюдением статусно-ориентированных ролей, например: *Guten Morgen ***, hast du die Planung fertig? Wir müssen die Flüge buchen, bitte bis spätestens Mittwoch an uns weiterleiten damit wir alles fest machen können.* «Доброе утро, ***, план готов? Нам нужно забронировать би-

леты на самолет, пожалуйста, пришли нам данные не позднее среды, с тем чтобы мы могли все согласовать».

Лексические клише используются в конструкциях на уровне малого синтаксиса: *Guten Tag die Damen* «Здравствуйте, дамы», *Hallo zusammen* «Всем привет», *Danke und schönes Wochenende* «Спасибо, и хороших выходных».

На лексико-грамматическом уровне характерно употребление в деловой и официальной речи сослагательного наклонения. Эта комбинация служит достижению эффекта демонстрации уважения и хорошего расположения к партнеру по коммуникации,ср.: *Könnten Sie mir dieses Material noch einmal elektronisch schicken?* «Вы не могли бы мне выслать еще раз этот материал по электронной почте?»; *Ich bräuchte nun (eine oder beide) Kreditkarten, damit die Buchung garantiert wird.* *Könnten Sie mir die Details senden?* «Мне нужны были бы теперь кредитные карты (одна или обе), чтобы гарантировать бронирование. Вы не могли бы мне прислать нужную информацию?» и т.д.

Следует отметить, что для высказываний большого объема типично использование пассивных конструкций. Они обращают внимание адресата на предмет или объект обсуждения, а также являются характерной чертой официального стиля общения. Например: *Er fährt mit dem Express bis zum Hauptbahnhof und möchte von dort abgeholt werden* «Он едет на экспрессе до главного вокзала и хотел бы, чтобы его там встретили», *Auf Grund der Osterfeiertage kann mit einer entsprechenden Revision erst nach Ostern begonnen werden* «По случаю пасхальных каникул ревизия может начаться только после Пасхи» и т.д.

С точки зрения глобальной структуры в письме четко соблюдается отлаженный «канон» его составления, внешнего вида и, отчасти, содержания.

Поскольку сотрудник, как правило, является частью корпоративного механизма, он стремится представлять себя в качестве одной из составляющих этого целого, что выражается в попытке избежать персонифицированных высказываний, например: *Genaue Gründe sind uns nicht bekannt* «Точные причины нам неизвестны» [Нечаева, 2015, с. 50–160]. Таким образом, анализ информационной структуры электронного делового письма позволяет не только выделить модель построения текста, но и выявить закономерности ее применения в институциональной среде.

Следует отметить, что идеи А.И. Новикова о наличии скрытых смыслов и возможности их расшифровки с позиций когнитивистики также находят свое воплощение в работах современных ученых, посвященных анализу текстов СМИ.

В своей статье «Насколько организован информационный поток в медиапространстве?» Л.И. Гришаева пишет, что «в актуальном медиапространстве информационный поток организован в семантическом и синтаксическом отношениях» [Гришаева, 2016, с. 399]. По мнению цитируемого автора, это объективируется в употреблении определенного набора языковых средств, используемых в различных лингвокультурах. Содержательное единство контента в разных лингвокультурах достигается путем многочисленных повторов, применением схожих концептуальных метафор. Кроме того, в медиапространстве предпочтение отдается определенным межтекстовым связям. Л.И. Гришаева пишет: «Наиболее значимы аллюзия, апелляция к прецедентным феноменам, перенфразирование, концептуальная метафора» [Гришаева, 2016, с. 404]. Это обусловлено тем, что перечисленные средства «активизируют знание, разделяемое всеми носителями языка и культуры» [Гришаева, 2016, с. 404].

В своей статье А.Д. Шмелев «'Невысказанные мысли' в историко-культурной перспективе» [Шмелев, 2016] детально анализирует различные виды имплицитности, соотнося ее с презумпцией и понимая под последней, вслед за Е.В. Падучевой, «семантический компонент предложения, не выраженный в нем с достаточной эксплицитностью» [Падучева, 1981, с. 86].

В нашей трактовке ключевых идей А.И. Новикова вынесказанное имеет методологическое значение, поскольку речь идет о стратегиях презентации информации с учетом специфики институциональной среды. В этой связи следует упомянуть исследование Беданоковой З.К. «Эвокативность как когнитивно-семиотическая и речеязыковая форма: (На примере российской рекламы)», в которой автор утверждает, что для распознавания смысла необходимо привлечение контекста или «ситуации семиозиса (порождение и интерпретация знака), в результате чего возникает интегральный смысл определенного семиотического произведения» [Беданокова, 2018, с. 14]. Иными словами, понимание эвокативности как когнитивного механизма, способного вызвать в сознании реципиента соответствующую реакцию, позволяет исследовать в тексте его скрытую информационную структуру, насыщенную такими квази-

дискретными феноменами, как «смешное, имплицитное, подразумеваемое, намек, подтекст» [Беданокова, 2018, с. 4]. Отметим также, что под языковой эвокативностью в широком смысле слова З.К. Беданокова понимает «определенный механизм смыслообразования – когнитивной контаминации (блэндинга) двух и более семантических планов» [Беданокова, 2018, с. 5]. Далее цитируемый автор дает следующее определение эвокативности, трактуемой в узком смысле: это – «форма конкретного дискурса, построенного определенным образом, который совершается на основе имплицитности как имманентной составляющей семантики знака – с целью непрямого воздействия на адресата» [Беданокова, 2018, с. 24].

Выявленные особенности информационной организации полимодальных текстов институциональной коммуникации находят свое применение в лингвистическом анализе художественных текстов.

А.С. Агельярова в публикации «Обособленный член предложения в информационном строем текста: (На материале англоязычной художественной прозы)» пишет о необходимости определения ранга «самого главного члена предложения – доминанты предложения» [Агельярова, 2017, с. 8], который в контекстном употреблении и с позиции информационного строя предложения может не совпадать с главными его членами – подлежащим и сказуемым. Иными словами, концепция А.И. Новикова позволяет вскрыть когнитивные основания синтаксиса и роль доминанты предложения, которой может быть обособленный член предложения. Возникшая в сознании, доминанта «стягивает вокруг себя определенное содержание, переструктурирует его и тем самым организует определенным образом семантическое пространство» [Новиков, 2007, с. 56]. В этом смысле обособление выступает средством «эксплицитного выражения синтаксических связей как внутри предложения, так и на уровне диктумы, мельчайшей тематической единицы текста» [Агельярова, 2017, с. 9]. Элиминирование обособленных членов предложения нарушает информационную структуру текста, так как «обособленные определения, являясь составной частью тематического элемента высказывания, одновременно вводят дополнительную информацию» [Агельярова, 2017, с. 12–13]. Из этого следует, что обособление способствует выделению новых качеств субъекта или объекта, нуждающихся в экспликации дополнительных признаков.

Примечательно, что проблемы эксплицитности и имплицитности имеют существенное значение для теории и практики перевода. Прежде всего, это касается соотношения свойств первичности и вторичности переводного текста, описываемого в статье Дымант Ю.А., Княжева Е.А. «О некоторых онтологических свойствах перевода в контексте теории вторичных текстов» [Дымант, Княжева, 2014]. Описывая смену парадигм в отечественном переводоведении (что связано с формированием лингвистического подхода к трактовке перевода как вида деятельности), авторы статьи справедливо утверждают, что вторичная природа переводного текста формируется в результате «воздействия первичного на сознание субъекта и его (текста) последующей обработки» [Дымант, Княжева, 2014, с. 89]. В основу данного утверждения положена концепция А.Н. Новикова, согласно которой любой текст обладает свойством сворачиваемости и разворачиваемости, что происходит под воздействием разнообразных факторов, оказывающих также влияние и на формирование замысла текста. Авторы статьи упоминают такие факторы, как предмет описания, т.е. тема будущего текста, цель создания, задача автора, определенный аспект рассмотрения заданного предмета, ситуация создания текста и т.п. Важно, что вторичный текст также строится под воздействием указанных выше факторов. Таким образом, «предлагаемые А.И. Новиковым модели подтверждают мысль о том, что ключевым различием в порождении первичных и вторичных текстов является принцип формирования замысла» [Дымант, Княжева, 2014, с. 90], детально описанный исследователем в статье «Концептуальная модель порождения вторичного текста» в соавторстве с Н.Л. Сунцовой [Новиков, Сунцова, 1999].

В заключение подчеркнем, что, во-первых, научное наследие А.И. Новикова нашло плодотворное применение при разработке отечественных когнитивных и дискурсивных теорий, которые нацелены на изучение информационных текстовых структур на материале различных жанров и разновидностей институционального дискурса. Во-вторых, научные идеи А.И. Новикова находят свое воплощение в современных работах, представляющих собой попытку формализовать квазидискретные феномены на материале текстов, иллюстрирующих институциональную коммуникацию. В-третьих, научное наследие А.И. Новикова находит свою реализацию в исследованиях, демонстрирующих различные способы объективации когнитивно-семиотического механизма, сопровож-

дающего как процесс порождения текстов институционального дискурса, так и их оценку, анализ и интерпретацию. В-четвертых, теоретико-методологическое наследие российского ученого играет существенную роль в работах, выстроенных в когнитивно-прагматическом русле, что позволяет современным ученым изучать стратегии и тактики таких видов институционального дискурса, как политический, дипломатический, теологический, экологический, масс-медийный, маркетинговый, рекламный и др. с учетом специфики реализации информационной структуры текста в каждом конкретном случае и с учетом своеобразия глобального контекста.

Как показывает анализ программных статей А.И. Новикова, разработанные им подходы к интерпретации полимодальных текстов, основными свойствами которых являются их гибридный характер, способность функционировать как в виде отдельного дискурса, так и в качестве составной части другой разновидности институционального дискурса, позволяют также осуществлять анализ гибридных текстов, создаваемых с учетом социокультурных характеристик целевых аудиторий и раскрывающих в зависимости от коммуникационного канала распространения информации свой прагматический потенциал. Кроме того, разработанные А.И. Новиковым подходы носят универсальный характер, так как широко применяются при анализе эмпирических языковых фактов как на уровне крупно- и малоформатного текста, так и на уровне предложений и высказываний, комплексных знаков и т.п.

О востребованности научного наследия свидетельствует также география научных публикаций, выполненных в России с опорой на фундаментальные идеи и труды выдающегося отечественного лингвиста.

Список литературы

Агельярова А.С. Обособленный член предложения в информационном строе текста: (На материале англоязычной художественной прозы): Автoref. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2017. – 18 с.

Беданокова З.К. Эвокативность как когнитивно-семиотическая и речеязыковая форма: (На примере российской рекламы): Автoref. дис. ... д-ра филол. наук. – Майкоп, 2018. – 43 с.

Гришаева Л.И. Насколько организован информационный поток в медиапространстве? // Семантико-функциональная грамматика в лингвистике и лингводидактике: Сборник материалов Всерос. науч.-метод. конф., посвященной 65-летию

В.Ю. Копрова. Воронеж. гос. ун-т, 21–22 окт. 2016 г. – Воронеж, 2016. – С. 399–406.

Гусейнова И.А. Коммуникативно-прагматические основания жанровой системы в маркетинговом дискурсе: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2010. – 41 с.

Дымант Ю.А., Княжева Е.А. О некоторых онтологических свойствах перевода в контексте теории вторичных текстов // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж, 2014. – № 1. – С. 88–94.

Зайцева И.В., Томская М.В. Невербальные средства при представлении знаний в академическом дискурсе // Когниция и коммуникация в лингвистических исследованиях: Сб. науч. трудов. – М.; Тамбов, 2017. – С. 590–596.

Маковеева А.И. Вербальная репрезентация стереотипа СЕМЬЯ в речи взрослых и детей: (На материале рус. яз.) // Когниция и коммуникация в лингвистических исследованиях: Сб. науч. трудов. – М.; Тамбов, 2017. – С. 654–660.

Куосе М.И. Салиентность как когнитивный фактор успешной интерпретации непрямых выражений в тексте // Когниция и коммуникация в лингвистических исследованиях: Сб. науч. трудов. – М.; Тамбов, 2017. – С. 88–94.

Логический анализ языка: Информационная структура текстов разных жанров и эпох / Отв. ред. Арутюнова Н.Д. – М., 2016. – 632 с.

Нечаева В.С. Когнитивный конфликт в немецкоязычной электронной деловой переписке: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2015. – 226 с.

Новиков А.И. Доминантность и транспозиция в процессе осмысливания текста // *Scripta linguisticae applicatae: Проблемы прикладной лингвистики*. – М., 2001. – С. 155–180.

Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. – М., 1983. – 215 с.

Новиков А.И. Смысл как особый способ членения мира в сознании // Языковое сознание и образ мира. – М., 2000. – С. 33–39.

Новиков А.И. Смысл: Семь диахотомических признаков // Теория и практика речевых исследований. – М., 1999 а. – С. 132–144.

Новиков А.И. Текст и «контртекст»: Две стороны процесса понимания // Вопр. психолингвистики. – М., 2003. – № 1. – С. 64–76.

Новиков А.И. Текст и его смысловые доминанты. – М., 2007. – 224 с.

Новиков А.И. Текст, смысл и проблемная ситуация // Вопр. филологии. – М., 1999 б. – № 3. – С. 43–48.

Новиков А.И., Богословская И.В. Научно-популярный текст в его соотношении с научным текстом // Обработка текста и когнитивные технологии. – Пущино, 2003. – № 8. – С. 346–356.

Новиков А.И., Сунцова Н.Л. Концептуальная модель порождения вторичного текста // Обработка текста и когнитивные технологии. – Пущино, 1999. – № 3. – С. 158–166.

Падучева Е.В. Презумпции и другие виды неэксплицитной информации в предложении // Науч.-технич. информация. Сер. 2. – М., 1981. – № 11. – С. 23–30.

Семенова С.Ю. Возможности субстантивных структур для представления параметрической информации из текста // Логический анализ языка: Информационная структура текстов разных жанров и эпох. – М., 2016. – С. 36–46.

Шмелев А.Д. «Невысказанные мысли» в историко-культурной перспективе // Логический анализ языка: Информационная структура текстов разных жанров и эпох. – М., 2016. – С. 92–106.

II. ИССЛЕДОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ И СМЫСЛА ТЕКСТА: МЕТОДЫ А.И. НОВИКОВА

Н.П. Пешкова

«ВСТРЕЧНЫЙ ТЕКСТ» КАК ПРОДУКТ ПОНИМАНИЯ АДРЕСАТОМ И ОТРАЖЕНИЕ СОДЕРЖАТЕЛЬНО-СМЫСЛОВОЙ СТРУКТУРЫ ВОСПРИНИМАЕМОГО СООБЩЕНИЯ

Аннотация. В статье обсуждаются результаты исследований, посвященных изучению понимания разных типов речевых произведений с использованием метода «встречного текста» А.И. Новикова. Полученные данные рассматриваются с точки зрения выявления и анализа содержательно-смысловой структуры текста. Рассматриваются также теоретические принципы данного метода, составляющие основу направления, известного как психолингвистика текста.

Ключевые слова: метод «встречного текста»; денотативный анализ текста; психолингвистика текста; понимание текста; содержательно-смысловая структура текста.

N.P. Peshkova
**“Internal text” as a result of addressee comprehension
and reflection of perceived text content-sense structure**

Abstract. The article discusses the results of the research devoted to studying comprehension of different text-types with the use of the «internal text» method developed by A.I. Novikov. The data obtained are discussed from the viewpoint of revealing and analyzing text content-sense structure. The theoretical principles of the above-mentioned method which are making the basis for the approach known as text psycholinguistics are also considered.

Keywords: «internal text» method; denotation analysis of the text; text psycholinguistics; text comprehension; text content-sense structure.

Все экспериментальные исследования, результаты которых предполагается обсудить в настоящей статье, выполнены в русле теории текста и его смысла, разрабатываемой А.И. Новиковым с начала 80-х годов прошлого века вплоть до первых лет XXI в. (1983–2003). Сам автор назвал новую парадигму текстовых исследований «психолингвистикой текста», основные принципы которой получили дальнейшее развитие в трудах его учеников и последователей.

Прежде чем мы приступим к анализу результатов этих исследований, полученных на сегодняшний день, необходимо сказать несколько слов относительно теоретических принципов данного направления.

По мнению А.И. Новикова [Новиков, 1983], теоретико-экспериментальные труды которого продолжают учение о тексте Н.И. Жинкина [Жинкин, 1982], речевое произведение представляет собой целостный комплекс языковых, речевых и интеллектуальных факторов в их связи и взаимодействии. Одним из основных свойств текста является единство его внешней и внутренней форм.

Внешнюю форму текста составляет совокупность языковых средств, включая их содержательную сторону, т.е. это лексико-грамматическая структура, она «линейна, дискретна и сукцессивна» [Новиков, 1983, с. 56].

С точки зрения понимания сообщения, внутренняя форма, по определению А.И. Новикова, есть «мыслительное образование, которое формируется в интеллекте партнера по коммуникации...», это «...то, что понимается» [Новиков, 1983, с. 22–23]. Иными словами, это непосредственный результат понимания, существующий в виде информации, формирующейся под воздействием языковых средств текста, его внешней формы.

Безусловно, определение внутренней формы текста можно дать и с точки зрения порождения речевого произведения. В таком случае внутренняя форма есть динамическая модель некоторой реальной ситуации, заданная автором текста и подчиняющаяся логике предметных отношений, в отличие от внешней формы, организуемой по принципу лексико-грамматических и логико-композиционных закономерностей [Новиков, 1983, с. 28].

Структура внутренней формы, или содержания, текста характеризуется «целостностью, иерархичностью и симультанностью» [Новиков, 1983, с. 56].

Таким образом, формальной структуре текста, представляющей собой линейную последовательность материальных знаков, можно поставить в соответствие структуру содержания, состоящую из определенных единиц, названных А.И. Новиковым денотатами. Соответственно, структура содержания получила в его работах название денотатной структуры текста. Под денотатом автор данной теории понимал любой предмет, процесс или целый фрагмент окружающей нас действительности, отраженный нашим сознанием и выраженный средствами языка. Совокупность денотатов, организованная по принципу иерархии в соответствии с отношениями реальной действительности, образует внутреннюю денотатную структуру, или структуру содержания текста [Новиков, 1983].

Внутренняя и внешняя формы не изоморфны друг другу, и одна не существует без другой. Однако А.И. Новиков полагал, что в этих отношениях взаимозависимости и взаимообусловленности внутренняя форма текста является первичной и определяющей по отношению к его внешней форме. Мы разделяем убеждение в том, что внутренняя форма является фундаментом, на котором строится речевое произведение при его продуцировании. Она управляет процессом порождения сообщения на уровне замысла, организуя его внешнюю форму, осуществляя распределение слов, связь предложений, интеграцию отрезков текста в единое целое [Новиков, 1983, с. 31].

В процессах понимания речевого произведения роль внутренней формы не менее значима. При восприятии текста совокупность его языковых средств, безусловно, воздействует на языковое сознание реципиента, тем не менее, процесс понимания не сводим к осмыслинию семантики составляющих ее фонетических, грамматических и лексических форм. Участники коммуникации заинтересованы в обмене информацией, составляющей содержание текста; именно оно предназначено для передачи партнеру по коммуникации с целью изменения его знаний, воздействия на его сознание, побуждения к какому-либо действию.

Как свидетельствуют многочисленные экспериментальные данные, одновременно с осмыслиением семантики воспринимаемых языковых единиц происходит обращение к внутренней сфере знаний адресата о реальной действительности, фрагмент которой отображается в тексте [Новиков, 1983, с. 28]. Информация, возникающая в языковом сознании реципиента при восприятии внешней

формы текста под ее воздействием, а также под воздействием дополнительной информации, привлекаемой и необходимой для понимания сообщения, является результатом его непосредственного понимания, т.е. той самой внутренней формой, связанной с содержанием.

Но процесс осмыслиения информации на этом не заканчивается. Непосредственный результат понимания сообщения вступает в различные связи и отношения с «содержанием» языкового сознания реципиента, притягивая к себе дополнительные компоненты когнитивного, прагматического и эмоционального характера. Конечным результатом этого сложнейшего процесса, по мнению А.И. Новикова, становится формирование смысла.

Как известно, внутренняя содержательная и смысловая структура текста представляет собой образование, не поддающееся непосредственному наблюдению. Для ее изучения необходимы соответствующие методы, обеспечивающие исследователя специальным инструментом, позволяющим эксплицировать глубинные структуры, закономерности и механизмы их формирования, составляющие основу процессов порождения и понимания речевого произведения. В наших исследованиях для решения задач, связанных с типологическим аспектом изучения текста мы использовали метод его денотативного анализа, разработанный А.И. Новиковым, и денотатный граф как средство экспликации и частичной формализации структуры содержания речевых произведений различных типов. Использование денотатного графа позволило нам выявить, изучить и описать несколько типов структуры содержания текстов, принадлежащих научной, научно-популярной, технической и учебной области коммуникации [Пешкова, 2015].

Основную задачу следующего этапа наших исследований составило изучение механизмов формирования содержания и смысла, лежащих в основе стратегий, используемых реципиентами в процессах понимания различных типов текстов.

С точки зрения современной психолингвистики текста понимание есть сложный мыслительный процесс, состоящий, условно, из нескольких этапов и представляющий собой многократное перекодирование информации. Результатом такого процесса является преобразование словесной формы сообщения в ментальную структуру, формирующуюся в языковом сознании адресата.

Вслед за А.И. Новиковым мы полагаем, что понимание и осмыслиение информации осуществляется в «диалоговом режиме»,

представляющем собой взаимодействие вербального сознания реципиента с содержанием текста и авторским смыслом. Можно предположить, что в этих процессах опосредованно, через обозначенные ментальные образования, происходит взаимодействие языкового сознания адресата с языковым сознанием автора речевого произведения.

Безусловно, при осмыслиении информации текста реципиент использует свои собственные знания, энциклопедические и, если необходимо, специальные, и свой жизненный опыт, прочувствованный и пережитый, «пропущенный» через чувства и эмоции. Мы полагаем, что понимание есть, прежде всего, процесс эмоционального «переживания» поступающей информации, отражаемый в различных формах эмоционально оценочных реакций и т.п. [Текст и его понимание, 2010].

Для решения обозначенных выше задач в наших экспериментальных исследованиях мы использовали метод «встречного текста», процедура которого была разработана А.И. Новиковым [Новиков, 2003], а затем адаптирована нами в соответствии с современными задачами и особенностями испытуемых, участвующих в наших экспериментах.

Напомним, что в соответствии с идеей А.И. Новикова, «встречный текст», т.е. «внутренний текст» реципиента, представляет собой совокупность его вербальных реакций на воспринимаемую информацию, играющую роль стимула.

Экспериментальные исследования понимания письменных сообщений различных типов с использованием метода «встречного текста» способствовали выявлению нескольких видов стратегий обработки информации, на которые опираются реципиенты в зависимости от своих индивидуальных психологических особенностей, опыта, предшествующих знаний, а также и от типа воспринимаемого и интерпретируемого текста. Полученные данные показывают, что в общем поле реакций, составляющих «встречные тексты» испытуемых, как правило, наблюдается преобладание реакций того или иного вида. Такие доминирующие реакции, как можно предположить, составляют ядро стратегии обработки информации адресатом.

Напомним, что процедура экспериментальной методики, в основе которой лежит метод «встречного текста» А.И. Новикова, заключается в том, что испытуемые, читая предложение за предложением, записывают «все, что приходит им в голову» в момент

прочтения конкретного предложения, не забегая вперед [Новиков, 2003, с. 65]. Иными словами, адресат сам письменно регистрирует свои реакции на информацию, представленную в предложении. Это могут быть вербализованные оценки и мнения, ассоциации и визуализации, суждения и аргументации, прогнозы и т.п.

Как известно, А.И. Новиков выявил 15 основных видов реакций, связанных с восприятием художественного текста, и столько же, возникающих в процессе понимания научного текста [Новиков, 2003, с. 68]. Количественно реакции совпадали, но качественно отличались: одни виды отсутствовали в общем списке, типичном для восприятия научного текста, другие – не наблюдались при понимании текста художественного. Затем было обнаружены три дополнительных вида реакций [Кирсанова, 2007], [Текст и его понимание, 2010; Давлетова, 2012], сопровождающих понимание научно-популярных текстов и Библии. В настоящее время можно говорить о выявлении новых видов реакций и разновидностях уже известных реакций, связанных с восприятием и осмысливанием статей глянцевого журнала и интернет-текстов [Моисеева, 2017; Титлова, 2018].

Как мы уже отмечали, исследования, проведенные с использованием текстов различных типов в качестве объекта понимания, дают основания для построения моделей, разрабатываемых по единым принципам, но различающихся реакциями, составляющими ядро, а также и комбинациями периферийных реакций [Пешкова, 2006]. Эти локальные модели являются составляющими единой интерактивной модели понимания, в основе которой лежат принципы метода «встречного текста» А.И. Новикова.

Сравнительный анализ всех моделей, разработанных в русле данной теории, позволяет, с одной стороны, проследить особенности процессов восприятия различных типов текстов испытуемыми и описать стратегии их понимания, о чем мы уже не раз писали в наших работах [Пешкова, 2006; Текст и его понимание, 2010; Пешкова, 2015]. С другой стороны, он дает возможность выявить специфику содержательно-смысловой структуры «встречного текста» как продукта понимания текста-оригинала того или иного типа.

Обсудим некоторые результаты этого анализа более подробно.

По данным А.И. Новикова, в поле реакций, полученных при изучении понимания художественного текста, доминирует реакция «перевод»; второе место занимает «оценка»; третье и четвертое принадлежат «перефразированию» и «ориентировке», соответ-

венно; пятое место отводится реакции «мнение»; шестое и седьмое принадлежат «предположению» и «генерализации» [Новиков, 2003, с. 68].

В процессах восприятия научного текста ядро модели понимания составляют «мнение», «оценка» и «ориентировка». При этом значительную роль играют также «ориентировка», «аргументация», «вывод» и «предположение» [Новиков, 2003, с. 69]. Это подтверждают и наши экспериментальные данные [Текст и его понимание, 2010].

Можно отметить, что реакция «аргументации» отсутствовала при восприятии художественного текста и была выявлена во время анализа поля реакций, связанных с пониманием научного текста, в то время как «визуализация», присущая осмыслению художественного текста (равно как и научно-популярного), уходит из поля реакций, сопровождающих интерпретацию сообщений научного типа.

При восприятии и понимании научно-популярного текста, по данным И.В. Кирсановой, среди ядерных реакций доминирует «ассоциация» (18,7%), за ней следуют «оценка» (16,1%), «мнение» (15%) и «ориентировка» (9,8%) [Текст и его понимание, 2010, с. 73–80].

Нужно сказать, что «оценка» является единственной реакцией, которая не уходит из ядра при восприятии любого типа текста, занимая второе место по частотности в моделях художественного, научного и научно-популярного типов текстов. В моделях понимания текстов Библии, глянцевых журналов и интернет-текстов она поднимается на первое место.

Следует отметить, что в соответствии с методом «встречного текста» все реакции, образующие его поле, делятся на «содержательные», соотносимые непосредственно с содержанием воспринимаемого текста, и «релативные», участвующие «в создании эмоционально-аксиологического поля, определенных интенций и установок», выражающие отношение реципиента к воспринимаемой информации [Новиков, 2003, с. 69]. Реакции второго типа мы называем в своих исследованиях смысловыми.

Как мы предполагали ранее, при понимании различных типов текста содержательные и смысловые реакции, сопровождающие это процесс, могут находиться в некотором равновесии, но подобное равновесие может и нарушаться вследствие доминирования реакций одной группы над реакциями, принадлежащими другой.

Как следует из данных, полученных И.В. Кирсановой, в модели понимания научно-популярного текста 40% приходится на

«встречные тексты» испытуемых с преобладанием содержательных видов реакций. Другие 40% – на «встречные тексты» с равным количеством содержательных и смысловых (релативных) реакций, и только 20% – на «встречные тексты» с преобладанием смысловых реакций [Текст и его понимание, 2010, с. 110].

Эти данные свидетельствуют о том, что, во-первых, понимание научно-популярного текста сопровождается относительным равновесием содержательных и смысловых реакций, составляющих стратегии восприятия, лежащие в основе модели понимания текстов данного типа. Во-вторых, мы можем сделать вывод относительно того, что структура вторичного «встречного текста» как продукта понимания научно-популярного текста-оригинала характеризуется определенной сбалансированностью содержательных и смысловых компонентов. И это дает основание предположить, что и в структуре текста-оригинала научно-популярного типа на первый план выступает содержательный, информационный аспект, а не смысловой, связанный с позицией, мнением или оценками автора.

Совершенно иная картина наблюдается при анализе особенностей понимания текстов Библии, относящихся к такому типу речевых произведений, в которых отсутствуют жесткие смысловые направляющие понимания [Брудный, 1975]. Это, безусловно, обеспечивает большой интерпретационный потенциал таких текстов.

Диссертационное исследование Я.А. Давлетовой, проведенное под нашим руководством, как и работа И.В. Кирсановой, свидетельствует о том, что понимание текста Библии имеет свои особенности, проявляющиеся в явном доминировании во «встречных текстах» реципиентов реакций оценочного типа [Давлетова, 2012].

По данным экспериментального исследования, наиболее частотными среди смысловых реакций являются реакции оценочного типа, такие, как непосредственно «оценка» (15,6%), «мнение» (15,1%), «свободный ответ» (12%), в котором также преобладает «оценка». Завершает этот список «генерализация» (9,8%) как формулирование некоторого общего, зачастую банального, суждения на основе собственной жизненной позиции, что опять-таки не обходится без участия оценочных механизмов.

«Оценка» и «мнение» присутствуют как обязательный компонент в компликативных реакциях (9,1%), а также в реакциях «перевод», «визуализация» и отчасти в «инфикации», где в той или иной степени осуществляются операции оценки.

Можно утверждать, что в структуре «встречных текстов» испытуемых, отражающих результат понимания библейского текста, наблюдается определенное преобладание смысловых реакций (чуть более 50%).

В еще большей степени эта тенденция наблюдается в моделях понимания, разработанных в диссертационных исследованиях, осуществленных под нашим руководством, на материале текстов глянцевых журналов и интернет-текстов [Моисеева, 2017; Титлова, 2018].

По сводным данным, полученным в экспериментальной работе А.В. Моисеевой, смысловые реакции составляют 86% и 87% при понимании реципиентами текстов глянцевых журналов вербального типа и поликодового типа, соответственно [Моисеева, 2017]. Что касается восприятия интернет-текстов, то анализ количественных данных, взятых из исследования А.С. Титловой, приводит нас к общему числу смысловых реакций, демонстрируемых участниками Интернет-коммуникации, реципиентами сообщений в микроблогах, равному 92,6% [Титлова, 2018].

Приведенные выше цифры свидетельствуют о том, что в структуре содержания «встречных текстов», порождаемых потребителями сообщений из глянцевых журналов и участниками Интернет-коммуникации, безусловно, доминируют смысловые компоненты. И мы также можем допустить, что именно смысловой аспект преобладает над содержательным и в воспринимаемых сообщениях, послуживших стимулом для продуцирования вторичных «встречных текстов».

Таким образом, приведенный выше анализ экспериментальных данных дает основание предположить, что качественный состав структуры содержания «встречных текстов» как продуктов понимания адресатами текстов-оригиналов различных типов во многом определяется типом воспринимаемого текста. Одни из них характеризуются сбалансированным соотношением содержательных и смысловых компонентов как структура «встречного текста», продуцируемого при понимании научных и научно-популярных текстов. Другие отличаются преобладанием смысловых компонентов как структура «встречных текстов», порождаемых при понимании и интерпретации текстов Библии, сообщений из глянцевых журналов и Интернет-текстов.

В заключение нам хотелось бы еще раз отметить тот факт, что денотативный метод анализа содержания текста и метод «встречного

текста», разработанные А.И. Новиковым (1983–2003), являются взаимодополняющими при исследовании содержательно-смысловых особенностей речевых произведений различных типов.

Метод денотативного анализа текста и денотатный граф, главным образом, дают возможность изучения структуры содержания текста, порожденного автором, хотя и не исключают привлечения к исследованию реципиента в случае использования им денотатного графа для передачи в краткой и формализованной форме результатов своего понимания.

Метод «встречного текста» позволяет выявить и изучить как особенности структуры содержания ментального образования, представляющего собой продукт понимания адресата («встречный текст»), так и специфику структуры содержания воспринимаемого реципиентом текста-оригинала, отраженную в каждом «встречном тексте».

Список литературы

Брудный А.А. Понимание как философско-психологическая проблема // Вопр. философии. – М., 1975. – № 10. – С. 109–117.

Давлетова Я.А. Психолингвистическое исследование особенностей понимания библейских текстов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2012. – 19 с.

Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. – М., 1982. – 159 с.

Кирсанова И.В. Многозначность семантики текста как реализация индивидуальных стратегий понимания: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2007. – 21 с.

Моисеева А.В. Исследование психолингвистических особенностей восприятия и понимания текста глянцевого журнала: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2017. – 24 с.

Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. – М., 1983. – 216 с.

Новиков А.И. Текст и «контртекст»: Две стороны процесса понимания // Вопр. психолингвистики. – М., 2003. – № 1. – С. 64–76.

Пешкова Н.П. Психолингвистика текста: Теория смысла А.И. Новикова // Языковое бытие человека и этноса: Психолингвистический и когнитивный аспекты. – М., 2006. – С. 152–159.

Пешкова Н.П. Типология научного текста: Психолингвистический аспект: (На материале научных, научно-популярных и технических текстов). – 2-е изд., доп. и перераб. – Уфа, 2015. – 292 с.

Текст и его понимание: Теоретико-экспериментальное исследование в русле интегративного подхода / Пешкова Н.П., Авакян А.А., Кирсанова И.В., Рыбка И.Н. – Уфа, 2010. – 268 с.

Титлова А.С. Микроблог как вид интернет-текста: Аспект понимания: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2018. – 25 с.

И.В. Кирсанова

ИМПЛИЦИТНОСТЬ КАК ХАРАКТЕРИСТИКА ТЕКСТА И ЕЕ РОЛЬ В ПРОЦЕССАХ ВОСПРИЯТИЯ И ПОНИМАНИЯ ИНФОРМАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются различные подходы к пониманию имплицитности текста. Обсуждаются понятия «имплицитность» и «имплицитный смысл». Представлены результаты теоретико-экспериментальных исследований, в которых применялась методика «встречного текста» А.И. Новикова. Анализируются некоторые типы индивидуальных реакций реципиентов в связи с импликацией текста и его пресуппозицией.

Ключевые слова: имплицитность; индивидуальные реакции реципиентов; пресуппозиция; импликация; «встречный текст»; механизм смыслообразования; восприятие информации; процессы понимания.

I.V. Kirsanova Implicitness as a text characteristic and its role in the process of information perception and comprehension

Abstract. The article considers different approaches to the concept of text implicacy. The concepts of implicitness and implicit sense of a message are also discussed. The results of psycholinguistic experiments conducted with the use of the method of «counter-text» developed by A.I. Novikov are presented. We also analyze different types of individual recipients' reactions in their connection with text implicitness and its presupposition.

Keywords: implicitness; individual recipients' reactions; presupposition; implication; «counter-text»; mechanism of sense construction; perception of information; processes of comprehension.

В современной науке о тексте одним из важнейших направлений остается исследование процессов понимания, осмысливания и усвоения информации, представленной в речевых произведениях различных типов. В связи с этим отметим, что изучение механизмов понимания с использованием методики «встречного текста», разработанной А.И. Новиковым, позволило многим авторам получить материал, необходимый для теоретико-экспериментальных исследований проблемы, и принесло новые результаты, которые справедливо можно считать вкладом в дальнейшую разработку его теории текста и смысла.

В данной статье мы рассматриваем понятие имплицитности текста в русле психолингвистического направления с точки зрения действия механизмов смыслообразования. Многочисленные исследования имплицитности закономерно привели к его изучению в контексте не только отдельных языковых единиц, но дискурса и текста. Комплексный подход к изучению категории имплицитности позволил А.И. Барышевой выделить основные аспекты понятия имплицитности и факторы, влияющие на ее возникновение. Под имплицитностью можно понимать некую форму знания и информацию, которая домысливается адресатом сообщения, заставляя его прилагать усилия для ее понимания. Наконец, термин «имплицитный» используется и по отношению к смыслу. Что касается факторов, влияющих на возникновение имплицитной информации, то среди них можно отметить и интенции автора, и знания читателя, и особенности использования языковых средств текста [Барышева, 2015].

В настоящей статье мы предполагаем более подробно остановиться на рассмотрении понятия «имплицитный смысл».

Существуют два вида имплицитного смысла. Первый вид связан с конкретно-контекстуальным смыслом и обусловливается индивидуальными особенностями конкретной ситуации общения, а второй – с языковым содержанием высказывания. Примечательно, что содержание текста не может ограничиваться только конкретно-контекстуальным смыслом. «Второй вид можно назвать общекоммуникативным. Он непосредственно связан с языковым содержанием высказывания. Дополнительный смысл создается набором сем входящих в высказывание слов. Этот смысл, с одной стороны, участвует в создании контекстуального имплицитного смысла, с другой, определяется собственно языковыми факторами» [Умерова, 2010, с. 98].

В наиболее общем виде имплицитный смысл представляется неявным или скрытым и связанным с пониманием информации, также различающейся по видам: «старой» (пресуппозиция) и «новой», выводимой из содержания текста (импликация) [Пешкова, 2015]. Нередко подразумеваемый смысл оказывается самым важным в речевом произведении, поскольку отражает замысел автора. Текстовые импликации, не дающиеся коммуникантам непосредственно, могут возникать как из содержания текста в целом, так и из содержания отдельных его частей, эпизодов, абзацев. Что касается реципиентов, то они по-разному формируют дополнительный смысл и интерпретируют его содержание и смысл, иногда полностью или совсем его не осознавая. «Текстовая импликация находится на значительной семантической “глубине”, и для ее восприятия необходимы не языковые знания, а аналитическое мышление, эмоциональная восприимчивость и художественное чутье» [Комиссаров, 2014].

Имплицитность, как и эксплицитность, связана с содержанием языковых средств, передающих информацию. В результате понимания в сознании реципиента формируется целостный образ содержания, в котором реализуется информационный аспект текста. Как писал А.И. Новиков, переход от внешней формы текста к его содержанию, несущему определенную информацию об окружающей нас действительности и совершающийся в процессе понимания, является обязательным. Это представляет собой одно из фундаментальных внутренних свойств текста, называемых его информативностью [Новиков, 2003]. Полагаем, что имплицитность и информативность являются не просто содержательно-концептуальными категориями текста, но и взаимно обуславливают друг друга.

По мнению И.А. Шалудько, имплицитность в тексте – это не только проявление общего принципа информативности и результат действия тенденции к компрессии языкового материала текста, но и имманентное свойство текста, отражающее лингвистические закономерности формирования смысловой и синтаксической структур текстового целого. Что касается компрессии как приема, она способна порождать скрытые смыслы, и поэтому анализ текста может основываться в первую очередь на извлечении имплицитной информации, создаваемой различными видами компрессии [Шалудько, 2016, с. 14].

На наш взгляд, представляется необходимым отметить неоднозначность роли компрессии в плане понимания информации, передаваемой с ее помощью. С одной стороны, сжатый текст обычно воспринимается быстрее, точнее и запоминается в большем объеме, чем развернутый [Римиханова, 2013]. Однако в то же время, будучи тесно связанной с имплицитностью, которая может быть определена как часть информации, прямо не выраженная языковыми средствами, компрессия способна затруднять осмысление речевого сообщения.

В дальнейшем мы будем опираться на основные представления о категории имплицитности текста в связи с закономерностями его понимания, изложенными в научных трудах А.И. Новикова [Новиков, 1983; Новиков, 2003; Новиков, 2007], Н.П. Пешковой [Пешкова, 2007; Пешкова, 2009; Пешкова, 2015] и Н.В. Анохиной [Анохина, 2010]. В данных исследованиях под имплицитностью текста понимаются содержательные и смысловые компоненты, которые не получили отображения в его внешней структуре, но являются неотъемлемыми элементами глубинной формы его содержания. Применение денотативной методики и методики «встречного текста», разработанных А.И. Новиковым, позволили Н.В. Анохиной осуществить классификацию индивидуальных реакций по их отношению к действию механизмов восстановления имплицитной составляющей и реконструкции пресуппозиционной составляющей в процессе понимания реципиентами речевого произведения. Было выявлено, что такие реакции, как мнение, оценка и свободный ответ имеют отношение к импликации; инфиксация, предположение, аргументация – к пресуппозиции; реакции ассоциации, прогнозирования, ориентировки и компликативная реакция имеют отношение и к пресуппозиции, и к импликации [Анохина, 2010]. Следует отметить, что мы используем оригинальные названия видов реакций «встречного текста» в соответствии с методикой А.И. Новикова [Новиков, 2003].

Мы полагаем, что обработку имплицитной информации при осмыслении содержания текста можно считать одним из действующих механизмов смыслообразования. Об этом свидетельствуют и результаты нашего теоретико-экспериментального исследования, проведенного на материале научно-популярного текста с использованием методики «встречного текста». При изучении процессов реализации механизмов смыслообразования и индиви-

дуальных стратегий понимания письменного текста нами также были получены разнообразные виды индивидуальных реакций.

Обратимся к полученным нами экспериментальным данным, в том числе к нашей классификации индивидуальных реакций реципиентов, возникающих при чтении научно-популярного текста. К наиболее частотным ядерным реакциям мы отнесли следующие: ассоциацию, оценку, мнение и ориентировку, к менее частотным периферийным видам реакций – прогнозирование, вывод, аргументацию, генерализацию и компликативную реакцию [Кирсанова, 2007].

Сопоставительный анализ наших результатов с выводами Н.В. Анохиной показывает, что в основе действия механизма восстановления импликационной составляющей при восприятии и понимания текста лежат преимущественно ядерные реакции. Приведем данные в следующей таблице, где ядерные реакции выделены курсивом.

Таблица 1

Импликация	Пресуппозиция	Импликация и пресуппозиция
<i>Оценка – 16,1%</i>	Аргументация – 3,7%	<i>Ассоциация – 18,7%</i>
<i>Мнение – 15%</i>	Предположение – 2,1%	<i>Ориентировка – 9,8%</i>
Свободный ответ – 3,6%	Инфиксация – 0,5%	Прогноз – 1,9%
		Компликативная реакция – 1,1%

Примечательно, что оценочные реакции также могут быть рассмотрены с учетом имплицитности и ее роли в процессах понимания. Так, А.В. Моисеева среди прочих видов оценочных реакций выделяет реакции имплицитной оценки негативного и позитивного характера. Как видно из названий, реакции содержат неявно выраженное негативное отношение к тому, что сказано в предложении, или одобрение реципиентом исходной информации [Моисеева, 2017].

Анализ реакций испытуемых, принимавших участие в нашем эксперименте, также позволяет выделить реакции имплицитной оценки. Далее мы приведем некоторые примеры. Следует отметить, что во всех примерах, приводимых в статье, предложения-стимулы, взятые из оригинального текста, мы даем в кавычках, а реакции испытуемых из «встречных текстов» выделяем курсивом.

«Однако реализовать ее на практике оказалось не просто».
– *Xa-xa!* (ироничное негативное отношение).

Отметим, что большинство реакций оценочного типа носят все же эксплицитный характер:

– *Неудивительно! Как непросто! Как всегда! Классно!*

Зачастую имплицитность оценки свидетельствует о некоторых трудностях интерпретации содержания реципиентом, например:

«По ходу сюжета герои произведения должны были мгновенно перескочить из одного места Вселенной в другое».

– *На мой взгляд, стандартный сюжет.*

Именно оценочные реакции, относящиеся к релативным или смыслообразующим, наиболее значимы с точки зрения их участия в процессах восприятия и понимания текста, так как выражают отношение реципиентов к воспринимаемой информации. Отметим, что общее количество релативных реакций составляет 56,2%, а реакции оценочного типа (в том числе в составе реакций других типов) достигают 25,7%.

В своей работе, посвященной проблеме влияния имплицитности текста на его понимание, Н.П. Пешкова приводит интересную, на наш взгляд, информацию относительно корреляции механизмов и стратегий реконструкции имплицитности научно-популярного и художественного текста с учетом частоты их проявлений во «встречных текстах». По мнению исследователя, стратегии реконструкции имплицитности – ассоциация и визуализация – соотносятся с действием механизма интеграции. Это можно объяснить привлечением дополнительной информации и ее интеграцией при осмыслении содержания сообщения [Пешкова, 2009]. Согласно определению А.И. Новикова, ассоциация – это «реакция, вызванная связью, не вытекающей непосредственно из содержания, а существующей в сознании как связь слов, независимая от содержания стимула» [Новиков, 2003, с. 67]. Таким образом, в работе данного механизма проявляется связь имеющейся в вербальном сознании реципиента субъективной информации и новой информации, извлеченной из текста.

Следует отметить, что зачастую реципиенты реагировали не на все предложение целиком, а выделяли в нем некий смысловой аспект. Как отмечал А.И. Новиков, «разные испытуемые в одном и том же предложении выделяют разные аспекты, что и находит выражение в многообразии реакций [Новиков, 2003, с. 71]. Приведем несколько примеров из нашего исследования:

«Ситуация изменилась лишь в 80-е годы прошлого века, когда Кип Торн, физик теоретик из Калифорнийского института,

предложил более практичный способ использования черных дыр в качестве машин времени».

– *Неженатый ученый с трудным детством.*

Очевидно, что реципиент связывает фразу о прошлом веке с трудностями того периода, а вывод относительно семейного положения автора исследования формулируется из посылки, что такой проблемой, как изучение черных дыр, может заниматься только ученый, не обремененный заботами о семье. Однако есть и другие варианты ассоциаций на это же предложение.

– *Мультики про всякие космические путешествия и книги братьев Стругацких.*

– *Фантастические фильмы.*

– *Космос и звезды.*

В этих ответах стимулами послужили, вероятно, фразы «черные дыры» и «машины времени». Более подробно о реакциях ассоциативного типа и их роли в процессах смыслообразования мы писали ранее [Кирсанова, 2017].

Интересным по своему действию в качестве механизма реконструкции имплицитности представляется механизм дополнения, включающий и пресуппозиционный компонент [Пешкова, 2009]. Реакция «инфикация» предполагает по определению включение дополнительной информации, поскольку ее суть заключается в продолжении предложения из текста самим реципиентом. Таким образом, происходит соотнесение поступающей информации с имеющейся системой знаний адресата. Так при чтении предложения «Его приятель, известный популяризатор науки Карл Саган, задумал роман о контакте с внеземными цивилизациями» одна из испытуемых вносит следующее дополнение: ... как и известный всем фантаст (забыла фамилию), писавший о дирижаблях, когда их не было, а также о контактах с внеземными цивилизациями.

Что касается действия механизма транформации, связанного с реконструкцией имплицитности, мы согласны с мнением Н.П. Пешковой относительно того, что здесь сразу несколько видов реакций (вывод, перефразирование, генерализация, перевод) имеют непосредственное отношение к проявлению данного механизма [Пешкова, 2009]. Данные реакции реципиентов показывают, что в процессе понимания текста имеет место либо некоторая содержательная модификация, т.е. изменение исходного предложения на содержательном уровне, при котором содержание не меняется, но добавляется или опускается некоторая информация,

привлекаемая в процессе чтения реципиентом, либо изменение внешней синтаксической структуры.

Вышесказанное, на наш взгляд, наглядно демонстрирует следующий пример с реакцией перефразирования:

«Раньше ракеты с тепловыми головками самонаведения пытались обмануть, отстреливая с борта самолета специальные ракеты типа фейерверка с высокой температурой горения – так называемые тепловые ловушки, сбивающие ракету с курса».

– *Раньше ракеты с тепловыми головками обеспечивали безопасность полетов.*

Внесение дополнительной информации о безопасности полетов может свидетельствовать об экспликации некоторой имплицитной информации (поскольку это только третье предложение в предъявленном тексте).

И, наконец, перейдем к рассмотрению компликативной реакции, которая, согласно нашему исследованию, наглядно демонстрирует то, как разворачивается в эксплицитном виде целая цепь свернутых мыслительных операций, выполняемых в процессе чтения. Данная реакция представляет собой развернутое высказывание, объединяющее несколько разных реакций. Приведем пример из нашего диссертационного исследования:

«Чтобы избежать таких трагедий в будущем, специалисты Самарского конструкторского бюро автоматических систем предложили интересную систему противодействия ракетам с головками самонаведения.

– *А, можно летать, раз так* (вывод). *Молодцы, ребята* (оценка), *что-то интересное придумали* (констатация). *Может, ложный отвод тепла* (прогноз).

– *Интересно, получается – цель по уничтожению оружия, предназначенному для другого оружия* (констатация + мнение). *Значит, создают некую последовательность* (вывод). *В чем смысл? Зачем тогда создавать ракетный комплекс с тепловыми головками* (ориентировка). *Не террористы же придумали их, а те же ученые...* (вывод)».

Комликативная реакция находит проявление во всех механизмах, имеющих отношение к экспликации имплицитной информации с учетом пресуппозиционной составляющей. Отдельные реакции и их совокупности демонстрируют процессы соотнесения новой информации с уже известными знаниями, на основании ко-

торых реципиент приходит к новому выводному знанию, или, другими словами, к собственному смыслу прочитанного.

Следует отметить также, что мы разделяем мнение о том, что взаимоотношения пресуппозиции и импликации в процессах понимания текста находятся в отношениях такого равновесия, при котором может преобладать то одна, то другая составляющая. Это преобладание зависит от целого ряда факторов, к которым можно отнести и условия коммуникации, и тип текста, и особенности, присущие потребителям текстовой информации [Пешкова, 2009]. При этом различные стратегии реконструкции имплицитной информации, в основе которых могут лежать рассмотренные выше виды реакций, составляющие «встречный текст» реципиента, всегда играют важную роль в процессах осмысливания информации текстов любого типа.

Возможно, некоторые из известных видов реакций, описанных в моделях понимания текстов различных типов, разработанных в русле теории текста А.И. Новикова, не были рассмотрены в настоящей статье и имеют перспективу дальнейшего изучения в связи с их ролью в механизмах реконструкции реципиентами имплицитной информации в процессах понимания письменной информации.

Список литературы

Анохина Н.В. Имплицитность как компонент структуры содержания текста и составляющая процессов его понимания: Дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2010. – 195 с.

Барышева А.И. Имплицитность в тексте и аспекты ее анализа // Филол науки: Вопр. теории и практики. – Тамбов, 2015. – № 8 (50): В 3-х ч., ч. 1. – С. 18–20.

Кирсанова И.В. Многозначность семантики текста как реализация индивидуальных стратегий понимания: Дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2007. – 195 с.

Кирсанова И.В. Реакции ассоциативного типа и их роль в процессах смыслообразования // Теория и практика языковой коммуникации: Материалы IX Междунар. науч. – метод. конф. – Уфа, 2017. – С. 137–143.

Комиссаров В.Н. Текстологические аспекты переводоведения.–2014. – Режим доступа: <http://spr.fld.mrsu.ru/2014/05/komissarov-v-n-tektologicheskie-aspекty-perevodovedeniya/> (Дата обращения: 08.12.2017).

Моисеева А.В. Исследование психолингвистических особенностей восприятия и понимания текста глянцевого журнала: Дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2017. – 242 с.

Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. – М., 1983. – 216 с.

Новиков А.И. Текст и «контртекст»: Две стороны процесса понимания // Вопр. психолингвистики. – М., 2003. – № 1. – С. 64–76.

Новиков А.И. Текст и его смысловые доминанты. – М., 2007. – 224 с.

Пешкова Н.П. Имплицитность как онтологическое свойство текста // Семантические, грамматические и когнитивные категории языка: Сб. науч. тр. – Уфа, 2007. – С. 32–37.

Пешкова Н.П. Имплицитность в тексте: Препятствие vs. стимул и условие понимания // Вопр. психолингвистики. – М., 2009. – № 9. – С. 223–235.

Пешкова Н.П. Типология научного текста: Психолингвистический аспект: (На материале науч., науч.-популярных и технич. текстов). – 2-е изд., доп. и перераб. – Уфа, 2015. – 261 с.

Римишанова А.Н. Компрессия художественного текста в аспекте имплицитности (В.В. Вересаев) // Молодой ученый. – 2013. – № 7. – С. 494–496. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/54/7280/> (Дата обращения: 08.12.2017).

Умерова М.В. Импликация в семантической структуре текста // Вопр. филол. наук. – М., 2010. – № 6. – С. 95–100.

Шалудько И.А. Имплицитность как принцип текстообразования и анализа литературного текста: Дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 2017. – 600 с.

А.С. Титлова

**ПОЛИКОДОВАЯ ОЦЕНКА В РЕАКЦИЯХ
РЕЦИПИЕНТОВ ТЕКСТОВ МИКРОБЛОГА**

Аннотация. Статья посвящена изучению реакций реципиентов на новостные тексты микроблогов с использованием метода «встречного текста» А.И. Новикова. Исследование, проведенное в условиях естественной интернет-коммуникации, и дальнейшей анализ комментариев, рассматриваемых по аналогии с реакциями «встречного текста», позволили установить, что доминирующей реакцией является комментарий в форме оценки. Был выявлен новый вид оценочных реакций – поликодовая оценка, характерная для восприятия данного типа текста.

Ключевые слова: микроблог; комментарий; «встречный текст»; реакция оценки; поликодовый текст.

A.S. Titlova

Polycode evaluation in recipients' reactions to a microblog text

Abstract. The article is devoted to the study of recipients' reactions to news texts of microblogs by means of the «counter text» method developed by A.I. Novikov. The research carried out under the conditions of unconstrained, actual internet-communication and further analysis of the communicants' commentaries, considered as the reactions of the «counter text» made possible to find out that the dominating reaction is the commentary in the form of evaluation. A new type of evaluative reactions is revealed, exactly a polycode evaluation, typical to perception of the microblog texts.

Keywords: microblog text; commentary; «counter text»; evaluation reaction; polycode text.

Характерной особенностью восприятия текста микроблога, выявленной в результате нашего исследования, стали оценочные реакции различных видов, а именно оценки позитивного и нега-

тивного характера, поликодовая оценка, комбинированные реакции с оценкой. Реакция оценки занимает первое место по частотности употребления, что свидетельствует не просто о значимой роли эмоционально-смыслового компонента оценочного характера в процессах восприятия и понимания текста микроблога, но о явном доминировании оценочного механизма.

На наш взгляд, при понимании текста в процессе формирования его смысла большую роль играют эмоции, оказывая влияние на выбор языковых средств при вербализации различных реакций «встречного текста». Характеризуя текст любого типа, А.В. Кинцель отмечает, что «‘абсолютная объективность и неэмоциональность’ какого бы то ни было текста невозможна, так как его создателем является конкретный индивид со своей концептуальной системой» [Кинцель, 1997, с. 78]. В целом же, по мнению автора, эмоциональность – ментальное явление, представляющее мотивационную сферу психической деятельности. Согласно теории речевой деятельности эмоциональные процессы «мотивируют и структурируют смыслы, являясь обязательными элементами смыслообразования» [Кинцель, 1997, с. 78]. То же самое можно сказать и о «встречных текстах», или о комментариях, продуцируемых реципиентами сообщений в микроблогах, анализируемых в нашем исследовании.

Данные нашего исследования также показали, что личностный аспект, а именно мотивация, общий эмоциональный настрой, субъективное отношение к самому процессу чтения непосредственно отражается на типах выдаваемых реципиентами реакций, имеющих оценочный характер.

А.И. Новиков определяет данный вид как реакцию, «связанную с оценкой того, что сказано в предложении» [Новиков, 2003, с. 68]. К подобному типу мы относим ответы, напрямую, эксплицитно характеризующие высказывание по типу «хорошо / плохо» и выраженные, в основном, восклицательными предложениями. Приведем некоторые примеры, в которых исходный текст приводится в кавычках, а комментарии даются курсивом.

«Баррозу: Еврокомиссия подготовила новый пакет санкций против РФ».

– *Ай да молодец!*

«Один из участников “электрического протеста” в Ереване засил себе рот».

– *Класс! Вот это идея!*

Оценка реципиента может также быть выражена в имплицитной форме. Например:

«ООН: Украина не имела права использовать под Краматорском вертолеты с символикой всемирной организации».

– *А за подобное нарушение ООН только пальчиком погрозит, или все же что-нибудь серьезное стоит ожидать?*

– *Да зачем эти вертолеты Украине вообще давали?!*

Из полученных нами в ходе исследования количественных показателей мы видим, что очень высокий процент приходится на комбинации реакций различных видов с реакцией оценки. Например:

«20 мая Владимир Путин посетит с официальным визитом Китай» – *Отлично!!! Пора уже от переговоров к делам переходить* (оценка + мнение).

«Меркель уже прилетела в Париж и в Елисейском дворце пообщалась с Олландом. Завтра будут решать, что делать с Грецией».

– *Да какого она туда-сюда к нему мотается по пять раз в неделю?!* Уж жили бы вместе что ли? :-((имплицитная оценка + вывод).

Зачастую оценка в таких сочетаниях реакций представлена в виде неверbalного кода. Комбинации такого типа реакций, а также лексические способы выражения оценки мы рассмотрим далее в нашем исследовании.

Экспериментальными исследованиями установлено, что стимулом для возбуждения психических процессов у читателей является «смысловой аспект», выделяемый реципиентом в отдельном высказывании или предложение в целом [Новиков, 2003, с. 67]. В качестве смыслового аспекта могут выступать элементы знаковой, образной и эмоциональной сфер, на которые опираются реципиенты при осмыслиении речевого произведения. Текст также можно считать стимулом, возбуждающим в сознании реципиента те или иные когнитивные единицы, которые ассоциируются с текстом и участвуют в построении проекции его содержания и смысла [Пешкова, 2006, с. 154]. При этом значительную роль, безусловно, играет и тип воспринимаемого сообщения [Пешкова, 2015, с. 232].

В.П. Белянин, рассматривая текст как основную единицу коммуникации, полагает, что текст участвует в отношениях между коммуникантами, регулируя и планируя отношения между ними. В свою очередь, сам процесс коммуникации является контекстом для высказываний, объединенных в текст. «Именно в общении текст получает свое значение, и именно на основе общения он мо-

жет быть понят и проинтерпретирован адекватно замыслу автора» [Белянин, 2004, с. 110].

В процессе восприятия информации в виде текста реципиентом также актуализируется образное, понятийное, эмоциональное и ассоциативное содержание концепта [Залевская, 2002]. Этим, на наш взгляд, объясняется тот факт, что при актуализации образного содержания не только присутствует, но и доминирует эмоциональное содержание, выраженное реакциями оценочного типа.

В ходе анализа данных нашего эксперимента мы выявили реакцию, названную нами комбинированной. Данный тип реакции в диссертационном исследовании И.В. Кирсановой носит название компликативной и описывается как реакция, представляющая собой «развернутое высказывание, объединяющее две, три и более реакций [Кирсанова, 2007, с. 120]». Это может быть реакцией на одно исходное предложение, а может частично относиться к прочитанному ранее. В качестве прогнозирования такая реакция может относиться и к дальнейшей информации текста. Как подчеркивает автор, сложность реакции данного типа состоит в том, что наряду с реакциями различных типов в большинстве случаев здесь также имеется эмоциональная и оценочная составляющая – высказывается мнение или дается оценка сказанному автором.

К данному выводу И.В. Кирсанова приходит, проведя исследование особенностей процессов понимания научно-популярного текста. Высокий процент комбинированных реакций наблюдает в ходе эксперимента с текстом глянцевого журнала А.В. Моисеева [Моисеева, 2016]. Мы же в своем исследовании впервые обнаруживаем такой тип реакции, как поликодовая оценка. Это комбинированная реакция, представляющая собой сочетание вербальной и иконической составляющих. Такой тип реакций, как можно предположить, возможен благодаря известному свойству интернет-текста, а именно, его мультимедийности, представляющей собой использование различных по своей природе форматов информации в одном источнике. Среди этих форматов могут быть текст, звук, фото- и видеоизображение.

По мнению многих лингвистов, взгляд на текст как на поликодовое образование является следствием и отражением поликодового характера современной коммуникации, где имеет место значительная визуализация коммуникативных сообщений. «За последние годы СМИ трансформировались в новую структуру, обеспечивающую неуклонный рост объемов вербальной и невербаль-

ной информации, оказывающей интенсивное воздействие на мышление индивида» [Рогозина, 2003, с. 3].

Свойство поликодовости как сочетания «в едином графическом пространстве семиотически гетерогенных составляющих – вербального текста в устной или письменной форме, изображения, а также знаков иной природы» [Сонин, 2005, с. 117] присущее различным элементам интернет-среды. В нашем случае, поликодовыми могут являться как тексты-стимулы, так и «встречные» тексты реципиентов.

В процессе интернет-коммуникации количество поликодовых сообщений неуклонно возрастает в связи «с ростом проводимости каналов связи и с популяризацией так называемых систем Веб 2.0, построенных на максимальном привлечении новых пользователей, которые сами порождают информацию и оценивают ее достоверность и значимость для сообщества» [О’Рейли, 2014]. Распространение таких систем способствует «созданию инструментария, позволяющего пользователю включать в свои текстовые сообщения элементы других знаковых систем» [Мичурин, 2014, с. 5].

С появлением виртуальной среды коммуникации в сети Интернет поликодовые произведения приобрели новое качество – они стали средством двусторонней коммуникации. Эта особенность общения в глобальной сети не могла не наблюдаться и при анализе нашего эмпирического материала, а именно, «встречных» текстов, продуцируемых реципиентами как реакций на текст микроблога и являющихся вербализованным результатом действия сложных внутренних механизмов понимания письменного текста.

Среди реакций оценки, доминирующей среди прочих комментариев, значительное место занимает поликодовая оценка, или комбинация одного (реже нескольких) видов реакций, описанных в классификации А.И. Новикова, и графической оценки. Так, например, из 392 реакций оценки 48 (12,2%) «подкреплены» графической оценкой в виде эмотикона. Эмоции реципиента в этом случае выражаются либо посредством встроенного в программу изображения-«смайла», либо (гораздо чаще) последовательностью знаков – упрощенной версией эмотиконов, часто использующейся в русскоязычном сегменте Интернета. Комментарий в виде смайлика передает реакцию участника на текст-стимул и передает эмоциональное состояние коммуниканта. Количество и последовательность знаков могут варьироваться в зависимости от интенсивности отображаемого в реакции эмоционального состояния.

Ниже мы приводим таблицы, демонстрирующие возможные символы / сочетания символов, используемые коммуникантами для выражения эмоций во «встречных» текстах.

Таблица 1

Эмоции, выражаемые символами	
радость) :) :-) :D
недовольство	:-/
восхищение	* _ *
огорчение	:(:C
удивление	:0 o_O O_O

Таблица 2

Эмоциональные действия, выражаемые символами	
подмигивание	;)
высовывание языка	;-P
поцелуй	;-*
слезы	:_(
крик	:-@

Как мы видим, простейший эмотикон представляет собой графический символ (или сочетание нескольких символов). Данный символ / комбинация символов схематически изображает губы / лицо участника процесса коммуникации. Здесь очень важно направление скобки: открывающая скобка изображает опущенные уголки губ и передает негативные эмоции; закрывающая же скобка напоминает улыбку и служит для передачи положительных эмоций.

Рассмотрим пример реакции оценки в сочетании с графическим символом. На текст «Визит главы МИД Японии в РФ может быть отложен из-за приезда Дмитрия Медведева на Курилы» были получены, среди прочих, следующие «встречные» тексты-комментарии:

- Упоротые япошки ☺.
- Вот дебилы))).

Вербальная составляющая обоих «встречных» текстов может быть воспринята как оскорблениe или проявление агрессии, но иконическая часть текста выражает их шутливый характер, говорит о некотором снисходительном отношении реципиентов к ин-

формации текста-стимула. Мы видим, что вербальная оценка, дополненная эмотиконом, влияет на смысл комментария: таким образом смягчается негативность высказывания.

Графическая оценка в сочетании с другими видами реакций составляет значительную часть комментариев, анализируемых нами в ходе экспериментального исследования. Так, например, наиболее частотной является комбинированная реакция «мнение + оценка». Данный вид составляет 252 реакции, из которых 52 (20,6%) содержат графическую оценку.

Приведем, например, следующую реакцию реципиента на твитт: «США просят российское предприятие увеличить поставки ракетных двигателей»:

– *Дать с небольшим запасом, дабы держать США в месте, для себя нужном!)*

Испытуемый в вербальной части комментария предлагает, как, по его мнению, следует поступить в сложившейся ситуации; в иконической же составляющей реципиент передает свои эмоции: очевидно, ситуация его забавляет.

Приведем еще один пример. В ответ на текст микроблога: «McDonald's продлит завтраки на весь день в надежде сократить убытки» испытуемый реагирует следующим образом:

– *А еще лучше продлить их на завтра и послезавтра))).*

В данном случае вербальная часть текста могла бы восприниматься как совет, но, учитывая присутствие в тексте реакции эмотикона, усиленного многократным повтором символа, мы можем предположить, что реципиент с насмешкой и иронией относится к планам компании.

Следующими по частотности употребления являются комбинированные реакции «перевод + оценка», «прогноз + оценка», «ориентировка + оценка», в которых эмоциональная оценка также выражается посредством как вербального, так и иконического компонентов.

Можно утверждать, что основными особенностями общения в глобальной сети являются активность, динамичность, пристрастность и активность субъекта. Эти факторы, безусловно, сказываются и на процессах понимания текста микроблога. На наш взгляд, необходимость появления эмотиконов и частотность их употребления напрямую связана с одной из проблем интернет-коммуникации – проблемой передачи эмоций, которая обусловлена опосредованным взаимодействием коммуникантов. Эмоции являются внешним ре-

презентантом мотива, лежащего в основе речевых действий индивида. Невозможность получать и передавать информацию об эмоциональном состоянии агента и реципиента текста приводит к необходимости поиска путей выражения эмоций, и одним из наиболее доступных и выразительных способов является использование иконического компонента.

Список литературы

Белянин В.П. Психолингвистика: Учебник. – М., 2004. – 232 с.

Залевская А.А. Некоторые проблемы теории понимания текста // Вопр. языкоznания. – М., 2002. – № 3. – С. 62–73.

Кинцель А.В. Эмоциональность текста как основа единства его связности и целности // Текст: Структура и функционирование. – Барнаул, 1997. – Вып. 2. – С. 81–87.

Кирсанова И.В. Многозначность семантики текста как реализация индивидуальных стратегий понимания: Дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2007. – 193 с.

Мичурин Д.С. Прецедентный поликодовый текст в вербально-изобразительной коммуникации интернет-сообществ: (На материале русскоязычных имиджфорумов): Дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2014. – 162 с.

Моисеева А.В. Категория модальности как средство выражения оценки: (На примере текста гламурного журнала) // Межкультурная ↔ интракультурная коммуникация: Теория и практика обучения и перевода. – Уфа, 2016. – С. 209–215.

Новиков А.И. Текст и «контртексты»: Две стороны процесса понимания // Вопр. психолингвистики. – М., 2003. – № 1. – С. 64–76.

O'Reilly T. Что такое Веб 2.0. – Режим доступа: <http://old.computerra.ru/think/234100/> (Дата обращения: 10.12.2014.)

Пешкова Н.П. Психолингвистика текста: Теория смысла А.И. Новикова // Языковое бытие человека и этноса: Психолингвистический и когнитивный аспекты. – М., 2006. – С. 152–159.

Пешкова Н.П. Типология научного текста: Психолингвистический аспект: (На материале науч., научно-популярных и технич. текстов). – Изд-е 2-е, доп. и перераб. – Уфа, 2015. – 292 с.

Рогозина И.В. Медиа-картина мира: Когнитивно-семиотический аспект: Дис. ... д-ра филол. наук. – Барнаул, 2003. – 256 с.

Сонин А.Г. Понимание поликодовых текстов: Когнитивный аспект. – М., 2005. – 220 с.

Я.А. Давлетова

**ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ОЦЕНОЧНОГО
МЫШЛЕНИЯ В ПРОЦЕССАХ ПОНИМАНИЯ
И ИНТЕРПРЕТАЦИИ СМЫСЛА ТЕКСТА:
(На материале текста Библии)**

Аннотация. В статье рассматривается понятие смысла, в котором интегрируются все основные закономерности организации и функционирования текста, а также его восприятия и понимания. Описывается экспериментальное исследование, осуществленное в русле психолингвистики текста и посвященное выявлению и анализу роли оценочного мышления в процессе формирования смысла при понимании текста Библии, особенности которого позволяют наиболее полно проследить реализацию механизма оценки в процессе понимания и интерпретации письменной информации.

Ключевые слова: понимание / восприятие текста; смысл; оценка; тип текста; психолингвистика текста; Библия.

**Ya.A. Davletova
Investigation of evaluative mentality peculiarities
in the processes of text comprehension and its interpretation
(based on the Bible text)**

Abstract. The article considers the concept of sense as a central link of text comprehension and text structure, the concept in which all the basic laws of text organization and functioning are integrated. An experimental research, carried out within the trend known as text linguistics and devoted to the identification and analysis of the role of evaluative thinking in the process of sense forming in the comprehension of the Bible text, whose peculiarities allow the fullest track of the implementation of the evaluation mechanism in the process of comprehension and interpretation of information presented in the written form, is described.

Keywords: text comprehension / perception; sense; evaluation; text-type; text psycholinguistics; the Bible.

По мнению многих современных исследователей, проблемы понимания текста не могут рассматриваться в отрыве от понятия смысла. Так, С.С. Гусев и Г.Л. Тульчинский утверждают, что «смысла так же нет вне понимания, как и понимание есть усвоение некоторого смысла» [Гусев, Тульчинский, 1985, с. 42]. А.И. Новиков рассматривал понимание и смысл в качестве комплиментарных, дополняющих друг друга, явлений [Новиков, 2007].

В русле теории А.И. Новикова смысл рассматривается как ментальное образование, которое формируется в результате понимания текста. Исследователь делает вывод о том, что смысл является центральным звеном, в котором интегрируются все основные закономерности организации и функционирования текста в целом [Новиков, 2007]. Н.М. Нестерова также полагает, что именно «категория смысла определяет все свойства текста» [Нестерова, 2009, с. 29]. Следовательно, рассматривать проблемы текста необходимо сквозь призму смысла.

Согласно теории А.И. Новикова, смысл, с одной стороны, основывается на уяснении «сущи дела», запрограммированной автором в замысле и реализованной определенными языковыми средствами в самом тексте, а с другой, – смысл есть выражение отношения реципиента к действительности [Новиков, 2003, с. 64–76]. Мы также разделяем исследовательскую позицию, в соответствии с которой смысл воспринимаемой информации представляет собой ее ценностно переживаемое значение и процессы формирования смысла при восприятии и понимании информации неразрывно связаны с оценочным мышлением индивида [Бахтин, 1979]. В отечественной лингвистике существует традиция толкования понимания как процесса оценивания описываемых в тексте событий с привлечением культурного контекста: «Уже тем самым, что я заговорил о предмете, обратил на него внимание, выделил и просто пережил его, я уже занял по отношению к нему эмоционально-волевую позицию, ценностную установку...» [Бахтин, 1986, с. 37].

Современные концепции когнитивной семантики в большинстве своем также постулируют, что наше мышление по своему методу и уровню знания мира является преимущественно оценочным, т.е. мыслительная деятельность в большей своей части совершается на уровне и в форме оценок [Никитин, 2003]. При этом для человеческого сознания, помимо номинативно-классифицирующей деятельности, «столь же естественно реагировать на мир эмоционально» [Телия, 1991, с. 5–36]. Оценивание, согласно точке зрения

Д.В. Колесова, признается «важнейшей функцией сознания», а оценка определяется как одна из центральных операций сознания, своеобразная цели, средствам и методу [Колесов, 2006, с. 103].

История исследования сложных взаимоотношений человека с внешним миром ставит оценку в ранг одной из основополагающих категорий сознания индивида. «Оценка, – пишет Г.В. Колшанский, – содержит повсюду, где происходит какое бы то ни было соприкосновение субъекта познания с объективным миром» [Колшанский, 1975, с. 142]. Как известно, изучение феномена оценки, процессов и механизмов оценивания осуществляется с самых разных позиций и подходов, существующих в гуманитарной науке: с точки зрения философии, психологии, социологии, лингвистики, психолингвистики, теории информации.

Осмысливая и оценивая явления и события окружающей действительности, реципиент формирует мысль и выражает ее посредством языковых знаков. Результаты оценочной деятельности индивида вербализуются, закрепляются определенным образом в элементах языковой системы. Именно поэтому вопросы, связанные с оценочным отображением действительности, выдвигаются на одно из центральных мест в лингвистической науке, а их исследованию посвящены труды известных отечественных ученых, таких, как Г.В. Колшанский [Колшанский, 1975], Н.Д. Арутюнова [Арутюнова, 1999], Е.М. Вольф [Вольф, 1988], В.Н. Телия [Телия, 1991] и др.

В трудах психолингвистов утверждается необходимость изучения категории оценки в контексте личностного и языкового сознания, а также в плане рассмотрения механизмов глубинного соотношения ментальных и языковых структур. В этой связи можно перечислить исследования Н.И. Жинкина [Жинкин, 1982], А.И. Новикова [Новиков, 2007], А.А. Залевской [Залевская, 1999], А.А. Леонтьева [Леонтьев, 2005], В.П. Белянина [Белянин, 2000], Н.П. Пешковой [Пешкова, 2006; Пешкова, 2015], И.В. Кирсановой [Кирсанова, 2007]. В этих работах оценка изучается с опорой на тезаурус личности, формируемый на основе индивидуального опыта, а также на общие и индивидуальные представления индивидуума, выработанные в контексте коллективного социального опыта.

Труды А.И. Новикова представляют собой особое направление, обозначенное им как «психолингвистика текста», с позиции которой текст рассматривается как процесс речемыслительной деятельности, включенный «в более широкий коммуникативный

контекст, где, кроме текста, существенную роль играет человек, порождающий и воспринимающий текст» [Новиков, 2007, с. 203]. Согласно данной теории, в процессе познавательной деятельности, связанной с образованием смыслов, реципиент выступает как лицо активное, деятельное, следовательно, его деятельность не может не сопровождаться эмоциональным и оценивающим восприятием действительности.

Новизна нашего экспериментального исследования, выполненного в русле психолингвистики текста, заключается в выявлении и анализе механизмов оценочного мышления, проявляющихся в процессе понимания и интерпретации текстов Библии как особого типа речевых произведений.

В самом начале исследования перед нами стояла задача выбора такого типа текста, который позволил бы наиболее полно проследить механизмы проявления оценочного мышления в процессах восприятия и понимания письменной информации. Мы предположили, что именно таким типом речевых произведений может стать религиозный текст.

Для решения поставленной задачи было необходимо провести экспериментальное исследование, которое позволило бы выявить и описать механизмы доминирования эмоционально-оценочного мышления в процессе понимания и интерпретации письменной информации в форме Библейского текста.

В Библии, как известно, заложена огромная воздействующая функция: библейские сюжеты на протяжении веков формировали поведение человека, влияли на определенные законы и правила, по которым строились взаимоотношения людей. Именно поэтому в мировой культуре к Библии обращаются не только при богослужении в храме, не только с целью религиозного образования и воспитания, но и для решения гуманистических задач светского воспитания и образования, в практической жизни, в художественном творчестве, в политике, праве и т.п. По словам Д.С. Лихачёва, Библия является генетическим кодом культуры, определяющим на протяжении столетий многие ее черты, сам образ жизни и стиль мышления людей, кодом, который передавался от поколения к поколению. Ее содержание отражает все стороны человеческого бытия [Лихачев, 1987].

Таким образом, актуальность нашего исследования обусловлена теми возможностями, которые дает нам Библейский текст в связи с его особенностями, большой эмоциональной нагрузкой и

заложенным в нем воздействующим потенциалом. Все это обеспечивает возможность изучения того, как проявляются разные формы оценочного мышления реципиентов, а также действуют механизмы воздействия информации на сознание личности при восприятии подобного типа текстов.

В своем исследовании мы опираемся на гипотезу А.И. Новикова об активной роли реципиента, в соответствии с которой понимание есть мыслительный процесс, отражающий продуктивную аналитическую и синтетическую деятельность сознания. В процессе такой деятельности происходит построение так называемого «встречного текста» [Новиков, 2003] или, по терминологии Н.И. Жинкина, «контртекста» [Жинкин, 1982].

В качестве испытуемых в эксперименте участвовали 160 студентов физического, математического и химического факультетов Башкирского государственного университета в возрасте 18–20 лет. Следует отметить, что восприятие такого рода информации и работа с достаточно сложным языковым материалом для данной аудитории, как правило, непривычны. В связи с этим мы сочли целесообразным несколько упростить формулировки задач, сохранив все принципы оригинальной методики. Процедура экспериментальной методики, в основе которой лежит метод «встречного текста» А.И. Новикова, заключается в том, что испытуемые, читая текст, последовательно записывают «все, что приходит им в голову» в момент прочтения конкретного предложения, не забегая вперед [Новиков, 2003, с. 64–67].

В первой серии эксперимента испытуемым было предложено прочитать библейский текст, а именно отрывок о грехопадении людей [Закон Божий, 1987]. В соответствии с оригинальной методикой все предложения текста были пронумерованы. Ответы испытуемых фиксировались в письменном виде. Задание формулировалось следующим образом: «Прочитайте текст и составьте свой “контртекст”. Записывайте все, что возникает в Вашем сознании как результат понимания каждого предложения: мнения, оценки, суждения, ассоциации и т.п.».

В данной статье мы остановимся более подробно на второй серии эксперимента, в которой испытуемым было предложено сформулировать общий смысл прочитанного текста, не перечитывая текст и не просматривая информацию, касающуюся их собственной интерпретации предложений текста. Задание для испытуемых было сформулировано таким образом: «Прочитайте внимательно текст и

ответьте на вопрос: в чем, с вашей точки зрения, заключается смысл всего текста?»

В результате нами было проанализировано 160 различных формулировок общего смысла отрывка библейского текста, полученных от испытуемых. По нашим данным 13% испытуемых либо поставили прочерк, либо ответили следующим образом:

Не знаю. – Не вижу никакого смысла в тексте. – Общий смысл? Да нет у этого текста особого смысла.

Для большей части испытуемых смысл прочитанного текста сводился к перечислению фактов, о которых говорится в тексте, к краткому пересказу его содержания. Примером могут служить следующие ответы:

М.А.: Бог запретил людям вкушать плоды с дерева добра и зла. Дьявол в обличии змея соблазнил Еву попробовать запретный плод. Ева попробовала и угостила Адама. Так совершилось первое грехопадение людей, которое явилось началом для всех последующих грехов в людях.

Д.Ю.: Смысл текста в том, что змей предложил Еве и Адаму съесть запретные плоды. Они их съели, нарушив волю Бога, и были изгнаны за это из рая.

Л.Т.: Запретное дерево находится в раю. Змей говорит Адаму и Еве вкушать его плоды. Они это делают. После этого и начались грехи других людей.

В ответах этих испытуемых не демонстрируется никакого личного отношения к представленной информации, смысл сводится к аннотации прочитанного. Данная группа испытуемых составляет 6,6% от общего числа участников эксперимента.

Отметим, что подобные краткие ответы (в виде аннотаций) и отсутствие какого-либо ответа в сумме составляют 19,6% от общего количества формулировок смысла. Это можно объяснить, на наш взгляд, прежде всего, отсутствием или недостатком у испытуемых знаний, необходимых для понимания содержания и смысла данного типа текстов. Кроме того, данный факт может быть обусловлен отсутствием мотивации к получению информации, а также психологическими и ментальными особенностями наших реципиентов.

Перейдем к анализу формулировок смысла, представленных другой частью наших испытуемых. Мы хотели бы отметить, что данная группа составляет большинство, достигая 80,4% всех участников эксперимента. Прежде всего нужно сказать, что формули-

ровки смысла текста, прочитанного данной группы испытуемых, характеризуются достаточно большим объемом: в среднем они включают 7–8 предложений.

В процессе анализа нами было обнаружено большое разнообразие интерпретаций содержания предъявленного текста, в которых проявляется его многозначность. Однако особенно важен, по нашему мнению, тот факт, что неотъемлемыми составляющими формулировок смысла этих испытуемых являются личностные эмоциональные и субъективно-оценочные компоненты.

Рассмотрим следующие формулировки смысла:

Р.В.: По моему мнению, в данном тексте на примере Адама и Евы рассматривается греховность нашего поколения, гниющего и тлеющего. Они сделали то, что сегодня естественно любому человеку – проявили интерес к запрету. С одной стороны, они не правы в своем поступке, так как у них было «райское блаженство», они могли бы просто слушаться Бога. С другой стороны, я считаю, что если бы даже не было дьявола, все равно произошло бы то же самое. Бог сам, установив это великолепное зеленое дерево с огромной кроной, вызвал интерес. Рано или поздно они съели бы эти манящие ароматом прекрасные плоды.

Как можно видеть, Р.В. не просто перечисляет факты, изложенные в тексте, но пытается рассуждать. Мы видим, что у него возникают ассоциации с современностью. Он визуально представляет райское дерево и даже ощущает запахи плодов. Выражая свое личное отношение к тому, что описано в тексте, Р.В. высказывает догадки, предположения о возможном ходе событий. Помимо этого, в каждом предложении мы можем проследить присутствие оценочного компонента: так, говоря о новом поколении, испытуемый характеризует его как «гниющее» и «тлеющее», поступок Адама и Евы оценивает словами «они не правы», описывает дерево как «великолепное», а плоды как «прекрасные».

О.Л.: Наивные люди, ничего не подозревая, послушали и нарушили заповедь и волю Божью. После этого и начнутся все грехи. И среди нас есть такие ужасные коварные люди, как дьявол. А когда человек понимает, что совершил грех, назад пути нет. Надо быть внимательнее и избегать таких встреч. Надо соблюдать заповеди, а не нарушать их.

Передавая содержание текста в краткой форме, О.Л. дает эмоциональные оценки: люди «наивные». Проводя параллель с современным миром, делая определенные выводы, она также вы-

сказывает резко отрицательно оценочное мнение о людях, похожих на дьявола (они «ужасные», «коварные»).

А.М.: Отличная сказка для тех, кто привык искать вину в ком и в чем угодно, кроме себя! То есть для всех людей. Да, кстати, почему дьявол явился именно в образе противной змеи? А не в обличии какого-нибудь другого, еще более отвратительного предмета? А вообще я считаю, что грех исходит из многочисленных, порой ненужных и бесполезных запретов.

Так, А.М. с иронией относится к тексту, называя его «отличной сказкой». Задаваясь вопросом об облике змея как символа греха, он также выражает личное представление о нем: змей «противный», «отвратительный». Формулируя свое мнение о природе греха, А.М. оценивает многие существующие запреты как «ненужные» и «бесполезные».

Подобное комбинирование различных реакций с оценочным компонентом мы можем наблюдать во всех формулировках смысла этой группой реципиентов. Размышляя над изложенной в тексте информацией, они оценивают ее по-разному. Их эмоции варьируются от резкой критики до полного одобрения либо снисходительного отношения к героям и событиям. Так или иначе, рассуждая о содержании прочитанного текста, они формулируют различные его смыслы через свои личные мнения и оценочные суждения.

По результатам проведенного нами экспериментального исследования можно сделать следующие выводы.

Прежде всего, в контексте полученных данных находит подтверждение гипотеза о том, что оценка как специфическое свойство человеческого мышления (оценивающая способность), является не просто одним из важнейших компонентов в структуре отражающей деятельности сознания, но есть его основополагающая категория. Огромную роль, как показывают наши данные, при этом играет эмоциональная оценка.

Кроме того, результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что, с одной стороны, категория оценки, выявляемая путем анализа вербализованных реакций реципиентов, делает необходимым обращение к анализу языковых средств, которые отражают акт ментальной интерпретации и оценочной квалификации индивидом фрагментов объективного мира. С другой стороны, эти языковые структуры являются важным источником сведений о сознании индивида, передавая особенности его личностного опыта и знаний. Таким образом, анализируя данные, полученные путем

психолингвистического эксперимента, мы приходим к выводу о том, что в наших дальнейших исследованиях необходимо использовать также методы лингвистического анализа семантики языковых единиц. Иными словами, при исследовании особенностей языкового сознания возникает необходимость использования интегративного подхода, объединяющего психолингвистические и лингвистические методы.

Результаты анализа экспериментальных данных подтверждают наше первоначальное предположение о том, что механизмы оценочного мышления максимально проявляются при восприятии и понимании такого типа текста, как Библия. Изучение данного типа речевого произведения не только «позволяет вскрыть глубинные характеристики как языка, так и религии» [Карасик, 2002, с. 221–230], но и способствует выявлению особенностей языкового сознания личности.

Как мы могли наблюдать, при восприятии данного типа текста значительную роль играют смысловые реакции оценки, поскольку сам текст дает необходимый эмоциональный стимул для «извлечения» заложенных в содержание смыслов и «приписывания» собственных смыслов (термин А.И. Новикова [Новиков, 2007]), для выражения реципиентом своего субъективного отношения, преимущественно эмоционального характера, как к содержанию текста, так и к действительности в форме различных оценок.

Список литературы

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М., 1999. – 896 с.

Бахтин М.М. Проблема речевых жанров. – М., 1979. – 237 с.

Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. – М., 1986. – 543 с.

Белянин В.П. Основы психолингвистической диагностики: Модели мира в литературе. – М., 2000. – 248 с.

Вольф Е.М. Метафора в языке и тексте. – М., 1988. – 510 с.

Гусев С.С., Тульчинский Г.Л. Проблема понимания в философии. – М., 1985. – 192 с.

Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. – М., 1982. – 158 с.

Закон Божий: (Для семьи и школы). – Нью-Йорк, 1987. – 723 с.

Залевская А.А. Введение в психолингвистику. – М., 1999. – 382 с.

Карасик В.И. Языковой круг: Личность, концепты, дискурс. – Волгоград, 2002. – 477 с.

Кирсанова И.В. Многозначность семантики текста как реализация индивидуальных стратегий понимания: Автoref. ... дис. канд. филол. наук. – Уфа, 2007. – 21 с.

Колесов Д.В. Оценка: (Психология и прагматика оценки). – М., 2006. – 816 с.

Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. – М., 1975. – 229 с.

Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. – М., 2005. – 288 с.

Лихачев Д.С. Первые семьсот лет русской литературы // Лихачев Д.С. Избранные работы. – Т. 2: Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси. – СПб., 1987. – С. 5–30.

Нестерова Н.М. Психолингвистика текста, или есть ли смысл в тексте? // Вопр. психолингвистики. – М., 2009. – № 9. – С. 21–29.

Никитин М.В. Основания когнитивной семантики. – СПб., 2003. – 277 с.

Новиков А.И. Текст и «контртекст»: Две стороны процесса понимания // Вопр. психолингвистики. – М., 2003. – № 1. – С. 64–76.

Новиков А.И. Текст и его смысловые доминанты. – М., 2007. – 224 с.

Пешкова Н.П. Психолингвистика текста: Теория смысла А.И. Новикова // Языковое бытие человека и этноса: Психолингвистический и когнитивный аспекты. – М., 2006. – С. 152–159.

Пешкова Н.П. Типология научного текста: Психолингвистический аспект: (На материале науч., научно-популярных и технич. текстов). – Изд-е 2-е, доп. и перераб. – Уфа, 2015. – 292 с.

Телия В.Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая организация. – М., 1991. – 204 с.

А.В. МОИСЕЕВА

**ИССЛЕДОВАНИЕ СООТНОШЕНИЯ
СОДЕРЖАТЕЛЬНЫХ И СМЫСЛОВЫХ РЕАКЦИЙ
В ЯДРЕ МОДЕЛИ ПОНИМАНИЯ ТЕКСТА
ГЛЯНЦЕВОГО ЖУРНАЛА: (С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
МЕТОДА «ВСТРЕЧНОГО ТЕКСТА» А.И. НОВИКОВА)**

Аннотация. В статье приводятся результаты экспериментального исследования особенностей восприятия и понимания текста глянцевого журнала с использованием методики «встречного текста» А.И. Новикова. Рассматривается перечень выявленных реакций, представляющих собой комбинации как уже известных, так и ранее неописанных типов реакций.

Ключевые слова: глянцевый журнал; встречный текст; классификация реакций; содержательные и релативные типы реакций.

A.V. Moiseeva

**The research into the correlation of content and sense reactions
in the center of the comprehension model of fashion magazine text
(using the “counter-text” method by A.I. Novikov)**

Abstract. The article represents the results of experimental research into peculiarities of fashion magazine text perception and understanding using A.I. Novikov's method of «counter text». The list of analyzed reaction types including the combinations of already known types of reactions as well as the ones that were not described before is considered.

Keywords: a fashion magazine; the «countertext», A.I. Novikov's classification of reactions; content and relative types of reactions.

Для изучения процесса восприятия и понимания текста глянцевого журнала нами был проведен эксперимент с использо-
92

ванием методики «встречного текста» А.И. Новикова [Новиков, 2003] на материале двух видов текста: вербального (содержащего только естественный язык) и поликодового (текста в сочетании с изображением). Процедура эксперимента, подробно описанная в работе А.И. Новикова, предполагала продуцирование ответных текстов-реакций на предложение текста-стимула.

Реакции испытуемых являются вторичными текстами, создание которых представляет собой «экспликацию проекции текста и ее фиксацию материальными средствами» [Новиков, 2007, с. 83]. Под проекцией текста А.И. Новиков понимал «ментальное образование, продукт процесса смыслового восприятия текста реципиентом, в той или иной мере приближающийся к авторскому варианту проекции текста» [Новиков, 2007, с. 83]. По мнению Н.П. Пешковой, «создается возможность репрезентации процесса осмыслиения и интерпретации сообщаемого в доступной для экспериментатора форме» [Пешкова, 2015, с. 64].

Следует отметить, что в нашей работе мы использовали оригинальные определения реакций, данные автором методики А.И. Новиковым [Новиков, 2007]. Приведем их ниже:

Ассоциация – реакция, вызванная связью, не вытекающей непосредственно из содержания предложения; вывод – реакция в виде умозаключения, вытекающего из содержания конкретного слова или выражения; визуализация – вербализация конкретного наглядного представления о чем-то; генерализация – сведение содержания предложения к более общему, банальному суждению; интертекст – реакция в виде цитаты из общеизвестного произведения или отсылки к нему; инфиксация – продолжение воспринимаемого предложения, его дополнения; констатация – подтверждение, согласие с тем, что сказано в предложении; мнение – личное отношение испытуемого к тому, что сказано в предложении; ориентировка – реакция в виде вопроса; оценка – реакция, связанная с оценкой того, что сказано в предложении; перевод – обозначение содержания полностью другими языковыми средствами, смысловая интерпретация предложения, собственно выражение его смысла; предположение – суждение о прошлом; прогноз – суждение о будущем; перефразирование – пересказ «своими словами», где часто смешены акценты, внесено дополнительное содержание или, наоборот, некоторая часть содержания утрачена за счет трансформации исходного предложения; свободный ответ – реакция, не

имеющая прямого отношения к исходному предложению [Новиков, 2003, с. 66–67].

В качестве текста-стимула была использована статья из периодического издания для женщин «Vogue» (ноябрь 2012) [Vogue, 2012], посвященная совместному творчеству модели Н. Водяновой и обувного концерна Centro. Для второго этапа эксперимента были отобраны 11 текстов статей с иллюстрациями из журнала «Glamour» (май 2014) [Glamour, 2014], освещающие новинки в индустрии моды, в тенденциях макияжа и т.д.

В результате предъявления текстов-стимулов реципиентам были получены и проанализированы 1280 реакций на первом этапе и 720 реакций на втором этапе эксперимента.

Выявленные наборы доминирующих видов реакций, полученных от испытуемых в разных сериях эксперимента с использованием вербального и поликодового текстов, совпадают по их двум составляющим (оценочные реакции и перефразирование), с некоторыми изменениями в показателях частотности, и отличаются третьей составляющей (ассоциация и перевод, соответственно). Итак, наиболее частотными оказались следующие реакции:

– Реакции первой серии: 1) оценочные реакции (31,1%); 2) ассоциация (12,8%); 3) перефразирование (12,4%);

– Реакции второй серии: 1) оценочные реакции (29,8%); 2) перефразирование (16,6%); 3) перевод (14,9%).

Как можно видеть по количественным показателям, реакция «оценки» занимает первое по значимости место при восприятии и понимании текстов глянцевого журнала независимо от того, являются они поликодовыми или нет.

Все полученные в первой серии реакции (с использованием вербального текста) можно структурировать в соответствии с частотой их употребления. К наиболее частотным, составляющим ядро предполагаемой модели, относятся такие реакции, как оценочные, ассоциация, перефразирование. К менее частотным периферийным реакциям, согласно нашему исследованию, относятся: мнение; перевод; компликативный тип, представляющий собой комбинацию двух или более реакций (выделенная И.В. Кирсановой) [Кирсанова, 2007]; ориентировка; вывод; визуализация; прогноз. И, наконец, низкочастотными являются следующие типы реакций – инфиксация, предположение, интертекст. К четвертой группе «неупотребительных» реакций мы можем отнести аргументацию.

Сравнительный анализ экспериментальных данных по другим типам текста показывает, что аргументированность сопровождает в значительной степени процесс понимания научного, научно-популярного типов текста, а также, как выяснилось, текста микроблога [Титлова, 2016]. Данную точку зрения в отношении научного текста подтверждает и исследование А.И. Новикова [Новиков, 2003]. При понимании научного текста реакция «аргументация» занимает четвертое место, т.е. 8,4% от общего количества реакций. В исследовании научно-популярного текста И.В. Кирсановой реакция «аргументация» занимает девятое место, т.е. 3,7% от общего количества реакций [Кирсанова, 2007]. Заметим, что данный тип отсутствовал при восприятии художественного текста в эксперименте А.И. Новикова [Новиков, 2003].

В результате анализа данных второй серии эксперимента (с использованием поликодового текста) к наиболее употребительным «ядерным» реакциям можно отнести: различные виды оценки (оценку, оценочное мнение [Моисеева, 2014], имплицитную оценку позитивного / негативного характера [Моисеева, 2017]), перевод, перефразирование. К менее частотным периферийным типам относятся ассоциация, констатация, предположение, ориентировка, вывод, отсылка к личному опыту. К низкочастотным реакциям мы относим генерализацию, инфиксацию, интертекст, прогноз, визуализацию, компликативный тип, аргументацию, констатацию отсутствия знаний. Одной из особенностей, выявленных при анализе поликодового текста гламурного журнала, является наличие реакции аргументации, хотя она составляет только 0,8% от общего количества реакций.

Далее мы приводим соотношение реакций по двум типам текста гламурного журнала – вербальному (первая цифра) и поликодовому (вторая цифра): 1) оценка и ее разновидности: 31,1% – 29,8%; 2) ассоциация: 12,8% – 3,8%; 3) перефразирование: 12,4% – 16,6%; 4) мнение: 7,6% – 9,5%; 5) вывод: 2,4% – 6,4%; 6) констатация: 6,3% – 4,7%; 7) компликативная реакция: 4,2% – 0,8%; 8) генерализация: 4% – 1,7%; 9) отсылка к личному опыту: 3,6% – 1,6% [Моисеева, 2014]; 10) перевод: 2,9% – 14,6%; 11) ориентировка: 2,8% – 1,7%; 12) вывод: 2,4% – 6,4%; 13) свободный ответ: 1,8% – 0,2%; 14) прогноз: 1,7% – 1,3%; 15) предположение: 1,6% – 1,9%; 16) ориентировка: 2,8% – 1,7%; 17) визуализация: 1,4% – 1%; 18) инфиксация: 1,1% – 1,4%; 19) интертекст: 0,1% – 1,4%.

Итак, наблюдается преобладание отдельных типов реакций и их распределение по количественным показателям. Так, значительное преобладание реакций оценочного типа можно наблюдать как в случае восприятия вербального, так и поликодового текста глямурного журнала, что свидетельствует о значимости оценочного механизма при восприятии текста данного типа.

Реакции реципиентов мы рассматриваем как их индивидуальные стратегии при восприятии и понимании текстовой информации. Выше мы обсудили количественные показатели выявленных стратегий восприятия. Однако, по мнению А.И. Новикова, «более интересна существенность содержательная, характеризующая данные виды реакций с качественной стороны» [Новиков, 2003, с. 69].

Напомним, что А.И. Новиков разделил все полученные реакции «встречных текстов» на содержательные, связанные с содержанием предложений, и смысловые, выражающие отношение реципиента к воспринимаемым предложениям [Новиков, 2003]. К содержательным реакциям автор методики отнес: перефразирование, перевод, ассоциацию, вывод, предположение, ориентировку, аргументацию и прогноз (см. определения выше). Остальные типы реакций «участвуют в создании определенного эмоционально-аксиологического поля, определенных интенций и установок, что, также, в конечном счете, формирует адекватный образ содержания текста» [Новиков, 2003, с. 69].

В данном контексте нам представляется необходимым еще раз обратиться к рассмотрению соотношения понятий «смысл» и «содержание».

По словам А.И. Новикова, процесс восприятия текста представляет собой порождение в сознании реципиента ментального образования в результате «непосредственного воздействия на него всей совокупности языковых средств, составляющих данный текст, и актуализации в его памяти определенных когнитивных, эмотивных и других структур, необходимых для его осмыслиения. Другими словами, это то, что является результатом понимания. Часто такой результат обозначается общим понятием ‘смысл текста’» [Новиков, 2007, с. 142].

Изучая природу рассматриваемых явлений, А.И. Новиков высказал ряд гипотез в русле психолингвистики текста. Любой текст несет в себе смысл и обладает содержанием. Данные явления различны по своей природе. Оба образования являются результа-

том понимания, но их формирование подчинено разным речемыслительным механизмам: «Содержание формируется как ментальное образование, моделирующее тот фрагмент действительности, о котором говорится в тексте, а смысл – это мысль об этой действительности, т.е. интерпретация того, что сообщается в тексте» [Новиков, 2007, с. 143]. Содержание связано с отражением объективной действительности, тогда как смысл связан с «экспликацией замысла автора, который при восприятии предстает как некоторый код, который следует расшифровать» [Новиков, 2007, с. 143].

Итак, смысловые реакции отражают попытку реципиента извлечь смысл из содержания текста или приписать ему свой собственный смысл, рождающийся в процессе восприятия информации. Следовательно, смыслов может быть столько же, сколько и воспринимающих сообщение, тогда как содержание остается неизменным, оно инвариантно для всех реципиентов; смысл же может быть индивидуальным для каждого адресата.

Напомним, что исследователь отнес к содержательным реакциям такие виды, как перевод, ассоциация и перефразирование. Приведем оригинальное определение реакции перевода, которое исследователь дал в своей работе «Текст и ‘контртекст’: Две стороны процесса понимания»:

«Перевод – обозначение содержания предложения полностью другими языковыми средствами, как правило, в краткой форме, что можно рассматривать как смысловую интерпретацию данного предложения, собственно выражение его смысла» [Новиков, 2003, с. 68]. Из определения автора методики анализа с помощью реакций следует двойственность природы данной реакции. С одной стороны, она обозначает «содержание предложения», с другой, является «смысловой интерпретацией предложения», «выражением его смысла». Несомненно, данное определение подчеркивает многоаспектность и сложность реакции «перевод».

Однако нам представляется целесообразным отнести реакцию перевода к смысловым (релативным) реакциям, так как, по словам самого автора методики, этот вид реакции представляет собой «сложную интеллектуальную операцию, включающую в себя ряд других, более элементарных операций, ...являясь результатом осмыслиения предложения, представляет собой наиболее полный и завершенный механизм восприятия и понимания» [Новиков, 2003, с. 70].

Приведем примеры реакции перевода в ответах испытуемых на исходное предложение вербального текста (в кавычках даны предложения-стимулы, курсивом – реакции испытуемых):

а) «Смешивайте стили, чтобы не выглядеть на улице так, будто вы все еще на тренировке» [Glamour, 2014] – 1) *Нужно разбавлять спортивный стиль;* 2) *Сочетание разных стилей;* 3) *Умелое сочетание стилей.*

б) «Важно выбрать одну заметную спортивную вещь (например, толстовку или кроссовки с принтом) и строить образ вокруг нее» [Glamour, 2014] – 1) *Одна вещь – центр образа;* 2) *Строим образ вокруг одного главного элемента;* 3) *Акцент нужно делать на чем-то одном.*

Следующий тип реакции, отнесенной А.И. Новиковым к содержательным, является ассоциация – «реакция, вызванная связью, не вытекающей непосредственно из содержания данного предложения, а существующая в сознании как связь слов, независимая от содержания данного стимула» [Новиков, 2003, с. 67]. Из определения следует, что механизм ассоциирования происходит нецеленаправленно, спонтанно, затрагивая глубинные структуры сознания, содержащие опыт и знания, полученные индивидуумом ранее. Процесс ассоциирования протекает сугубо индивидуально, вызывая индивидуальную реакцию, что, по нашему мнению, реализуется в присвоении, вычленении каждым реципиентом своего собственного смысла.

Следует добавить, что реципиенты реагируют не на все предложение в целом, а выделяют в нем смысловой аспект и выдают реакцию именно на него. По мнению А.И. Новикова, «разные испытуемые в одном и том же предложении выделяют разные аспекты, что и находит выражение в многообразии реакций» [Новиков, 2003, с. 71].

Приведем ряд примеров ассоциативных реакций на следующее предложение вербального текста: «Туфельки для Золушки – вот что я представляла, когда приступала к работе над коллекцией» (супермодель и меценат Наталья Водянова освоила новую профессию – дизайнера обуви): 1) *Вспоминается сказка «Золушка» и маленькие хрустальные туфельки;* 2) *Маленькие, изящные туфельки;* 3) *Милые красные туфельки;* 4) *Пожилая женщина-фея дарит свои туфли племяннице;* 5) *Вспомнился мультик из детства;* 6) *Маленький размер ноги;* 7) *Коллекция маленьких хрустальных фигурок на полке.*

Еще одна содержательная реакция, которую, по нашему мнению, следует отнести к смысловым, – это «перефразирование», т.е. «исходное предложение, пересказанное “своими словами”. В нем часто смешены акценты, выделены иные аспекты, внесено дополнительное содержание, или, наоборот, некоторая часть содержания утрачена за счет определенной трансформации исходного предложения» [Новиков, 2003, с. 68]. Данный вид реакции представляет собой интерпретацию предложения-стимула словами испытуемого. При этом испытуемым (далее И. – А. М.) может вноситься дополнительное содержание, а также может утрачиваться некоторая часть содержания исходного предложения. В результате высказывание трансформируется, обретая новые смыслы.

Примером могут служить следующие ответы испытуемых на предложения-стимулы: «Супермодель и меценат Наталья Водянова освоила новую профессию – дизайнера обуви» – 1) *Известная модель осваивает новую профессию*. И. 1 передает содержание исходного предложения, опуская тот факт, что событие уже произошло; 2) *Н.В. – известная супермодель и меценат, решила поменять профессию и стать дизайнером обуви*. И. 2 вносит дополнительное содержание о смене профессии; 3) *На подиуме она показала свою новую коллекцию*. И. 3 вводит новое содержание о показе коллекции.

Таким образом, мы считаем возможным перенести рассмотренные выше типы реакций, а именно, перевод, ассоциацию и перефразирование, из класса содержательных к классу смысловых, так как они, во-первых, привносят новые, дополнительные оттенки смысла в исходное сообщение, пренебрегая, а иногда и игнорируя содержание; во-вторых, представляют собой не столько реакцию на содержание конкретного предложения, сколько служат проявлением прошлого опыта и всего багажа знаний, составляющих концептуальную систему индивидуума.

Количественный анализ реакций по двум сериям эксперимента выявил значительное превосходство релативных (смысловых) типов над содержательными при восприятии текста как без иллюстраций, так и с иллюстрациями. При понимании вербального текста это соотношение составляет 86% (1412) смысловых реакций к 14% (236) содержательных видов, при понимании поликодового текста – 87% (627) релативных реакций к 13% (93) содержательных. Таким образом, мы наблюдаем преобладание

смысловых реакций над содержательными по двум сериям эксперимента на 72% и 74%, соответственно.

Вслед за И.В. Кирсановой [Кирсанова, 2007] мы разделили все полученные реакции согласно частоте их употребления на ядерные, периферийные и низкочастотные. Качественные показатели говорят о том, что определенные реакции присутствуют в ответах всех испытуемых. Сюда вошли различные виды реакции – «оценка», «ассоциация», «перефразирование» и «перевод». Напомним, что именно данные реакции имеют наиболее высокие показатели по результатам двух предыдущих серий эксперимента. Мы определили данные виды реакций как ядерные.

Следующие виды мы относим к периферийным: «мнение», «ориентировку», «предположение», «констатацию», «вывод», «прогнозирование», «визуализацию», «отсылку к личному опыту». Остальные виды реакций мы относим к низкочастотным: «свободный ответ», «генерализацию», «компликативный тип», «инфикацию», «констатацию отсутствия знаний», «интертекст», «аргументацию» и «замещение смысла».

Основываясь на полученных данных, мы построили модель, представленную ядром, периферией и низкочастотными видами реакций.

Индивидуальные реакции, возникающие в сознании реципиента, сопровождают процесс восприятия информации и, по мнению И.В. Кирсановой, представляют собой реализуемый ими «механизм смыслообразования» [Кирсанова, 2007, с. 144], обеспечивающий понимание содержания и постижение смысла прочитанного. Следовательно, индивидуальные реакции представляют собой стратегию понимания конкретного реципиента.

Так, у И. 1 к ядру реакций относятся оценка, перефразирование, ассоциации, перевод, а также, отсылка к личному опыту. Другие виды реакций представлены в меньшем количестве, т.е. относятся к периферийным (мнение, ориентировка). Данному реципиенту абсолютно не свойственно делать предположения, выводы, обобщать и аргументировать.

И. 3 склонен делать умозаключения и предполагать, основываясь на имеющихся данных. Ядро индивидуальных реакции составляют ориентировка, вывод, аргументация и предположение. Эмоциональный компонент неявно представлен; такие виды реакций как оценка, ассоциация, перевод имеют низкие показатели.

Если в индивидуальных реакциях испытуемых при прочтении первого текста преобладали смысловые виды, то в ходе проведения второго этапа, при восприятии поликодового текста, те же испытуемые проявляли схожий набор реакций. Если для реципиента было характерно преобладание содержательных реакций на первом этапе эксперимента, то на второй текст данный реципиент реагировал также реакциями содержательного типа.

Вслед за И.В. Кирсановой мы рассматриваем набор индивидуальных реакций реципиента как модель используемых им стратегий понимания [Кирсанова, 2007]. Все наборы индивидуальных реакций реципиентов можно разделить на три группы:

1) стратегии, в которых доминируют релативные виды реакций (58%); 2) стратегии, с преобладанием содержательных видов реакций (20%); 3) стратегии, где число первых и вторых примерно одинаково (по 22%).

Как видно из результатов по двум сериям эксперимента, к ядру относится комплексная реакция оценки, что доказывает ее значительную роль в процессах восприятия и понимания смысла текста исследуемого типа. Таким образом, значительное место при восприятии текстов гламурного журнала занимает эмоциональный смысловой компонент. Было выявлено 512 реакций, выражающих оценку в ходе первого этапа эксперимента, и 214 реакций оценочного типа – в ходе второго этапа, что составляет 31,1% и 29,8%, соответственно.

Следующий тип реакции, который присутствует в ядре модели восприятия как вербальной, так и невербальной составляющей гламурного текста, является перефразирование. Поскольку данный вид реакции представляет собой субъективное толкование, вольную интерпретацию предложения-стимула, отражающуюся в изменении содержания исходного предложения, то, по нашему мнению, наличие реакции перефразирования может служить показателем неадекватности и неполноты процесса понимания текста, так как является, по сути, вольным пересказом содержания, при котором испытуемые могут опустить некоторую часть содержания путем изменения исходного предложения или внести дополнительный смысл, отсутствующий в исходном предложении. Было выявлено 205 реакций перефразирования в ходе первого этапа эксперимента и 120 реакций в процессе второго этапа, что составляет 12,4% и 16,6% соответственно.

Отметим, что в ядро модели восприятия текста при отсутствии невербальной составляющей также входит реакция «ассоциация». По определению А.И. Новикова, ассоциация – это «реакция, вызванная связью, не вытекающей непосредственно из содержания, а существующей в сознании как связь слов, независимая от содержания стимула» [Новиков, 2003, с. 67]. Как отмечает Л.С. Рубинштейн, ассоциация может носить случайный характер. «Каждое представление может по ассоциации вызвать любое из представлений, с которыми оно при своем появлении находилось в пространственной или временной смежности» [Рубинштейн, 2004, с. 314].

Напомним, что реакция ассоциации занимает второе по частотности место; было выявлено всего 210 реакций этого типа, что соответствует 12,8% от общего числа реакций.

Характерной особенностью текста гламурного издания, содержащего невербальный компонент, является наличие в ядре модели восприятия такой реакции, как перевод. Реакцию «перевод» можно рассматривать как смысловую интерпретацию предложения, выражение его смысла, представляющее собой «наиболее полный и завершенный механизм восприятия и понимания» [Новиков, 2003, с. 70]. Реакция «перевод» может включать в себя другие виды реакций, которые «образуют определенную иерархию и по сути своей являются составляющими мыслительного процесса, лежащего в основе восприятия и понимания текста» [там же].

Отметим, что было выявлено 48 реакций «перевод» в ходе первого этапа эксперимента и 105 реакций того же типа в процессе второго этапа, что составляет 2,9% и 14,6%, соответственно.

Итак, можно заключить, что наличие визуального образа в определенной степени влияет на процесс восприятия текста гламурного журнала. Напомним, что среди ядерных реакций в ходе первой серии эксперимента присутствовала ассоциация. В ходе второй серии ассоциация уступила место реакции «перевод». По мнению психологов, ассоциативный процесс лишен целенаправленности [Рубинштейн, 2004], тогда как перевод является целенаправленной мыслительной операцией, представляющей собой «наиболее полный и завершенный механизм восприятия и понимания» [Новиков, 2003, с. 70].

Таким образом, результаты эксперимента свидетельствуют о том, что происходит усложнение модели восприятия и понимания текста гламурного журнала, а значит, и реальных процессов, ото-

бражаемых моделью, в зависимости от наличия или отсутствия невербального компонента.

Список литературы

Кирсанова И.В. Многозначность семантики текста как реализация индивидуальных стратегий понимания: Дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2007. – 193 с.

Мусеева А.В. Роль креолизованности в процессе восприятия и понимания текста гламурного журнала // Вестн. Башк. ун-та. – Уфа, 2017. – Т. 22, № 1. – С. 192–197.

Мусеева А.В. Сравнительное изучение вербальной и невербальной составляющей при восприятии текста гламурного журнала // Europ. soc. science j. – М., 2014. – № 12 (51). – С. 333–340.

Новиков А.И. Текст и «контртекст»: Две стороны процесса понимания // Вопр. психолингвистики. – М., 2003. – № 1. – С. 64–76.

Новиков А.И. Текст и его смысловые доминанты. – М., 2007. – 224 с.

Пешкова Н.П. Типология научного текста: Психолингвистический аспект: (На материале науч., научно-популярных и технич. текстов. – Изд. 2-е, доп. и перераб. – Уфа, 2015. – 261 с.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб., 2004. – 713 с.

Титлова А.С. Об особенностях экспериментальных методов при исследовании процессов восприятия и понимания текстов микроблога // Актуальные проблемы русской и сопоставительной филологии: Теория и практика: Материалы Международной науч.-практич. конф. – Уфа, 2016. – С. 403–407.

Glamour. – М., 2014. – № 5. – 280 с.

Vogue. – М., октябрь 2012. – Mode of access: <https://m.vogue.ru/magazine/archive/477762/> (Дата обращения: 22.03.2018.)

III. ТЕОРИЯ А.И. НОВИКОВА И АВТОМАТИЧЕСКАЯ ОБРАБОТКА ТЕКСТОВ

Д.С. Курушин, О.В. Соболева, Д.С. Вяткин

ДЕНОТАТИВНАЯ МОДЕЛЬ ОСНОВНОГО СОДЕРЖАНИЯ ТЕКСТА В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ РОБОТОТЕХНИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Аннотация. В статье рассматривается возможность представления предметной области при помощи метода денотативного анализа текста. В связи с этим рассматриваются такие понятия, как «понимание», «денотат», «денотатный граф». Опираясь на предложенную А.И. Новиковым модель построения денотатного графа, авторы приводят фрагмент своего графа, описывающего лекцию по твердым бытовым отходам и способам их утилизации. Рассматриваются результаты верификации данного графа. Предполагается, что представление содержательной стороны текста в виде денотатов будет понятным системе и может использоваться в процессе ее обучения.

Ключевые слова: понимание; денотат; денотатный граф; формализация; верификация.

**D.S. Kurushin, D.S. Soboleva, D.S. Viatkin
Denotative content model as a mean of linguistic support
of robotics research**

Abstract. The paper is devoted to examining the use of denotative approach for describing the domain knowledge. Such concepts as comprehension, denotate and denotative graph are investigated. Based on the model of construction of a denotative graph proposed by A.I. Novikov, the authors give example of their graph describing the lecture on household waste und their utilization. Besides, emphasis is laid on the results of the graph verification. It is proposed that robots might understand text presented through denotates and it can be used for robotics training.

Keywords: comprehension; denotate; denotative graph; formalization; verification.

В последнее время исследования в области робототехники привлекают все большее внимание научного сообщества, при этом наряду с программистами и инженерами ключевую роль в создании систем искусственного интеллекта играют лингвисты. Новые задачи, встающие перед гуманитарной наукой, требуют сегодня основательной работы по оценке существующих лингвистических методов с позиций их применимости в сфере робототехнических проектов.

Целью нашего исследования и стала подобная оценка: необходимо было определить, насколько метод денотативного анализа текста применим для описания предметной области. Для этого потребовалось сформировать корпус текстов по теме «Твердые бытовые отходы» (ТБО) и формализовать отобранные тексты с помощью методики денотативного анализа, а затем провести верификацию построенного денотатного графа.

Теоретической базой исследования послужили работы А.И. Новикова, в которых исследователь обращается к проблеме понимания текста. Согласно А.И. Новикову, «понимание – это сложный мыслительный процесс, проходящий ряд этапов, в результате чего происходит активное преобразование словесной формы текста, представляющее собой многократное перекодирование. Областью кодовых переходов является внутренняя речь, где совершается переход от внешних кодов языка к внутреннему коду интеллекта, на основе которого формируется содержание текста как результат понимания» [Новиков, 1983, с. 46]. Ученый считает, что содержание текста представляет собой непосредственный результат понимания и соответствует денотативному уровню отражения. Под денотатом А.И. Новиков понимает «отраженные в мышлении и выраженные в тексте соответствующими языковыми средствами объекты и явления реальной действительности» [Новиков, 1983, с. 26]. В качестве модели отображения денотативного уровня текста ученый предлагает использовать **денотатный граф**, под которым понимается «свернутое эксплицитное отображение структуры содержания текста, которой могут соответствовать различные языковые формы» [Новиков, Нестерова, 1991, с. 61].

Рассмотрим методику построения денотатного графа, предложенную А.И. Новиковым в 80-е годы XX в.

1. Выделение «ключевых» элементов текста, т.е. наиболее важных, существенных элементов для понимания, причем не на

уровне отдельных слов, а на уровне денотатов, являющихся единицами содержания.

2. Выделение подтем. На данном этапе задача заключается в том, чтобы определить элементы, принадлежащие к верхним уровням текста, т.е. главный предмет описания и его подтемы.

3. Определение субподтем, которые раскрывают содержание подтем.

4. Графическое представление иерархии подтем и субподтем. На данном этапе таблица связей преобразуется в граф, имеющий вид иерархического дерева, где вершине первого уровня соответствует имя главного предмета, вершинам второго уровня – имена подтем, а третий уровень соответствует субподтемам. Ребрам в таком графе соответствует наличие определенной связи между вершинами, причем конкретный вид связи здесь может быть и не выражен.

5. Определение соотношений денотатов. Задачей данного этапа является приведение полученной иерархической структуры функциональных элементов в соответствие с моделью ситуации, формировавшейся в интеллекте в результате понимания текста. Это достигается за счет экспликации предметных отношений, существующих между денотатами, что приводит к уточнению соотношения элементов полученной структуры, детализации ее уровней, к общему ее преобразованию [Новиков, 1983, с. 147–151].

Модель построения денотатного графа представлена на рис. 1.

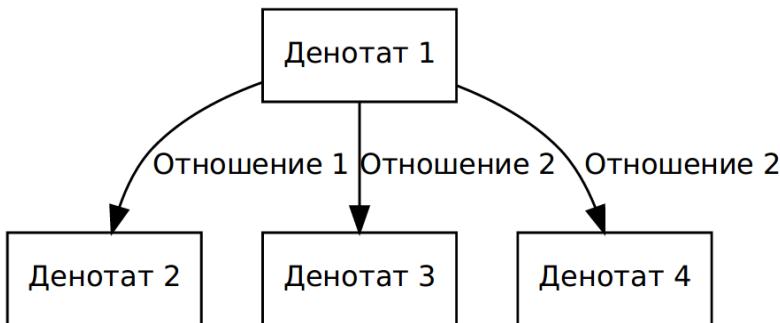

Рис. 1.
Модель построения денотатного графа

Нами был построен денотатный граф на материале лекции, посвященной утилизации твердых бытовых отходов [Твердые бы-

товые отходы, их утилизация, 2017]. Для визуализации графа была использована система Graphviz. Эта система предназначена для автоматического преобразования текстового описания графа на языке DOT в визуальную графовую форму. Описание графа представляет собой список строк вида:

'имя денотата' -> 'имя денотата' [label='имя отношения'];

Такой способ достаточно прост для составления, и позволяет выводить графы в разные форматы.

На рис. 2 представлен фрагмент построенного нами графа.

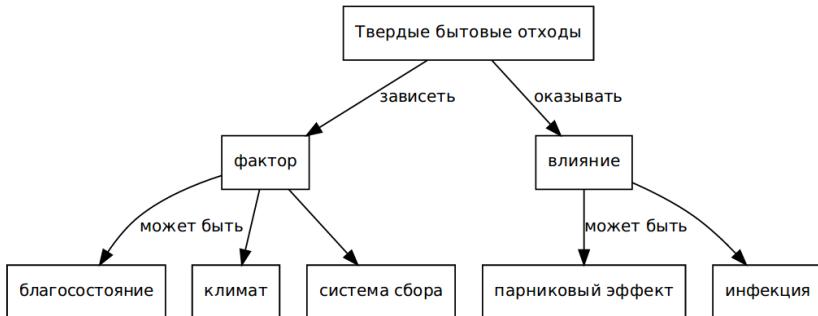

Рис. 2.
Фрагмент денотатного графа

Как видно из представленного фрагмента графа (рис. 2), в иерархической структуре денотаты могут быть одновременно как главными, так и зависимыми. Например, денотат «влияние» является подчиненным по отношению к денотату «твердые бытовые отходы» и в то же время главным для таких денотатов, как «парниковый эффект» и «инфекция». Кроме того, денотат может вступать в разные отношения с другими денотатами. Так, денотат «твердые бытовые отходы» связан с денотатом «фактор» посредством связи «зависеть», а с денотатом «влияние» – с помощью связи «оказывать».

Следующим шагом нашего исследования была верификация данного графа [Slovani.ru, 2017]. Для этого по тексту лекции нами был разработан тест с заданиями закрытого типа (выбор одного варианта из предложенных), состоящий из 10 вопросов с четырьмя вариантами ответа, лишь один из которых являлся правильным (см. листинг 1).

Листинг 1. Пример тестового вопроса и ключа¹.

1)	«Деятельность по обращению с отходами регулируется посредством:»: {
2)	«в»: « указы и распоряжения Президента»,
3)	«г»: « федеральные законы и Стокгольмская Конвенция о стойких...»
4)	«а»: « федеральные законы»,
5)	«б»: « Стокгольмская Конвенция о стойких органических загрязнит...»
6)	},
7)	
8)	«Деятельность по обращению с отходами регулируется посредством:»:
9)	{ "в": 0, "г": 1, "а": 0, "б": 0 }.

Испытуемым, не знакомым с текстом лекции, предлагалось решить предложенный тест (приведенный к нормальному текстовому виду), не обращаясь к тексту и опираясь только лишь на граф. В верификации графа приняло участие 19 студентов четвертого курса гуманитарного факультета Пермского национального исследовательского политехнического университета (ПНИПУ) (при отборе испытуемых было крайне важно, чтобы они не обладали глубокими знаниями в области утилизации и переработки ТБО). В целом тест был решен успешно. Наибольшую сложность вызвал вопрос, ответ на который не следовал явно из денотатного графа. На рис. 3 представлен график, показывающий отклонение ответов от правильного варианта.

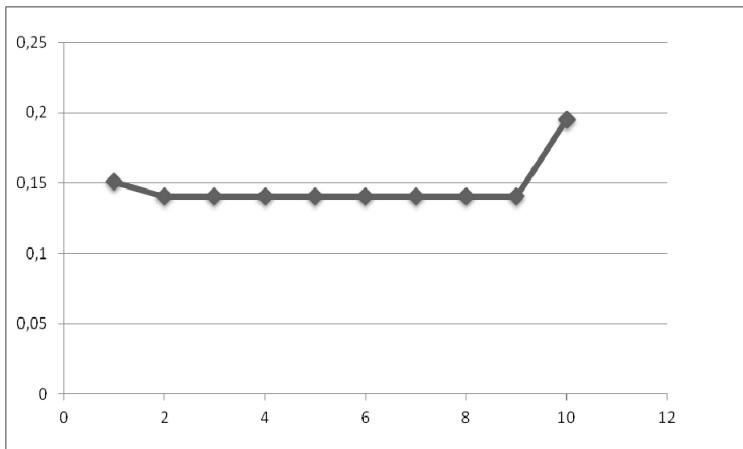

Рис. 3.
Отклонение ответов от правильного варианта

¹ Порядок вариантов не имеет значения. – Прим. авт.

При решении теста может возникать несколько ситуаций:

- испытуемый дает правильный ответ на вопрос, так как графовое представление дает ему нужные сведения;
- испытуемый дает неправильный ответ на вопрос, так как в графе имеется ошибка;
- испытуемый дает случайный ответ на вопрос, так как в графе не содержится нужной информации.

Таким образом, при проверке корректности ответов испытуемых значение имело не столько то, насколько правильно они отвечают, а то насколько «однообразно». Разброс в ответах испытуемых означает, что денотативная модель предметной области нуждается в доработке.

Оценку разброса можно выполнить статистическими методами, в нашем случае использовался метод подсчета среднего значения абсолютных отклонений данных от их среднего арифметического:

$$x_a = \frac{1}{n} \sum |x - \bar{x}|,$$

где x – результат ответа на вопрос [1...4], \bar{x} – среднее арифметическое значение ответа всех испытуемых, n – число испытуемых, а x_a – среднее отклонение.

В результате, если все испытуемые дали один и тот же ответ, x_a будет равно $1/n$, при наличии небольшого количества неправильных ответов x_a будет немного больше $1/n$, при большом разбросе – сильно больше $1/n$, что и видно в последнем случае (см. рис. 3).

В ходе решения теста была выявлена некорректность при составлении графа в следующих денотатных парах, представленных в таблице 1.

Таблица 1
Непонятные для испытуемых денотатные пары

Денотат	Отношение	Денотат
твёрдые бытовые отходы	Оказывать	Влияние
Влияние	может быть	Ловушка

Как выяснилось, испытуемым было непонятно, что стоит за денотатом «ловушка». В связи с этим мы эксплицировали данный денотат следующим образом (табл. 2).

Таблица 2

Дополнение к предметной области

Денотат	Отношение	Денотат
Ловушка	Являться	Опасность
Опасность	Для	Животных

Следующим шагом нашего исследования было представление содержания лекции в виде денотатных пар (табл. 3): «денотат – отношение – денотат» и их ввод в систему для ее обучения.

Таблица 3

Описание предметной области в форме денотатных пар

Денотат	Отношение	Денотат
твердые бытовые отходы	зависеть	фактор
твердые бытовые отходы	оказывать	влияние
фактор	может быть	благосостояние
фактор	может быть	климат
фактор	может быть	система сбора
влияние	может быть	парниковый эффект
влияние	может быть	инфекция

После этого система [Denotat Test Solver, 2017] должна была решить аналогичный тест, предложенный испытуемым. Выяснилось, что она не может правильно ответить на два вопроса, одним из которых является вопрос о том, что не относится к твердым бытовым отходам. Из четырех вариантов ответа (*железо, нефть, пищевые отходы, упаковочные материалы*) система выбирала наугад либо *железо*, либо *нефть*. Это происходило вследствие того, что в графе отсутствует денотат «*железо*», представлен только денотат «*металл*». Человек, имея фоновые знания, понимает, что *железо* относится к *металлам* и, следовательно, является твердым бытовым отходом. Однако система не знает этого, что и приводит к ошибке.

Ниже (рис. 4) приведен график, показывающий отклонение ответов испытуемых и системы от правильного варианта.

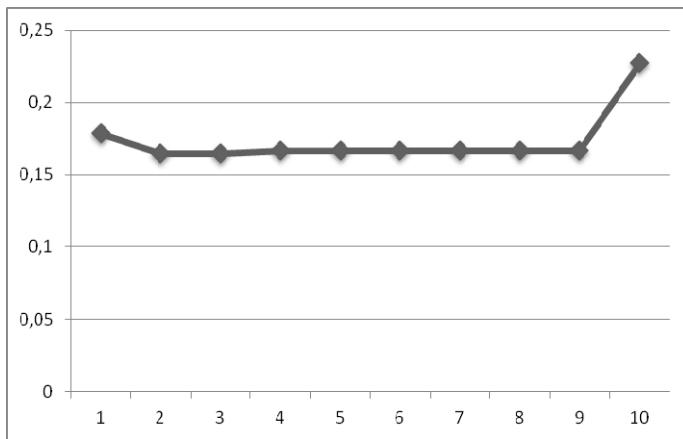

Рис. 4.
**Отклонение ответов испытуемых
и системы от правильного варианта**

Из рисунков 3 и 4 видно, что система делает ошибки, аналогичные тем, которые делают люди-испытуемые, хотя и с большей вероятностью.

Таким образом, проведенное исследование показало, что метод денотативного анализа текста, предложенный А.И. Новиковым, имеет большое прикладное значение в процессе формализации текста, необходимой для решения робототехнических задач. Был построен денотатный граф на материале лекции по твердым бытовым отходам и способам их утилизации, а также проведена его верификация, в результате которой выяснилось, что для обучения системы необходимо предоставлять ей полную информацию о предметной области. В дальнейшем представляется перспективным продолжить данное исследование и создать универсальный метод описания предметной области, благодаря которому система могла бы в процессе самообучения запоминать сведения о произвольной предметной области.

Список литературы

Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. – М., 1983. – 216 с.
Новиков А.И., Нестерова Н.М. Реферативный перевод научно-технических текстов. – М., 1991. – 148 с.

Твердые бытовые отходы, их утилизация // Studmed.ru. – Режим доступа: <http://www.studmed.ru/docs/document6176?view=1> (Дата обращения: 03.11.2017.)

Denotat Test Solver / Решатель тестов на базе денотатной структуры // GitHub. – Режим доступа: https://github.com/daniel-kurushin/test_solver (Дата обращения: 27.11.2017.)

Graphviz – Graph Visualization Software. – Режим доступа: <http://graphviz.org/> (Дата обращения: 03.11.17.)

Slovari.ru. – Режим доступа: <http://www.slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068&disvis&wi=3133> (Дата обращения: 23.11.2017.)

Д.С. Курушин, Е.Р. Леонов, О.В. Соболева

**О ВОЗМОЖНОМ ПОДХОДЕ
К АВТОМАТИЧЕСКОМУ ПОСТРОЕНИЮ
ДЕНОТАТНОГО ГРАФА ГИПЕРТЕКСТА**

Аннотация. В статье рассматривается возможность автоматического построения денотатного графа для гипертекста. В качестве гипертекста рассматривается информационный ресурс «Википедия», хотя предлагаемый метод может быть адаптирован и для других гипертекстовых ресурсов. Для выделения имен денотатов из текста предлагается использовать статистические методы выделения коллекций. Результат может быть использован как содержательная модель гипертекста при разработке вопросно-ответных систем, при составлении полнотекстовых индексов в информационно-поисковых системах, для обучения систем порождения текста на естественном языке.

Ключевые слова: денотат; денотатный граф; формализация; верификация; автоматическая обработка гипертекста.

D.S. Kurushin, E.R. Leonov, O.V. Soboleva
**On a possible approach to the automatic generation
of denotative graph of a hypertext**

Abstract. The article discusses the possibility of automatically generating a denotative graph of hypertext. The authors use the information resource *Wikipedia* as a hypertext but they note that the proposed method can be adapted to other hypertext resources. Paper proposes to use statistical methods for extracting the names of denotata from the text. The result can be used as a domain model of a hypertext in the development of question-answer systems, in the full-text indexing, in information retrieval systems, in natural-language processing applications.

Keywords: denotation; denotative graph; formalization; verification; automatic processing of hypertext.

В XXI в. исследования в области интеллектуальных систем привлекают большой интерес и рассматриваются как основа для создания «цифровой экономики» будущего. Одной из важных задач искусственного интеллекта (ИИ) является обучение интеллектуального агента, создание в его «памяти» представления о реальном мире. Обычно для этого используются «программистские» подходы, основанные на привлечении специалистов-постановщиков, которые, используя методы объектно-ориентированного проектирования, создают модели, позволяющие интеллектуальной системе взаимодействовать с реальностью. Полнота и адекватность таких моделей зависит от квалификации специалистов.

Цель данного исследования заключается в попытке представить модель автоматического построения денотатного графа гипертекста, который мог бы, в свою очередь, стать моделью предметной области интеллектуальной системы. Под денотатом А.И. Новиков понимает «отраженные в мышлении и выраженные в тексте соответствующими языковыми средствами объекты и явления реальной действительности» [Новиков, 1983]. Мы также будем придерживаться этого определения.

Под гипертекстом мы будем понимать способ организации текстовой информации, внутри которой установлены смысловые связи (гиперсвязи) между ее различными фрагментами, особый тип текста, который противопоставлен по многим своим свойствам обычному тексту. С позиции компьютерной лингвистики гипертекст – это программа управления текстами, позволяющая объединить фрагменты отображаемых на экране сообщений с использованием ассоциативных связей.

Электронный гипертекст, ведущими признаками которого являются

гранулярность, интерактивность, нелинейность, дистантность, креолизованность, стал объектом научного исследования компьютерной лингвистики в конце XX в. [Галушко, 2009]. Такие ресурсы, как Wikipedia, являются гипертекстовыми документами как по используемым технологиям, так и по способу наполнения. Несмотря на ряд критических статей, данный источник тем не менее может использоваться как справочный ресурс для наполнения баз знаний интеллектуальных систем, особенно в целях верификации механизмов выделения информации, ввиду своей доступности и широты терминологической базы. Практическое применение

полученных данных, в любом случае, возможно только после их верификации экспертом.

Несмотря на то что предложенный А.И. Новиковым метод выделения содержательной формы текста описан достаточно подробно [Новиков, 1991], до сих пор не существует приемлемого способа автоматического выделения содержательной формы текста [Чапайкина, 2012]. Часто для построения денотатных графов (и подобных им структур) применяют метод, основанный на грамматическом разборе предложений текста, что приводит к получению очень подробных моделей, практически дословно воспроизводящих исходный текст. К недостаткам такого подхода относится относительно невысокое качество грамматических моделей естественных языков.

В этой статье предлагается принципиально иной подход, не использующий грамматический уровень лингвистической модели вообще. Принято считать, что коллокации, т. е. статистически устойчивые словосочетания текста [Захаров, Хохлова, 2010] могут быть использованы для представления содержания текста, например, при квазиреферировании. Поскольку денотатный граф также может рассматриваться как своеобразная форма рефера [Новиков, 1991], мы считаем возможным применить статистический метод выделения коллокаций для построения содержательной модели гипертекста.

Предлагается следующий алгоритм.

1. Вход в гипертекстовую систему по интересующему понятию (D_0).

2. Получение текста описания этого понятия (T_0).

3. Выделение из текста выделяется множества (M_0) коллокаций (K_i).

4. Если для коллокации K_i существует соответствующее ей текстовое описание T_i , то строится денотатная пара P_0^i , представляющая связь $D_0 \rightarrow R_0^i \rightarrow D_i$, где R_0^i – отношение между денотатами D_0 и D_i , имеющее смысл «связан с».

5. Процесс повторяется рекурсивно до тех пор, пока не будет достигнуто одно из двух состояний: а) новые денотатные пары не образуются (анализ «зациклился») или б) достигнут предельный (задаваемый извне) уровень глубины рекурсии.

6. Денотатные пары P_i^j , объединяются в граф по принципу:

... $D_i \rightarrow R_i^j \rightarrow D_j \rightarrow R_j^k \rightarrow D_k \dots$

7. Если определение коллокации отсутствует в гипертексте, то связь не строится.

Данный метод может быть реализован только на гипертекстах, реализующих технологическую возможность полнотекстового запроса вида: <http://servername/термин>, к каковым относятся гипертексты, основанные на технологической платформе MediaWiki и ее аналогах.

Описанный выше алгоритм реализован на алгоритмическом языке программирования (АЯП) Python 3 и может быть представлен псевдокодом, приведенном на листинге 1. Метод поиска связей принимает два параметра: термин, приведенный к нормальной форме D_0 и текущий уровень рекурсии n .

Если n меньше константы *MAX_RECURSION_LEVEL*, то выполняется загрузка текста определения (строка 3), получение списка коллокаций (строка 4) и начинается рекурсивный поиск.

Листинг 1. Псевдокод рекурсивного выделения связей в гипертексте

```
1) def get_graph (D0, n = 0):  
2)     if n < MAX_RECURSION_LEVEL:  
3)         T0 = get_definition (D0)  
4)         M0 = get_collocations (T0)  
5)         for Ki in M0:  
6)             try:  
7)                 Di = tokenize (Ki)  
8)                 Pi = pair (D0, Di)  
9)                 tree.update (Pi)  
10)                get_graph (Di, n + 1)  
11)            except KeyExists:  
12)                continue  
13)         else:  
14)             return
```

Для каждой K_i в M_0 выполняется вычисление имени денотата (7), создание пары P_i (8), обновление дерева (9) и рекурсивный вызов. Стока 9 может возбуждать исключение KeyExists при наличии пары P_i в графе, в этом случае рекурсивный поиск не выполняется и программа переходит к следующей коллокации (12). Алгоритм работает над переменной tree, расположенной в общей памяти.

Подпрограмма «get_definition ()» реализована таким образом, что, получив имя денотата для поиска, она сначала ищет определение в локальной базе данных и при его отсутствии посыпает запрос в сеть. Результат запроса очищается от технических символов форматирования, свойственных MediaWiki, и прочего шума при

помощи библиотеки BeautifulSoup [Beautiful Soup Documentation, 2017]. Результат сохраняется в локальной базе для последующего использования.

Подпрограмма «get_collocations ()» использует алгоритм ruterrextract [ruterrextract, 2017] и формальные грамматики для выделения и фильтрации коллокаций. Для рекурсивного поиска используются коллокации, частотность которых превышает заданный порог. Некоторые из построенных таким образом связей приведены на листинге 2.

Для визуализации графа в древовидной форме применяется инструмент GraphViz [Graphviz, 2017]. Фрагмент графа, построенного для гипертекста «информационные технологии», показан на рис. 1.

Листинг 2. Выделенные имена денотатов (фрагмент)

1)	«будущее» -> «с-образный кривая»
2)	«будущее» -> «будущий событие»
3)	«будущее» -> «вселенная»
4)	«будущее» -> «развитие»
5)	«будущее» -> «связь»
6)	«будущее» -> «человек»
7)	«внешний политика» -> «внешний отношение»
8)	«внешний политика» -> «иностранный дело»
9)	«внешний политика» -> «министерство»

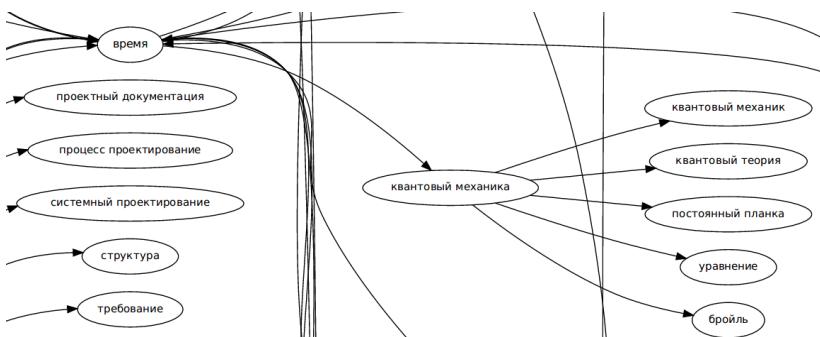

Рис. 1.
Фрагмент графа [Signify, 2017]

Полная версия полученного графа доступна онлайн, как и исходные коды реализации алгоритма. Всего граф содержит 603 денотатные пары. Так как все межденотатные отношения в данном графе носят характер «связан... с», это вербально не обозначено (только стрелкой).

Полученный денотатный граф можно использовать для генерации текстов на естественном языке, например на основе статистической модели, генерируемой на базе текстов определений.

Необходимо отметить ряд проблем, выявленных в ходе исследования полученной модели: 1) не всегда корректно работает вычисление имен денотатов (используется библиотека *tystem*), что приводит к появлению двух различных денотатов, например, «квантовый механика» и «квантовый механик»; 2) извлекается только одно отношение «связан с ...», что ограничивает применимость полученного графа.

Дальнейшие исследования могут быть направлены, соответственно, на расширение номенклатуры извлекаемых отношений и на уточнение способа преобразования коллокаций в имя денотата. Например, вместо лемматизированного имени можно хранить хэш-функцию определения, что позволит избегать появления связей «квантовый механика → квантовый механик», но потребует усложнения алгоритма.

Список литературы

Захаров В.П., Хохлова М.В. Анализ эффективности статистических методов выявления коллокаций в текстах на русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог». – СПб., 2010. – № 16. – С. 137–143.

Галушки Т.Г. Текст, контекст и гипертекст в свете некоторых идей постструктурализма. – Режим доступа: <http://www.pseudology.org/webmaster/Lingvistika.htm> (Дата обращения – 03.11.09).

Новиков А.И., Нестерова Н.М. Реферативный перевод научно-технических текстов. – М., 1991. – 148 с.

Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. – М., 1983. – 216 с.

Чапайкина Н.Е. Семантический анализ текстов: Основные положения // Молодой ученый. – Чита, 2012. – № 5. – С. 112–115. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/40/4857/> (Дата обращения – 29.12.2017.)

Beautiful Soup Documentation. – Mode of access: <https://www.crummy.com/software/BeautifulSoup/bs4/doc/> (Дата обращения: 21.12.2017.)

Graphviz – Graph Visualization Software. – Mode of access: <https://www.graphviz.org/> (Дата обращения: 22.12.2017.)

rutermextract 0.3 // Python Package Index. – Mode of access: <https://pypi.python.org/pypi/rutermextract> (Дата обращения: 16.12.2017.)

Signify/auto_graph.dot at master · daniel-kurushin/Signify. – Mode of access: https://github.com/daniel-kurushin/Signify/blob/master/auto_graph.dot (Дата обращения: 22.12.2017.)

Е.В. Ерискина, А.Е. Коваль, Д.С. Курушин, О.А. Менжаваева

ПРИМЕНЕНИЕ ДЕНОТАТИВНОЙ МОДЕЛИ ДЛЯ АВТОМАТИЧЕСКОЙ ГЕНЕРАЦИИ ТЕСТОВЫХ ЗАДАНИЙ

Аннотация. В статье рассматривается возможность автоматизации тестовых мероприятий в процессе обучения студентов вуза. Предполагается, что существует возможность создания модели предметной области для каждого предмета. Модель предметной области предлагается реализовать в виде денотатного графа. Исследуется возможность измерения уровня понимания предмета путем построения модели данных. Одна модель данных строится реально по тезаурусу предметной области. Другая модель данных строится в сознании студента как проекция изучаемого учебного материала. Показан способ выявления степени адекватности тестовых заданий данному материалу.

Ключевые слова: понимание; денотат; денотатный граф; модель данных; тестовые задания; автоматизация процесса обучения.

E.V. Eriskina, A.E. Koval', D.S. Kurushin, O.A. Menzhaeva
The use of a denotative model for automatic generating test tasks

Abstract. The article discusses the possibility of the knowledge testing automation in the learning process. It is assumed that there is a possibility of creating a domain model for each academic subject. The domain model is proposed to be implemented in the form of denotative graph. The possibility of measuring the level of «understanding» of the subject by constructing the data model is studied. A method of detecting the degree of adequacy of the test tasks and methodical materials is shown.

Keywords: understanding; denotate; denotative graph; knowledge model; automation of the learning process.

Стремительная автоматизация процессов во всех областях деятельности человека создает тенденцию к автоматизации в сфере

образования. В частности, это применимо к контрольным мероприятиям и адекватности требований преподавателей к знаниям студентов.

Главным требованием, предъявляемым преподавателем к знанию студента, можно считать понимание изучаемого предмета. Согласно А.И. Новикову, «понимание – это сложный мыслительный процесс, проходящий ряд этапов, в результате чего происходит активное преобразование словесной формы текста, представляющее собой многократное перекодирование» [Новиков, 1983]. Таким образом, проверяя знания студента, например, с помощью теста, получаем «величину понимания» определенной области знаний.

Для того, чтобы представить понимаемую область знаний визуально, используем денотатную модель предметной области. Она представляет собой ориентированный денотатный граф, в котором вес каждой связи равен числу, отражающему возможность возникновения сочетания денотатов в предметной области. С помощью такого графа происходит перекодирование линейного текста в иерархическую структуру, представленную цепочками «денотат – отношение – денотат» [Новиков, 1991]. Графическая структура денотатного графа представлена на рисунке 1.

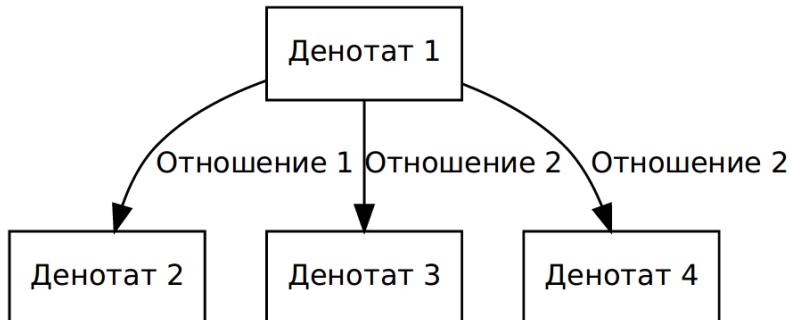

Рис. 1.
Графическое представление денотатного графа

Таким образом, для того чтобы результаты контроля оценки знаний, например теста, можно было считать корректными, необходимо добиться идентичности модели данных, построенной на

основе методических материалов по предмету, и воображаемой модели данных в сознании тестируемого.

Для того чтобы проверить эту гипотезу, создадим модель данных по теме «Твердые бытовые отходы и их утилизация» [Studmed, 2017]. Фрагмент полученного денотатного графа представлен на рисунке 2.

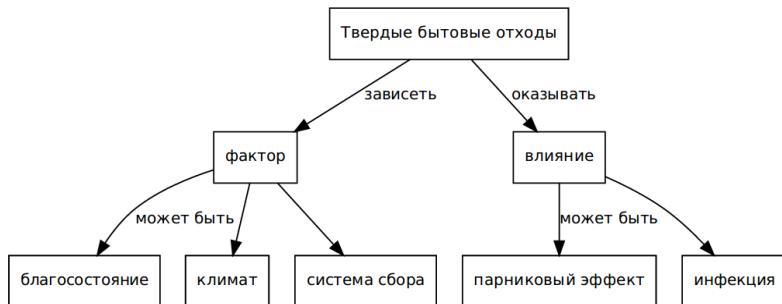

Рис. 2.
Фрагмент денотатного графа

Теперь, с помощью получившейся денотатной структуры и на ее основе составим тест и попытаемся программно его решить с помощью поиска коллокаций (статистически устойчивые словосочетания, [Захаров, Хохлова, 2010]) и связок между ними. Суть алгоритма поиска коллокаций состоит в следующем. Входными данными является текст на естественном языке; при помощи алгоритма ruterextract осуществляется извлечение коллокаций. Далее при помощи библиотеки nltk осуществляется токенизацию (выделение отдельных слов текста по некоторому набору правил, описываемых формальной грамматикой, приведение их к начальной форме) текста на отдельные слова. Поскольку результат выполнения ruterextract [ruterextract, 2017] не является для нас достаточно корректным (ключевые слова выводятся в случайном порядке), нам необходимо привести его к удобному для дальнейшего анализа выводу. Для этого мы проверяем принадлежность слова коллокации в том порядке, в котором они находятся в тексте. Если слово принадлежит коллокации, то добавляем его в список и переходим к следующему слову. Если встретившееся слово является глаголом, то мы можем предположить, что оно является связкой

между коллокациями. Сам алгоритм поиска коллокаций и связок между ними представлен на листинге 1.

Листинг 1 – Алгоритм поиска по коллокациям и связкам между ними

```
1) def tokenize (sentences)
2) arr, rez = []
3) words = word_tokenize (sentences)
4) for term in term_extract (sentences):
5)     arr.append (term)
6) for word in words:
7)     tagg = morph_parse (word)
8)     if tagg in {'NOUN', 'ADJF'}:
9)         norm = morph.parse (word). inflect ({'sing', 'nomn'}). word
10)    else:
11)        norm = morph.parse (word). normal_form
12)    for item in arr:
13)        if norm in item and
14)            tagg not in {'PREP', 'CONJ', 'INTJ'}:
15)                rez.append (item)
16)                j += 1
17)            if tagg == 'VERB': rez.append (word)
18) return rez
```

В результате получили 8 из 10 правильных ответов на каждом запуске. Это значит, что в данном случае модель данных по взятой предметной области практически идентична модели данных, построенной компьютером.

В исследовании показано, что метод денотативного анализа текста, предложенный А.И. Новиковым, имеет большое прикладное значение в процессе понимания текста. Удалось построить денотатный граф по заданной предметной области и осуществлена его верификация программным способом. Выяснено, что с помощью правильной постановки задачи и верно описанной предметной области представляется возможным оценить уровень понимания теоретического материала, который был дан на лекции. Дальнейшие исследования в этой области способны привести к автоматизации процесса проведения контрольных мероприятий по дисциплинам в вузе и позволит измерить уровень понимания теоретического материала, что, безусловно, является фундаментальной задачей всего процесса обучения.

Список литературы

Захаров В.П., Хохлова М.В. Анализ эффективности статистических методов выявления коллокаций в текстах на русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог». – СПб., 2010. – № 16. – С. 43–48.

Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. – М., 1983. – 216 с.

Новиков А.И., Нестерова Н.М. Реферативный перевод научно-технических текстов. – М., 1991. – 148 с.

Studmed / Твердые бытовые отходы, их утилизация. – Режим доступа: <http://www.studmed.ru/docs/document6176?view=1> (Дата обращения: 03.11.2017.)
ruterextract 0.3. – Режим доступа: python URL: <https://pypi.python.org/pypi/ruterextract> (Дата обращения: 23.11.2017.)

IV. ИНФОРМАЦИОННАЯ СТРУКТУРА ТЕКСТА И ПЕРЕВОД

Н.А. Герте-Немцева, А.И. Котельникова,
Д.С. Курушин, Н.М. Нестерова

СМЫСЛОВОЕ СВЕРТЫВАНИЕ В СОКРАЩЕННЫХ ВИДАХ ПЕРЕВОДА

Аннотация. В статье рассматривается проблема смыслового свертывания исходного текста при порождении таких вторичных текстов, как реферат и аннотация. Теоретической основой исследования является психолингвистическая теория текста, разработанная А.И. Новиковым, согласно которой единицами содержания являются денотаты, связанные между собой предметными отношениями. Совокупность денотатов и их отношений образует иерархическую систему, которую можно представить в виде денотатного графа. В статье описаны исследования, проведенные в Пермском национальном исследовательском политехническом университете, направленные на изучение механизмов преобразования первичных текстов научно-технического характера во вторичные информационные документы.

Ключевые слова: реферат; аннотация; вторичный текст; перевод; смысловое свертывание; денотатная структура.

N.A. Gerte-Nemtseva, A.I. Kotel'nikova,
D.S. Kurushin, N.M. Nesterova
Semantic compression in partial translation

Abstract. The article deals with the semantic compression of the source text while producing such secondary texts as summary and abstract. The psycholinguistic theory of text described by A.I. Novikov is used as the theoretical basis of the research. According to this theory content units are represented by denotata which are in subject relation. The denotata and their relations altogether form some kind of a hierarchical system, which can be represented as a denotatum graph. The article gives a report on the studies conducted at Perm National Research Polytechnic University which aim at

explaining the general principles of converting original sci-tech texts into secondary information documents.

Keywords: summary; abstract; secondary text; semantic compression; denotatum structure.

...только тот текст
по-настоящему осмыслен, основное
содержание которого можно выразить в
сколь угодно краткой форме.

(А.А. Леонтьев)
[Леонтьев, 1979, с. 29]

Хорошо известно, что в настоящее время стало совершенно нереальным отслеживать лавинообразный поток научной и технической информации, в связи с чем особенно востребованными являются так называемые вторичные тексты, представляющие в сокращенной форме содержание первичных текстов различного жанра (статьй, монографий, материалов конференций и пр.). Это же касается и перевода. Он может быть полным и неполным. Последний, в свою очередь, подразделяется на сокращенный перевод, фрагментарный перевод, аспектный перевод, аннотационный перевод и реферативный перевод. Самыми популярными и востребованными из вторичных информационных текстов являются рефераты общего назначения и так называемые «специализированные» рефераты, предназначенные для определенной группы исследователей.

Несомненно, в современном информационном процессе рефериование имеет огромное значение, являясь и самым действенным способом распространения информации, и в то же время достаточно сложным для референта. Сложность этого процесса заключается в проблеме выделения основной (актуальной для специалистов) информации из первичного текста и создание вторичного текста, в максимальной степени семантически и информационно адекватного тексту исходному. Совершенно очевидно, что в настоящее время, которое представляет собой эру расцвета информационных технологий, одной из самых острых и актуальных задач является разработка и создание автоматизированных систем рефериования, включая и реферативный перевод.

Сегодня можно говорить о двух активно развивающихся направлениях в разработке систем автоматического рефериования. Это так называемые «квазирефериование» и «семантическое ре-

ферирование». Квазиреферирование основано на экстрагировании фрагментов первичных документов с последующим формированием из них квазирефератов. Семантическое реферирование (т.е. краткое изложение исходного материала) – это выделение из текстов с помощью методов искусственного интеллекта и специальных информационных языков наиболее важной информации и порождение новых текстов, содержательно обобщающих первичные документы. Этот метод основан на «понимании» машиной естественного языка и, соответственно, текста.

Совершенно очевидно, что второй метод значительно сложнее реализовать. В свое время А.И. Новиков, рассуждая о возможности формализации процесса понимания, подчеркивал, что успешно решаются те задачи, где преобладает логический компонент, в то время как практически нерешаемыми остаются задачи, в основе которых лежит семантика [Новиков, 1983, с. 170].

В последние годы в Пермском национальном исследовательском политехническом университете ведутся исследования, направленные на создание системы автоматического реферирования с использованием семантического метода, а именно методики денотативного анализа текста, детально разработанной А.И. Новиковым.

Главным полученным достижением данных исследований сегодня можно считать возможность компьютерного генерирования графов с помощью описаний предметных областей. Дальнейшим шагом должно стать «обучение» системы порождать тексты рефератов, которые будут отвечать требованиям адекватности и точности. В настоящее время делается попытка решить эту задачу.

Очевидно, что задача окончательной разработки автоматизированной системы реферирования, основанной на создании денотатного графа, отражающего содержание той или иной предметной области, является более чем сложной. Эти сложности связаны с тем, что представление содержания в виде графа накладывает определенные ограничения на выбор языковых единиц для обозначения имен денотатов и их отношений. Так, для имен денотатов используются только номинативные элементы языка, при этом выбираются те, которые являются инвариантными для обозначения объектов. Для обозначения межпредметных отношений используются глагольные конструкции, количество которых невелико.

Отметим, что эта задача является задачей искусственного интеллекта, поскольку одновременно связана с моделированием понимания, применением программной системы, учетом факторов

неопределенности, отсутствием явных критериев оптимизации и т.д. На сегодняшний день в ходе тестирования разрабатываемой системы машиной было автоматически построено более 100 графов на основании формализованного представления различных предметных областей. Сразу же следует отметить, что полученные автоматизированным путем денотатные графы значительно отличаются от графов, построенных человеком. В автоматически созданных денотатных графах присутствуют отношения, которые могут отсутствовать в графах, разработанных «вручную», что свидетельствует о «неспособности» машины исключать нерелевантные для порождения текстов связи.

Таким образом, можно сказать, что, несомненно, решение задачи формализации процесса понимания, о чем мечтал и писал А.И. Новиков, еще не завершено, но работа ведется, о чем и свидетельствуют результаты, представленные в статьях, опубликованных как в этом сборнике (см. статьи: Д.С. Курушин, Е.Р. Леонов, О.В. Соболева; Е.К. Ерискина, А.Е. Коваль, Д.С. Курушин, О.А. Менжава; Д.С. Курушин, О.В. Соболева, Д.С. Вяткин) так и ранее [Герте, 2014; Герте, 2015; Герте, 2016; Курушин, Нестерова, Овчинникова, 2014; Кетова, 2013, 2014 и др.].

Однако параллельно с работой по созданию автоматизированной системы нашей группой проводились экспериментальные исследования реферативного и аннотационного видов перевода также с опорой на эксплицитное представление содержания исходного текста в виде денотатного графа. Цель этих работ – изучение механизмов смыслового свертывания при порождении вторичного текста.

Как известно, процесс создания вторичного текста представляет собой последовательность мыслительных операций, главным этапом которого является наличие промежуточного звена как результата понимания исходного текста. Согласно модели порождения вторичного текста А.И. Новикова, таким промежуточным звеном является денотатная структура (ДС), которая и выступает как замысел вторичного текста. Использование ДС позволяет предложить, с одной стороны, модель порождения вторичных текстов, что и было сделано в работе А.И. Новикова и Н.Л. Сунцовой [Новиков, Сунцова, 1999]. С другой стороны, ДС может использоваться как критерий семантической адекватности первичного и вторичного текстов. Впервые такого типа исследование было

проведено нами совместно с А.И. Новиковым [Новиков, Нестерова, 1991].

В наших первых работах объектом исследования являлись только тексты рефератов «общего назначения». В настоящее время работа продолжена на материале специализированных рефератов, а также на материале других неполных видов перевода, в частности, аннотационного. Ниже кратко представлены основные результаты двух проведенных исследований.

Рассмотрим сначала реферативный перевод. Главное в этом процессе (как и в других видах перевода) – понимание. Именно понимание связывает между собой два процесса, которые составляют специфику реферативного перевода: межъязыковое преобразование и реферируемое, т.е. свертывание информации. В совместной работе с А.И. Новиковым «Реферативный перевод научно-технических текстов» на основе проведенного экспериментального исследования был сделан вывод, что «реферативный перевод представляет собой особый вид речемыслительной деятельности, в которой ни перевод, ни реферируемое не существуют отдельно» [Новиков, Нестерова, 1991. с. 11], при этом главным механизмом в этом виде речемыслительной деятельности является **смыслоное свертывание**.

Очевидно, что любое смысловое свертывание предполагает наличие некоторого инварианта. Согласно теории текста А.И. Новикова, таким инвариантом является денотатная структура. Он подчеркивал, что содержание текста не сводится к его композиционному плану, а определяется логикой предметных отношений. В частности, он писал, что «содержательная сторона языковых единиц может быть определена в процессе их функционирования, в речи, где происходит перестройка их предметной соотнесенности, результатом чего является определение соответствующих денотатов. <...> денотат понимается как динамическая единица речи, возникающая в мышлении, за которой стоит предметная действительность. Денотат не задан заранее как лексическое значение слова, поэтому каждый раз он должен быть найден в процессе декодирования языкового выражения» [Новиков, 1983, с. 106–107]. Из сказанного следует, что понимание текста – это процесс нахождения денотатов, выявления их отношений и главное – их структурирование согласно моделируемой предметной ситуации.

Наши исследования были проведены на материале текстов, относящихся к двум предметным областям: «технологии в нефтя-

ной промышленности» и «авиадвигатели». Так, в работе с текстами первой группы ставилась цель показать процесс свертывания информации при создании специализированного реферата, предназначенного для определенной целевой аудитории. На основе выявленных «запросов» специалистов один и тот же текст был использован как первичный (исходный) для создания рефератов, ориентированных на различные группы специалистов.

Исходя из понимания реферативного перевода как перехода $T_1 - DC - T_2$ (первичный текст – денотатная структура – вторичный текст), для каждого первичного текста был создан так называемый «эталонный граф», отражающий общую информацию и основные, базисные отношения между денотатами в первичном документе. На его основе был составлен текст реферата «общего назначения». Затем данный «эталонный» граф и реферат легли в основу специализированных графов и соответствующих им вторичных текстов.

На рис. 1 представлен граф текста статьи «Smart Fields – Making the Most of our Assets» («Умные месторождения – путь к максимальной рентабельности разработки запасов») [De Best, Van den Berg, 2006]. Данная статья раскрывает концепцию «умных» месторождений для увеличения рентабельности, дебита и производительности скважины.

Рис. 1.

Денотатный граф, построенный на основании статьи
«Smart Fields – Making the Most of our Assets»

Текст реферата:

Концепция «умных» месторождений применяется с целью увеличения добычи самыми рентабельными путями, ускорения ввода объектов в эксплуатацию и повышения извлекаемости запасов, а также последующего мониторинга и оценки месторождения.

Концепция обеспечивает наличие трех главных составляющих, необходимых для эффективной эксплуатации любого оборудования. Это надежные рабочие данные, устройство для превращения данных в информацию об объекте и его эксплуатации, а также высококвалифицированные специалисты.

Наблюдается положительная оценка влияния концепции на бизнес компании в различных сферах.

На «умных» скважинах используются средства беспроводной связи, современные программы по моделированию, удаленные датчики, а также устройства контроля и телеметрии.

Для реализации концепции были изучены и созданы новые модели сотрудничества с промышленными партнерами и исследовательскими институтами для развития необходимых технологий.

Этот же исходный текст был использован для создания специализированных рефератов, ориентированных на соответствующие группы специалистов, работающих в разных сферах нефтегазовой отрасли (РНГМ – разработка нефтяных и газовых месторождений, ГНГ – геология нефти и газа, ФП – физика пласта, МОН – машины и оборудование, НГП – нефте- и газопроводы, БНГС – бурение нефтяных и газовых месторождений).

Отбор информации для таких рефератов осуществлялся на основе не текста, а графа. Именно из него выбирались фрагменты для последующего написания реферата. Мысль о возможности реферативного перевода оригинального документа и создании различных по содержанию рефератов на основе одного текста базируется на утверждении А.И. Новикова о том, что не существует «непосредственной соотнесенности содержания текста и его словесной формы выражения» [Новиков, 1983 а, с. 47]. Вариативность текстов рефератов достигается путем постановки конкретной цели перевода, в нашем случае – это целевая аудитория, которой мы адресуем реферативный текст. К. Маккьюин заметил, что цель организует информацию и что «из одного и того же фрагмента базы знаний можно получить разные тексты в зависимости от используемой коммуникативной стратегии» [Маккьюин, 1989, с. 320].

Ниже приводятся графы (рис. 2 и 3) для специализированных рефератов и соответствующие им тексты.

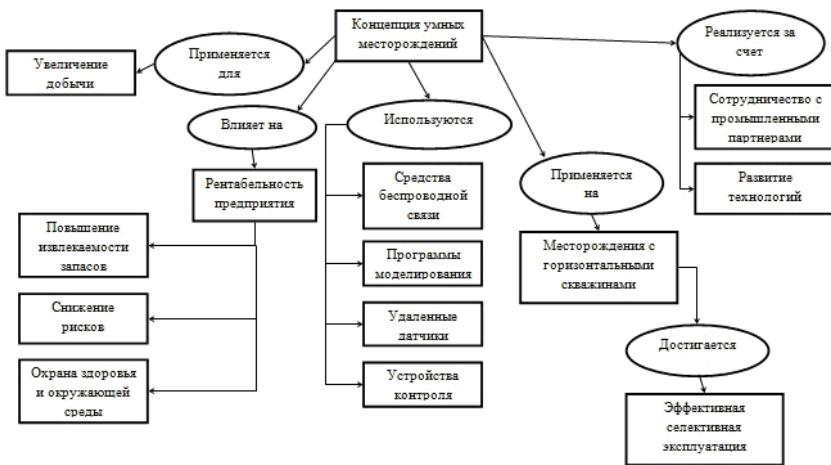

Рис. 2.
Денотатный граф (РГНМ)

Текст реферата (РГНМ):

Концепция «умных» месторождений применяется с целью увеличения добычи самыми рентабельными путями.

Положительная оценка влияния концепции на бизнес компании связана с повышением конечной извлекаемости, добычи, снижением рисков разработки, техникой безопасности, охраной здоровья и защитой окружающей среды.

На умных скважинах используют средства беспроводной связи, современные программы по моделированию, удаленные датчики, а также устройства контроля и телеметрии.

Для реализации концепции были изучены и созданы новые модели сотрудничества с промышленными партнерами и исследовательскими институтами для развития необходимых технологий. Так, концепции умных скважин доказали себя в качестве решения при разработке некоторых месторождений, план которых включал горизонтальные скважины, с целью селективной эксплуатации для обеспечения максимального притока и отдачи пласта.

Основное внимание в данном реферате уделено таким положениям, как извлекаемость, добыча нефти, приток и отдача пласта. Это ключевые понятия в области разработки месторождений. Также приводится информация о возможностях применения данной концепции для разработки месторождений с горизонтальными скважинами.

Следующий специализированный реферат был написан для специалистов-геологов (ГНГ), для чего был также использован денотатный граф (рис. 3).

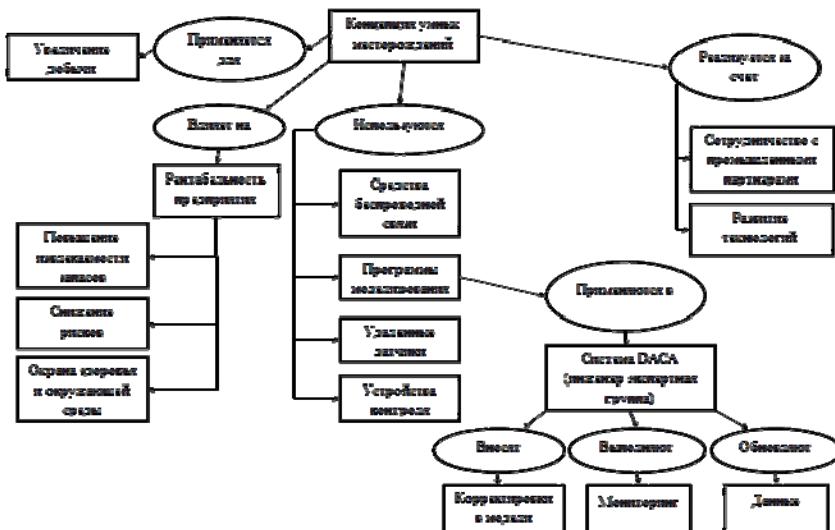

Рис 3.
Денотатный граф (ГНГ)

Текст реферата (ГНГ):

Концепция «умных» месторождений применяется с целью увеличения добычи самыми рентабельными путями.

Наблюдается положительное влияние концепции на бизнес компании за счет повышения добычи, продления срока эксплуатации месторождения и сокращения ремонтных работ.

На умных скважинах используются средства беспроводной связи, современные программы по моделированию, удаленные датчики, а также устройства контроля и телеметрии. Программный пакет обновляет данные, выполняет непрерывный мониторинг и корректирует реальное время.

ниторинг добычи и вносит корректировки в работу систем, изменяя геологические модели и модели добычи.

Данные из скважины поступают во внутреннюю систему *DACA*, которые направляются инженеру или в экспертные группы, в которые входят специалисты, применяющие программные средства визуализации и моделирования и анализирующие данные.

Для реализации концепции были изучены и созданы новые модели сотрудничества с промышленными партнерами и исследовательскими институтами для развития необходимых технологий.

В данном специализированном реферате ключевыми моментами считаются положения, связанные с проведением моделирования, мониторинга месторождения и его оценки для изменения моделей добычи. В нем присутствует информация о специальном программном пакете, который используют специалисты с помощью средств визуализации и моделирования. Как видно из приведенных графов и текстов рефератов, каждый раз информация выбиралась исходя из ориентации на определенную группу специалистов¹. При этом отбор происходил не на вербальном уровне, а на предметном. Другими словами, это не случайный выбор, а моделирование соответствующей предметной ситуации, т.е. то самое понимание, необходимое для смыслового свертывания, поскольку, как отмечал А.И. Новиков, «при неполном понимании процесс свертывания может иметь случайный (стохастический) характер» [Новиков, 2007, с. 28].

Продолжением исследования стало изучение смыслового свертывания в различных видах неполного перевода. Для этого были использованы тексты, относящиеся к предметной области «авиадвигатели». Мы предположили, что денотативный анализ текста и его результат – денотатный граф – позволяет адекватно осуществлять смысловое свертывание разного уровня и в разном направлении. А.И. Новиков в своей последней работе выделял два основных признака текста: информативность и компрессионность. Оба эти свойства представляются значимыми при преобразовании полного текста в сокращенный. Особо важным для порождения вторичных текстов является компрессионность, которую ученый определял как «возможность свертывания текста без существенного ущерба для понимания». Он подчеркивал, что «текст может быть свернут с различной степенью компрессии, причем, независимо от

¹ Составление денотатных графов и написание рефератов выполнялось при участии соответствующих специалистов. – *Прим. авт.*

этой степени, он может быть развернут обратно в полный текст, при определенных условиях, достаточно близкий к исходному. Компрессивность базируется на понимании, являющемся условием адекватного свертывания» [Новиков, 2007, с. 28].

Итак, исходя из понимания компрессионности как онтологического свойства текста, мы рассмотрели свертывание информации при составлении двух различных видов вторичных текстов – реферата (как общего, так и специализированного) и аннотации. На первом этапе данного исследования также был построен «эталонный» граф, в котором была отражена денотатная структура исходного текста (рис. 4). В качестве исходного был использован текст «Systems of Commercial Turbofan Engines. An Introduction to Systems Functions» (Системы турбореактивных двигателей для коммерческой авиации) А. Линке-Дизингера [Linke-Diesinger, 2008].

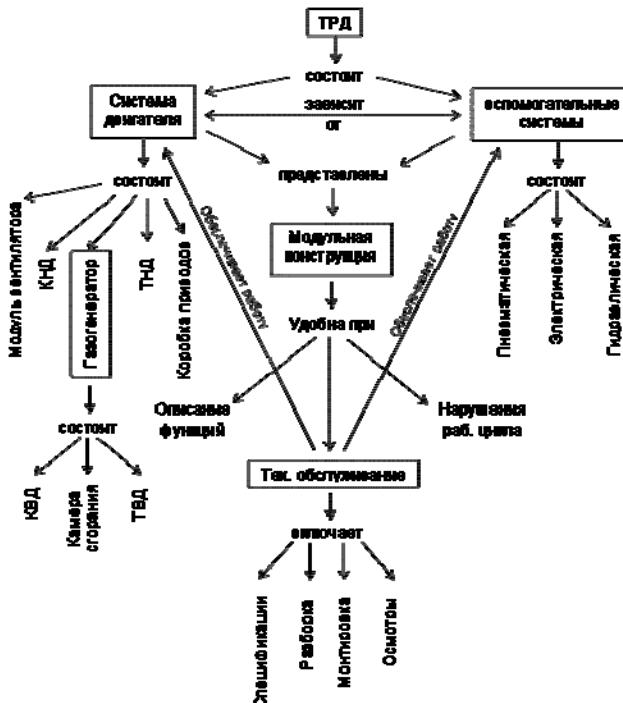

Рис. 4.
Денотатный граф для статьи
«Systems of Commercial Turbofan Engines»

На основании вышеприведенного графа был написан информативный реферат, представляющий наиболее полное изложение содержания исходного текста.

Текст реферата:

Описаны основные характеристики турбореактивного (двуухконтурного) двигателя (ТРД). ТРД состоит из системы непосредственно двигателя и вспомогательных систем (обвязки). При конструировании современных моделей используется модульный принцип. Типовой двигатель состоит из следующих модулей: модуль вентилятора, компрессор низкого давления (КНД), газогенератор, турбина низкого давления, коробка приводов агрегатов. Газогенератор является «сердцем» двигателя и включает в себя: компрессор высокого давления, камеру сгорания и турбину высокого давления. Модульная конструкция удобна в техническом обслуживании, при описании функций, выявлении и устранении неполадок в рабочем цикле.

Двигатель не может корректно выполнять все необходимые функции без вспомогательных систем: пневматической, электрической и гидравлической и др.

Все системы должны быть спроектированы в соответствии с выдвигаемыми требованиями безопасности, эксплуатации и технического обслуживания. Риски снижаются путем автоматизации систем, введения датчиков и надежного программного обеспечения. Анализ данных зондирования позволяет осуществлять контроль, диагностику, и прогнозирование неполадок. Хранение полученных данных осуществляется в целях дальнейшего технического обслуживания.

Анализ текста реферата и его сопоставление с графиком свидетельствуют, что практически все компоненты графа нашли отражение в тексте реферата. Это означает, что реферат семантически адекватен исходному тексту, т.е. он сохраняет денотатную структуру реферируемого источника, а свертывание происходит за счет речевой компрессии / речевого сжатия. Для этого используются наиболее семантически емкие лексические единицы, способные замещать значительные фрагменты графа, которые в свернутом виде содержат в себе микроситуации, выступающие в тексте в роли подтем и субподтем.

Следующий этапом было аннотирование того же исходного текста. Исходя из определения аннотации как вторичного доку-

мента и используя тот же эталонный граф (рис. 5), мы выделили информацию, необходимую для этого типа текста.

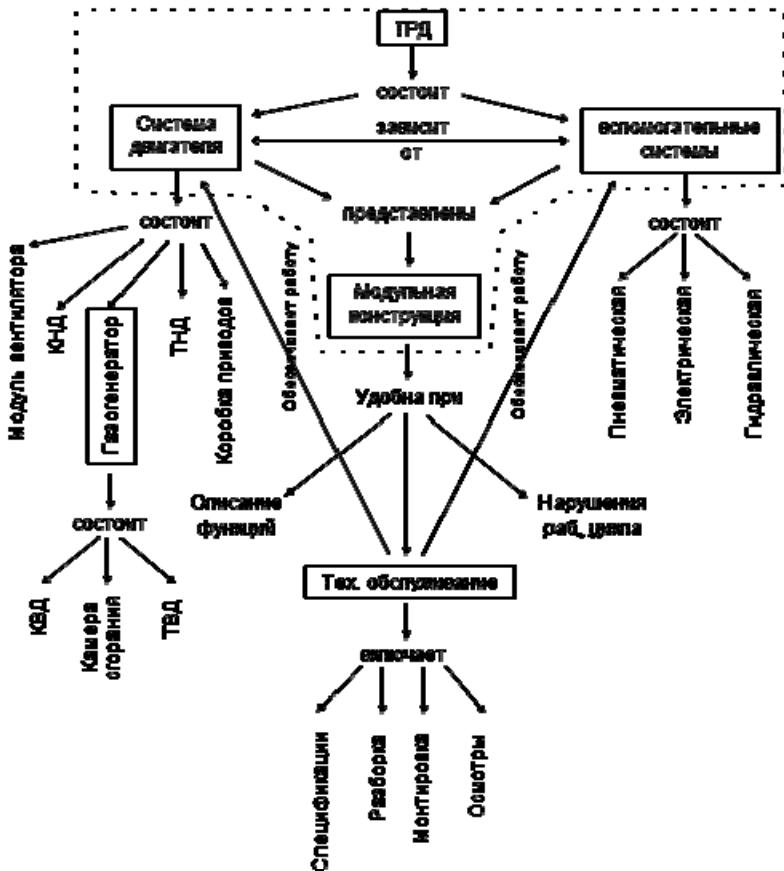

Рис. 5.
Денотатный график, использованный
для составления аннотации

Аннотация. В статье дается описание типичного двухконтурного турбореактивного двигателя. В дизайне современных ТРД применяется модульный принцип конструирования. ТРД состоит из собственно системы двигателя и обвязки, т.е. различных вспомогательных систем. Описаны также принцип их устройства, классификация и обслуживание.

Сопоставление текста аннотации с графом показывает, что в тексте аннотации отражены практически только подтемы¹. Как известно, А.И. Новиков считал, что уровни графа соответствуют тематическому принципу организации текста. Так, верхний уровень графа – это тема текста, последующий – уровень подтем, ниже идут уровни субподтем. Именно такая иерархическая структура графа позволяет осуществлять свертку информации не случайным образом, а в зависимости от значимости ее элементов.

Сопоставление фрагментов графа, входящих в различные вторичные тексты – информативный реферат, специализированный реферат, аннотацию позволяет проанализировать направление свертывания. Так, в информационном общем реферате свертывание идет во всех направлениях – горизонтальном и вертикальном, охватывая все уровни – от темы текста до субподтем. При специализации реферирования свертывание идет в заданном «запросом» направлении: оно тоже, как правило, является горизонтальным и вертикальным. Глубина охвата информации бывает самой различной – реферат может включать субподтемы разного уровня (вплоть до самого низкого), но далеко не все подтемы. При аннотировании, наоборот, происходит горизонтальное свертывание с включением только подтем. Вышесказанное позволяет заключить, что благодаря денотатному анализу текста можно исследовать закономерности смыслового свертывания в различных видах смыслового преобразования текста, включая и неполные виды перевода.

Проведенные нами исследования как в области проектирования автоматических систем реферирования, так и механизмов смыслового свертывания в сокращенных видах перевода свидетельствуют, что идеи А.И. Новикова, высказанные им 35 лет назад, оказались очень плодотворными для теоретических и прикладных исследований текста, а также, что очень важно, для разработки технологий человеко-машинной коммуникации, важным компонентом которой является текст. Именно текст, по словам А.И. Новикова, «выступает в качестве основного объекта обработки, т.е. классификации, свертывания, преобразования структуры и содержания, хранения и поиска» [Новиков 1983, с. 3].

¹ Оценочно-рекомендательная часть, обычно присутствующая в аннотации, специально не была включена в написанный нами текст, так как она не является результатом свертывания. – *Прим. авт.*

Список литературы

Герте Н.А. Денотативная модель специализированного реферативного перевода: Автореф. Дис. канд. филол. наук. – Пермь, 2016. – 18 с.

Герте Н.А. Методика денотативного анализа текста как возможный инструмент для автоматического рефериования // Вестн. Рос. нов. ун-та. Сер.: Человек в современном мире. – М., 2015. – № 3. – С. 35–38.

Герте Н.А. Реферативный специализированный перевод: Проблема адекватного извлечения информации // Вопр. психолингвистики. – М., 2014. – № 2(20). – С. 138–146.

Кетова А.Н. Реферативный перевод: Языковая компрессия и смысловое свертывание // Проблемы языка и перевода в трудах молодых ученых: Сб. науч. трудов. – Н. Новгород, 2013. – Вып. 11. – С. 117–125.

Кетова А.Н. Денотатная структура содержания как инвариант текста в процессе реферативного перевода // Социальные процессы в современном обществе: Сб. статей. – Пермь, 2014. – С. 197–204.

Курушин Д.С., Нестерова Н.М., Овчинникова И.Г. О возможном подходе к созданию системы автоматического рефериования // Вопр. психолингвистики. – М., 2014. – № 2(20). – С. 123–128.

Леонтьев А.А. Психологический портрет лектора. – М., 1979. – 47 с.

Маккьюин К. Дискурсивные стратегии для синтеза текстов на естественном языке / Пер. с англ. // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1989. – Вып. 24. – С. 311–357.

Новиков А.И. Текст и его смысловые доминанты. – М., 2007. – 224 с.

Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. – М., 1983. – 214 с.

Новиков А.И., Нестерова Н.М. Реферативный перевод научно-технических текстов. – М., 1991. – 148 с.

Новиков А.И., Сунцова Н.Л. Концептуальная модель порождения вторичного текста // Обработка текста и когнитивные технологии. – Пущино, 1999. – № 3. – С. 158–166.

Источники:

De Best L., Van den Berg F. Smart Fields – Making the most of our assets // SPE Russian Oil and Gas technical conf. and exhibition. – Moscow, 2006. – SPE 103575.

Linke-Diesinger A. Systems of commercial turbofan engines: An introd. to systems functions. – Hamburg, 2008. – 239 p.

М.Б. Раренко

ПЕРЕВОД КАК СПОСОБ АКТУАЛИЗАЦИИ СМЫСЛА

Аннотация. В статье рассматриваются постулаты теории А.И. Новикова (1938–2003) и возможности ее использования при обращении к проблемам теории и практики перевода. Представляя собой вторичный текст, переводное произведение (как собственно перевод, так и автоперевод) представляет собой обработку первичного текста, в результате которой сохраняется смысл оригинала, являющийся, по А.И. Новикову, определяющим фактором текста.

Ключевые слова: А.И. Новиков; понимание; смысл; информация; первичные тексты; вторичные тексты; обработка текста; перевод; автоперевод.

M.B. Rareenko **Translation as a means to actualize the meaning**

Abstract. The article considers the postulates of the theory of A.I. Novikov (1938–2003) and the opportunities of its use when dealing with the problems of translation theory and practice. Being a secondary text, any translated text (translation as well as self-translation) is a treatment of the primary text, which preserves the meaning of the original, that, according to A.I. Novikov, is the determining factor of the text.

Keywords: A.I. Novikov; understanding; meaning; information; primary texts; secondary texts; text processing; translation; self-translation.

*Во всякой своей деятельности
человек ищет смысл, который
служит ему и целью, и стимулом,
и средством.*

А.И. Новиков [Новиков, 2007, с. 55]

Первичные и вторичные тексты: К истории вопроса

В конце XIX – начале XX в. значительно увеличились объемы информации, циркулировавшие в обществе. Рассмотрим основные факторы, этому способствовавшие.

Во-первых, в этот период, прежде всего благодаря интенсивному развитию техники, появились принципиально новые возможности получения информации, что повлекло за собой изменение привычных способов коммуникации в обществе. Первым шагом в этом направлении стало появление фотографии, когда в 1826 г. француз Жозеф Нисефор Ньепс (Joseph Nicéphore Niépce) получил первую в мире фотографию – вид из окна своей мастерской. Ее качество было не очень высоким, а вид скорее угадывался, тем не менее, научная ценность открытия была очевидна.

Следующим шагом стало изобретение радио. Несмотря на то, что до сих пор нет единого мнения, кого же считать изобретателем радио – Гульельмо Маркони (Guglielmo Marchese Marconi), Александра Попова или Николу Теслу, – в России день рождения радио отмечается 7 мая с 1885 г., поскольку именно в этот день физик Александр Попов продемонстрировал свой прибор – «грозоотметчик» – перед коллегами из Русского физико-химического общества, а в апреле 1897 г. доказал работоспособность аппарата, передав первую в России радиограмму «Генрих Герц» на расстояние в четверть километра.

Дальнейшим шагом стало развитие кино, история которого начинается еще в XIX в. В основу кинематографа был положен принцип фотографии – запечатления неподвижных изображений. Чтобы процесс съемки и воспроизведения движения стал возможным, требовалось разработать определенные типы фотоэмulsionий, позволяющих фотографированию происходить с короткими выдержками. Но и после получения эмульсий прошло не одно десятилетие, прежде чем появилось кино в том виде, как мы его знаем. Изобретателями кинематографа принято считать французов, братьев Люмьер (Louis Lumière, Auguste Lumière). Первая публичная демонстрация кино состоялась в Париже еще в марте 1895 г., но днем рождения кино считается 28 декабря 1895 г. Именно в этот день в подвале «Гран Кафе» на бульваре Капуцинов в Париже состоялся первый коммерческий киносеанс.

Первые «кинокартины», как известно, были немые; если они до появления звукового кино и претерпели какие-либо изменения, то незначительные, потому что основным каналом восприятия, как и в случае с живописными полотнами, оставалось зрение.

Значительным шагом в изменении коммуникации в социальной сфере стало повсеместное распространение телевидения, когда телевещание стало неотъемлемой частью человеческой жиз-

ни, основным источником информации и развлечения. Напомним, что первые телевизоры появились в США и Великобритании в 1928 г., в 1929 г. – во Франции, в 1934 г. – в СССР. Массовое распространение телевизоры как носители актуальной информации приобрели уже после Второй мировой войны.

Изменение коммуникации в социальной сфере повлекло изменения в других сферах общества, в том числе в академической среде. Увеличение потока научной информации привело к необходимости эту информации обрабатывать. Функции библиотек постепенно расширялись. Библиотеки перестали быть просто хранилищем книг: при них стали образовываться специальные центры, задачей которых являлась обработка, анализ и распространение информации¹.

Основоположником теории смыслового преобразования текста следует считать Анатолия Ивановича Новикова (1938–2003), доктора филологических наук, профессора, заведующего отделом прикладной лингвистики Института языкоznания РАН, основателя «школы А.И. Новикова», который одним из первых осознал необходимость разработки алгоритмов по обработке больших массивов текста. В 1965 г., закончив курсы программистов и курсы по эксплуатации ЭВМ, он стал заниматься разработкой информационно-поисковых систем и, в частности, информационно-поискового языка, а также созданием алгоритмов обработки текстовой информации и программированием информационных задач. Одновременно он учился в заочной аспирантуре у Николая Ивановича Жинкина² и впоследствии защитил кандидатскую диссертацию на тему «Алгоритмическая модель смыслового преобразования текста» [Новиков, 1973]. С 1977 г. А.И. Новиков работал в Институте языкоznания АН СССР. В 1983 г. защитил докторскую диссертацию.

¹ Следует отметить, что в СССР осознание необходимости обработки информации, прежде всего общественной направленности, привело к созданию специального института, аналога которому в мире нет. Решение о создании Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) АН СССР было принято в октябре 1968 г. Центральным Комитетом КПСС и Советом Министров СССР, а в феврале 1969 г. – Президиумом Академии наук СССР. Более подробно об Институте, его истории, целях и задачах см.: www.inion.ru. – *Прим. авт.*

² Николай Иванович Жинкин (1893–1979) – советский лингвист и психолог, действительный член Академии художественных наук, редактор Московской киностудии научного фильма, старший научный сотрудник психологического института Академии педагогических наук (АПН) РСФСР. – *Прим. авт.*

цию «Структура содержания текста и возможности ее формализации» [Новиков, 1983а], в этом же году вышла его монография «Семантика текста и ее формализация» [Новиков, 1983].

Научный интерес А.И. Новикова, как можно видеть из названий его работ, лежал в области смыслообразования текста и его преобразования, т.е. соотношения первичных и вторичных текстов.

В настоящее время эта проблема нашла продолжение и успешно разрабатывается в работах его благодарных учеников – доктором филологических наук, профессором Н.В. Васильевой, доктором филологических наук, профессором Н.Н. Нестеровой, доктором филологических наук, профессором Н.П. Пешковой и др., а также и их учеников.

Текст как самостоятельный объект исследования стал интересовать лингвистов в 70-е годы XX в. Приблизительно в этот период стали выделяться такие направления в исследовании текста, как лингвистика текста, функциональная лингвистика, коммуникативная лингвистика, теория дискурса. То, что текст оказался в центре изучения стольких дисциплин, указывает на многогранность и многоаспектность этого феномена. Каждая из дисциплин обращает внимание на определенный важный и актуальный аспект текста. В настоящее время существует множество разных определений текста в зависимости от задач, которые ставит перед собой исследователь. А.И. Новиков обращает внимание на то, что главными признаками текста должны стать «не грамматические показатели связности, а такие его свойства, как интегративность, завершенность, в основе которых лежит явление целостности, имеющее не формально-языковую основу, а содержательно-смысловую» [Новиков, 2007, с. 18]. Принципиальное свойство каждого текста заключается в его способности содержать и передавать новую информацию, поскольку без этого невозможна коммуникация. Это фундаментальное свойство текста А.И. Новиков предложил назвать «информационностью» [Новиков, 2007, с. 20]. По мнению исследователя, «целостность текста обеспечивается целостностью его содержания, которое формируется в результате понимания текста. Понимание же возникает тогда, когда становится ясно, “что к чему относится”, в результате чего все связи компонентов содержания “замыкаются” в единую структуру, не имеющую “разрывов” и “пустот”» [Новиков, 2007, с. 20].

Говоря о понимании текста, А.И. Новиков вводит понятие «смысл», отмечая, что «смысл является не только результатом по-

нимания, но и его инструментом, поскольку текст изначально рас-считан на осмысленность» [Новиков, 2007, с. 29]. Смысл оказывается определяющим фактором текста и такого его свойства, как целостность, поскольку «целостным является сам текст. Целостным является смысл, который и проецирует свою целостность на текст» [Новиков, 2007, с. 29]. Это принципиально для понимания концепции текста А.И. Новиковым.

В основе создания любого текста лежит замысел, т.е. можно утверждать, что для автора текста он (текст) всегда является целостным уже изначально в отличие от адресата, для которого целостность может быть не очевидной в силу ряда причин – как объективных, так и субъективных. Поскольку автор владеет смыслом еще на стадии замысливания (задумывания) текста, для него текст обладает смыслом даже в том случае, если в действительности в созданном им тексте автору не удалось этот смысл раскрыть¹. Более того, нередко происходит так, что адресат приписывает тексту смысл, которого не имел в виду автор. Таким образом, можно утверждать, что под смыслом текста А.И. Новиков фактически понимает замысел (а даже не его реализацию) его автора – «то, что хотел сказать автор».

Вторичные тексты и их особенности

Выявление смысла представляет определенную проблему при работе с так называемыми первичными текстами, т.е. текстами, создаваемыми авторами без опоры на другие². Еще большая проблема возникает при работе над вторичными текстами, в основе которых лежит смысловое преобразование первичного текста.

¹ На наш взгляд, эта проблема представляет особый интерес и нуждается в дополнительном исследовании. – *Прим. авт.*

² Такое определение, на наш взгляд, является довольно условным, поскольку любой текст находится в состоянии диалога с другими. Интертекстуальность – термин, введенный в 1967 г. теоретиком постструктурализма, французской исследовательницей Юлией Кристевой (р. 1941) для обозначения общего свойства текстов, выражающегося в наличии между ними связей, благодаря которым тексты (или их части) могут многими разнообразными способами явно или неявно ссылаться друг на друга. Следует заметить, что идея «диалога между текстами» в первоначальном варианте принадлежала М. М. Бахтину. – *Прим. авт.*

К вторичным текстам традиционно относят конспекты, рефераты, аннотации, а также разного рода переводы.

Как показывает А.И. Новиков, носителями смысла являются доминанты текста, реализующиеся в ключевых словах. Как отмечает А.И. Новиков, «ключевые слова получили свою известность в связи с развитием информационно-поисковых систем, в частности, в связи с созданием дескрипторных языков, предназначенных преимущественно для автоматизированных информационных систем, позволяющих, в отличие от других, осуществлять гибкий многоаспектный информационный поиск документов по любым наперед не заданным классам» [Новиков, 2003, с. 56–57]. «Доминанта, возникая в сознании, стягивает вокруг себя определенное содержание, переструктурирует его и тем самым организует определенным образом семантическое пространство», – замечает А.И. Новиков [Новиков, 2007, с. 55].

Разрабатывая теорию первичных и вторичных текстов, А.И. Новиков подчеркивает необходимость выявления особенностей вторичных текстов. Созданные в результате переосмысления первичных, созданные на их основе, эти тексты выполняют (берут на себя) особую миссию – вычленить смысловые узлы первичных текстов, актуализировав их содержание. В отдельных случаях допускается сокращение первичных текстов (например, реферат, сокращенный перевод и пр.), экспликация смысла (аннотация, конспект, выборочный перевод и пр.).

Таким образом, одной из главных техник при работе с вторичными текстами является техника свертывания и развертывания смысла. А.И. Новиков отмечал, что «основной закономерностью понимания является свертывание информации, которое происходит во внутренней речи» [Новиков, 2007, с. 66]. Ссылаясь на работы А.Н. Соколова¹, исследователь поясняет, что «воспринимаемая информация во внутренней речи обычно воспроизводится в виде очень сокращенной речевой схемы, образующейся из отдельных слов (вернее, намеков на слова), каждое из которых становится

¹ Соколов Александр Николаевич (1911–1996) – российский психолог, доктор психологических наук, профессор. Среди работ А.Н. Соколова – «Внутренняя речь и понимание» (1941), «Вопросы психологии понимания в работах К.Д. Ушинского» (1955), «Исследования по проблеме речевых механизмов мышления» (1959), «Динамика и функции внутренней речи (скрытой артикуляции) в процессе мышления» (1960), «Внутренняя речь и мышление» (1968) и др.

конденсированным выражением больших смысловых групп, или “семантических комплексов”, которые в зависимости от ситуации могут быть развернуты в ту или иную последовательность слов» [Новиков, 2007, с. 66]. Процессы свертывания и развертывания смысла, т.е. процесс переработки первичного текста во вторичные происходит со значительным преобразованием первого, что, однако, не должно восприниматься как искажение, поскольку при этом сохраняется содержание текста и его общий смысл. Последнее замечание особенно важно. То, что один и тот же текст может быть понят приблизительно одинаково (как пишет А.И. Новиков, «на уровне его “общего смысла”» [Новиков, 2007, с. 70]), свидетельствует о том, что «общий смысл» есть некая объективная реальность.

Описанный выше процесс можно рассматривать как частный случай перевода, если перевод понимать в широком значении – так, как его предлагает понимать в своей работе «О лингвистических аспектах перевода» Р. Якобсон [Якобсон, 1978]. Исследователь выделяет три способа интерпретации вербального знака, который может быть переведен как в другие знаки того же языка, на другой язык, так и в другую, невербальную систему символов, и предлагает этим трем видам перевода дать следующие названия: 1) внутриязыковой перевод, или переименование, – интерпретация вербальных знаков с помощью других знаков того же языка; 2) межязыковой перевод, или собственно перевод, – интерпретация вербальных знаков посредством какого-либо другого языка; 3) межсемиотический перевод, или трансмутация, – интерпретация вербальных знаков посредством невербальных знаковых систем.

Перевод как способ выявления смысла

Выявление и сохранение смысла оригинала лежит в основе перевода, понимаемого как процесс и как результат одного из древнейших видов человеческой деятельности. Принято считать, что первые устные переводчики – толмачи, помогавшие преодолеть барьер в общении между разнозычными племенами и народностям, – появились сразу после того, как в истории человечества выделились разнозычные группы и возникла необходимость в переводе. Исследуя историю зарождения перевода как социальной практики, В.Н. Комиссаров пишет: «Возможно, что первыми переводчиками были женщины. Известно, что в древности существовал

обычай красть невест из чужого племени; женщина поневоле овладевала языком мужа и могла выступать в случае необходимости в роли переводчика» [Комиссаров, 1999, с. 81]. Древнейшее из известных на сегодняшний день изображений переводчика – на древнеегипетском барельефе – относится к III тыс. до н.э. Тогда задачей переводчика, как и сейчас, было, по-видимому, обеспечение контакта между людьми, говорящими на разных языках. Его роль посредника в передаче информации считали необходимой и важной, однако на древнеегипетском барельефе фигура переводчика вдвое меньше по размеру фигур сановников, ведущих беседу.

С возникновением письменности активно начинает развиваться письменный перевод, благодаря которому становится возможным знакомство с документами военного, культурного, а также религиозного характера. Несколько позже начинают появляться переводы художественных текстов.

Первое место по количеству переводных версий, безусловно, занимает Библия. Самый ранний из прославившихся переводов текста Священного писания относится еще к III в. до н.э. – это знаменитая Септуагинта, перевод первых пяти книг Ветхого Завета с древнееврейского языка на греческий. Согласно легенде, египетский царь Птолемей (285 т–246 гг. до н.э.) приказал перевести Библию, и для этого было отобрано 72 толковника (т.е. переводчика) – по шесть мужей от каждого колена Израилева. Их разместили в крепости на острове Фарос. Каждый из них должен был перевести текст от начала до конца самостоятельно. Когда работа была завершена и тексты сравнили, то обнаружили, что все они одинаковы слово в слово. Перевод «слово в слово», таким образом, служил на тот момент гарантией качества перевода, обеспечивал сохранение и передачу смысла текста Священного писания.

В дальнейшем, вплоть до начала XX в. особенно активно развивался литературный перевод, т.е. перевод художественной литературы, и, соответственно, главным критерием хорошего перевода считалась способность переводчика к точной передачи не только содержания подлинника, но и особенностей индивидуально-авторского стиля текста оригинала. В XX в. возникла острая необходимость в переводе деловых материалов разных жанров и различной тематики – коммерческих, научно-технических, политических, военных текстов, требовавших учета жанровой специфики текста. При этом предполагалось, что исходная информация должна быть передана как можно более полно и в короткие временные сроки.

В разные исторические периоды перед переводчиками ставились разные задачи, однако проблема экспликации и последующей передачи смысла оставалась одной из основных.

В послевоенный период в XX в. связи с необходимостью перевода все большего и большего количества разных текстов потребность общества в переводах и переводчиках неуклонно возрастает.

Во второй половине XX в. исследования в области перевода носит особенной интенсивный характер. Потребность разработать в кратчайшие сроки успешные программы подготовки профессиональных переводчиков приводит к необходимости теоретического осмыслиения основных проблем перевода как человеческой интеллектуальной деятельности особого рода.

Поскольку в основе переводческой деятельности лежит языковая коммуникация, вполне логичным становится стремление создать теорию переводческой деятельности на основе методики обучения иностранным языкам, обращаясь к тем категориям, которые традиционно изучались в русле лингводидактики, например, к категориям речевой деятельности, интерференции, фоновых знаний и др. В результате взаимодействия разных факторов возникает лингвистический подход к переводу.

Лингвистическая теория перевода складывается благодаря работам отечественных и зарубежных ученых: Л.С. Бархударову, В.Г. Гаку, В.Н. Комиссарову, Р.К. Миньяр-Белоручеву, И.И. Ревзину, Я.И. Рецкеру, В.Ю. Розенцвейгу, А.В. Федорову, М.Я. Цвиллингу, А.Д. Швейцеру, Е.Г. Эткинду, Ж.-П. Вине, Ж. Дарбельне, О. Каде, Дж. Кэтфорду, Ж. Мунену, Ю. Найде, П. Оргёлену и многим другим, которые сформулировали основные положения теории перевода и позволили ей заявить о себе как об особом научном направлении.

Лингвистическая теория перевода зарождается, прежде всего, как наука о речевой коммуникации. Опираясь на данные науки о языке и некоторые методы структурной, т.е. «внутренней», по определению Ф. де Соссюра, лингвистики, она (лингвистическая теория перевода) с самого начала оказалась ориентированной на «внешнюю» лингвистику, на речь, на межъязыковую коммуникацию. В этом она развивалась параллельно с появившейся почти одновременно с ней сопоставительной стилистикой.

Постепенно формирующаяся теория перевода отдаляется от литературоведения и литературной критики и начинает рассматриваться как сугубо лингвистическая дисциплина, точнее, как одна

из прикладных отраслей языкоznания. Основу так называемой «лингвистической теории перевода» образуют основные постулаты лингвистической науки.

Несмотря на то, что теория перевода оказывается в зависимости от лингвистической теории того времени, теоретики перевода стремятся к самостоятельному осмыслению новейших тенденций лингвистической науки применительно к общей и частной теории перевода.

В 50-е годы XX в. под влиянием идей структурной лингвистики, а также в связи с проникновением в лингвистику идей кибернетики начинает использоваться понятие лингвистической модели. Стремление формализовать процесс перевода подвигло исследователей на создание различных переводческих моделей, каждая из которых представляла собой как бы отдельную теорию перевода и опиралась на положения и использовала методы тех или иных направлений лингвистической науки. Однако в каждой модели перевода акцентировался процесс смыслообразования и смыслопреобразования. Так, порождающая грамматика легла в основу трансформационной модели перевода, семантические теории (метод компонентного анализа, порождающая семантика и др.) породили семантические модели перевода, коммуникативная лингвистика – коммуникативную модель перевода и т.п. Большое количество появляющихся моделей перевода объясняется тем, что авторы каждой последующей модели если и не отрицали полностью предыдущие, то непременно отмечали их односторонность и неспособность представить теоретическую картину перевода в целом, желая создать универсальную переводческую модель [более подробно см.: Марчук, 2010].

К наиболее значимым моделям в истории перевода следует отнести следующие: теорию закономерных соответствий Я.И. Рецкера; трансформационную теорию перевода Ю.А. Найды; семантико-семантическую теорию Л.С. Бархударова; теорию уровней эквивалентности В.Н. Комиссарова и др.

Каждая из этих моделей представляет перевод как вполне закономерный процесс замен единиц одного языка единицами другого языка. Важность теории Я.И. Рецкера заключается в том, что ученый ввел в исследовательскую практику понятие «соответствие», которое сегодня является одним из основополагающих понятий науки о переводе. Кроме того, его теория перевода утвердила метод сопоставления переводов с их оригиналами для выявления

языковых закономерностей переводческого процесса (более подробно см.: [Рецкер, 2010]).

Американский лингвист Ю. Найда (E.A. Nida) в книге «К науке переводить» (1964) [Nida, 1964] на примере специфических проблем перевода Библии с позиций теоретического языкоznания рассматривает семантические проблемы перевода, связанные с интерпретацией переводчиком содержания текста оригинала и интерпретацией его (переводного текста) реципиентом (получателем). Лингвистический подход представляется Ю. Найде естественным следствием того, что перевод всегда имеет дело с двумя языками. Исследователь также отмечает, что сторонники такого подхода основное внимание уделяют не формальным, а содержательным отношениям между оригиналом и переводом. Основу коммуникативного подхода

Ю. Найда видит в заимствованных у теории коммуникации таких основных понятий, как «источник», «сообщение», «реципиент», «обратная связь», «процессы кодирования и декодирования». Отметим, что коммуникативный подход составляет один из важнейших принципов современной лингвистики, а следовательно, является неотъемлемой частью лингвистики перевода. Не случайно, характеризуя этот подход, Ю. Найда говорит о значении для него социолингвистических работ У. Лабова (W. Labov), Д. Хаймса (D. Hymes), Р. Якобсона и Дж. Граймса (J.E. Grimes). Характерно, что в числе ведущих разработчиков коммуникативного подхода оказываются Ж. Мунэн (G. Mougin) и К. Райс (K. Reiss), чьи переводческие труды имеют явно лингвистическую основу.

Благодаря Ю. Найде теория перевода обогатилась различными методическими приемами лингвистического исследования: методом компонентного анализа, семантических преобразований, прямых и обратных трансформаций и т.п. Ю. Найда также ввел в переводческий терминологический словарь понятие «динамическая эквивалентность» – вид перевода, когда переводчик ориентируется не на формальные особенности оригинала (как часто происходит при переводе Библии), а на реакцию реципиентов перевода, которым перевод должен быть, прежде всего, понятен.

Описанная в работе Л.С. Бархударова «Язык и перевод» [Бархударов, 1975] семантико-семиотическая теория раскрывает основные проблемы при передаче в переводе различных типов значений языковых единиц: референциальных, прагматических, внутрилингвистических и грамматических, а также детально опи-

сывает различные виды переводческих трансформаций. Изучая природу семиотических значений, Л.С. Бархударов приходит к выводу о разной степени возможности их передачи в процессе перевода в зависимости от самого типа значения, а также рассматривает возможность передачи выделенных им типов языковых значений в зависимости от характера переводимого текста.

В.Н. Комиссаров излагает теорию перевода, основываясь на понятии эквивалентности, трактуя это понятие как общность содержания оригинала и перевода «отношение между содержанием оригинала и перевода» [Комиссаров, 1999, с. 118]. В.Н. Комиссарову принадлежит классификация уровней эквивалентности перевода. Согласно его теории эквивалентности, существует пять уровней эквивалентности в зависимости от степени лингвистической близости перевода к оригиналу. На первом уровне сохраняется только цель коммуникации. На втором уровне сохраняется цель коммуникации и описание ситуации, в рамках которой происходит общение. На третьем уровне переводческой эквивалентности сохраняется цель коммуникации, указание на ситуацию и способ ее описания. Описывая первые три уровня эквивалентности, В.Н. Комиссаров отмечает, что в них «близость перевода к оригиналу основывалась на сохранении частей содержания, существующих в любом высказывании» [Комиссаров, 1999, с. 129]. На четвертом уровне эквивалентности полный синтаксический параллелизм не сохраняется, поскольку имеют место различные случаи синтаксического варьирования. Автор отмечает еще одну группу переводов, в которых «близость к оригиналу будет наибольшей, поскольку в них переводчик стремится как можно полнее воспроизвести значения слов оригинала с помощью дословного перевода» [Комиссаров, 1999, с. 131–132]. Этот – пятый – уровень (тип эквивалентности), по его словам, встречается довольно часто, но «достижение эквивалентности на уровне семантики слова ограничивается несовпадением значений слов в разных языках. Переводческие проблемы возникают в связи с каждым из трех основных макрокомпонентов семантики слова: денотативного, коннотативного и внутриязыкового значений» [Комиссаров 1999, с. 132]. Разработанная теория эквивалентности способствовала развитию лингвистической теории перевода, а «понятие эквивалентности раскрывает важнейшую особенность перевода и является одним из центральных понятий современного переводоведения» [Комиссаров, 1999, с. 137].

При всем различии описанных выше моделей идея, лежащая в их основе, была единой – создать такую модель перевода, которая, с одной стороны, формализовала бы процесс перевода, а с другой – позволила бы сохранить исходный смысл, т.е. смысл источника. Это стремление особенно просматривается в разработанной В.Н. Комиссаровым теории эквивалентности, когда как приоритет предлагается рассматривать не содержание высказывания, а смысл, заложенный в нем. Таким образом, для теории перевода, разработанной В.Н. Комиссаровым, сохранение / несохранение смысла исходного (первичного, оригинального) текста является критерием эквивалентности перевода, т.е., иначе говоря, критерием качества выполненного перевода.

Следует отметить, что сложность процесса формализации перевода подтверждается фактом разработки многочисленных моделей перевода, поскольку каждый из разработчиков стремится разработать такой алгоритм действий переводчика, который бы учитывал все возможные ситуации и предписывал каждой ситуации определенные процедуры. В настоящее время разработка моделей перевода продолжается и связана, в том числе, со стремлением, хотя бы отчасти, автоматизировать процесс перевода при сохранении смысла оригинала.

Строго говоря, идея о возможности автоматического перевода принадлежит британскому математику Чарльзу Бэббиджу (Charles Babbage), который в начале 40-х годов XIX в. пытался убедить правительство в необходимости финансировать исследования по разработке механического прототипа ЭВМ и даже обещал, что разработанная им машина сможет переводить разговорную речь.

В 1933 г. изобретатель П.П. Смирнов-Троянский (1894–1950) обратился в Академию наук СССР с разработанной им конструкцией машины для подбора и печатания слов при переводе с одного языка на другой. Машина представляла собой стол с наклонной поверхностью, перед которым был закреплен фотоаппарат, соединенный с печатной машинкой. На поверхности самого стола изобретатель расположил пластину с напечатанными на ней словами на нескольких иностранных языках. Можно предположить, что устройство действительно в какой-то степени облегчило бы работу переводчика – по крайней мере, сократилось бы время поиска слова в словаре. Несмотря на то что в академических кру-

гах отношение к изобретению было амбивалентным, исследователь получил на него авторское свидетельство.

Следующим шагом на пути к разработке машинных переводчиков стало продемонстрированное на Всемирной ярмарке 1939 г. в Нью-Йорке компанией «Bell Labs» первое электронное устройство синтеза речи, не получившее практического значения, но вызвавшее большой интерес. Следует отметить, что до конца 40-х годов XX в. машинный перевод рассматривается как объект увлекательных исследований, но не как одна из возможных сфер использования вычислительной техники.

Датой рождения машинного перевода считается март 1947 г., когда специалист по криптографии Уоррен Уивер (W. Weaver, 1894–1978) в письме к Норберту Винеру (N. Wiener, 1894–1964) впервые поставил задачу машинного перевода, сравнив ее с задачей дешифровки, таким образом задав вектор исследований – подход к языку как к кодовой системе, а спустя два года – в 1949 г. – У. Уивер обосновал принципиальную возможность создания систем машинного перевода.

В 1950 г. английский математик Аллан Тьюринг (Alan Turing, 1912–1954) опубликовал в философском журнале «Mind» статью «Вычислительные машины и разум» («Computing machinery and intelligence»), в которой утверждал, что машина может общаться с человеком на естественном языке таким образом, что тот не в состоянии будет отличить ее от собеседника-человека. Таким образом было предложено решение вопроса о том, может ли машина мыслить.

Итак, исследования по машинному переводу начались с появления первых компьютеров и с попыток применения их к решению интеллектуальных задач. Первый в мире опыт машинного перевода с русского языка на английский был осуществлен в январе 1954 г. в Нью-Йорке в Джорджтаунском университете под руководством Леона Достерта (L. Dostert, 1904–1971) и получил название «Джорджтаунского эксперимента». В 1956 г. в Москве была организована Лаборатория машинного перевода под руководством Ю.А. Моторина, в которой в 1958 г. система машинного перевода осуществила машинный перевод с английского языка текстов общественно-политической (газетной) и научно-технической тематики (более подробно см.: [Марчук, 2015]). В настоящее время существует довольно большое количество систем машинного перевода, «дающих достаточно грубый перевод но тем не менее

позволяющих преодолевать языковой барьер» [Марчук, 2015, с. 116]. Особенno интенсивно в настoящee время развивается машинный перевод с участием восточных языков, что представляет определенный интерес в плане сопоставительной лингвистики, учитывая тот факт, что различия в грамматическом строе, особенно в синтаксисе, между этими языками и европейскими значительны и требуют особых решений в разработке теории машинного перевода. В настoящee время при помощи машинного перевода переводятся в большинстве случаев научно-технического характера – научные статьи, обзоры, доклады, патенты, рефераты. Таким образом, утверждает Ю.Н. Марчук, «машинный перевод стал технологической реальностью» [Марчук, 2015, с. 121], и «альтернативы машинному переводу нет» [Марчук, 2015, с. 121], поскольку он имеет ряд преимуществ перед «человеческим» переводом, самое главное преимущество – быстрота перевода, а объем переводов в мире постоянно растет.

Даже краткий экскурс в историю машинного перевода показывает, что разработка высокоэффективных систем чрезвычайно сложна и требует решения ряда кардинальных проблем моделирования человеческого интеллекта. Приоритетными направлениями в области современного машинного перевода являются два: 1) работа над тем, чтобы переводился смысл безотносительно к форме языкового высказывания; 2) осуществление машинного перевода на уровне переводных соответствий, когда передаются в равной степени и форма, и содержание (т.е. моделирование перевода на уровне переводных соответствий).

Необходимость переводить большие объемы текстов стимулирует разработчиков машинного перевода искать способы усовершенствования систем перевода. Важную роль в разработке моделей машинного перевода занимает проблема типологии текстов. Было замечено, что некоторые тексты поддаются переводу значительно лучше, чем другие, из чего был сделан вывод о том, что система машинного перевода реагирует на различия в лексике, синтаксических конструкциях, других лингвистических характеристиках, которые могут быть незаметны человеку-переводчику и редактору. По мнению Ю.Н. Марчука, «типология текстов не привлекала особенного внимания переводов, хотя исследования в этой области безусловно были» [Марчук, 2015, с. 121]. В настoящee время одной из главных задач, стоящих перед разработчиками, является создание детальной типологии текстов, подлежащих

машинному переводу, поскольку «система машинного перевода реагирует на такие различия в лексике, синтаксических конструкциях, других лингвистических характеристиках, которые просто незаметны переводчику-человеку или редактору. При более тонкой типологии, с правильным учетом контекста можно было бы добиться положительных результатов в обоих случаях» [Марчук, 2015, с. 121].

По мнению автора, важным средством для построения типологии текстов может выступать «контекстологический словарь для разрешения многозначности слов» [Марчук, 2015, с. 123], который составляется «на основе конкорданса из текстов исходного языка и текстов соответствующих переводов (параллельных текстов)» [там же], при этом контекст понимается «как типовое, наиболее распространенное лингвистическое окружение многозначного слова» [там же]. На основе контекста выбирается необходимое значение (перевод) многозначного слова; выбор нужного значения осуществляется в результате работы алгоритма, запрашивающего контекст на наличие или отсутствие детерминанты, т.е. лингвистического признака для соответствующего перевода слова.

Переводы и автопереводы В.В. Набокова в свете теории А.И. Новикова

Переводческая практика подтверждает теорию смысла, разработанную А.И. Новиковым. Переводы и автопереводы, являясь частным случаем вторичного текста, представляют собой перекодирование (преобразование) первичного текста (оригинала) с сохранением его исходного смысла. Чаще всего именно опасение потери или искажение смысла при переводе является основной мотивацией для выполнения автором текста его перевода на другой язык (например, автопереводы В.В. Набокова) или авторизованного перевода (это практиковал, например, У. Эко).

Для подтверждения заявленного выше тезиса обратимся к переводческой деятельности В.В. Набокова. Переводческое наследие В.В. Набокова впечатляет: он перевел на русский язык «Алису в стране чудес» Л. Кэролла (вышедшую в его переводе под названием «Аня в стране чудес», 1922), «Кола Брюньона» Р. Роллана (в русском переводе под названием «Николка Персик», 1922), ряд

поэтических произведений Руперта Брука, П. Ронсара, О'Салливана, П. Верлена, Ж. Сюпервьеля, А. Теннисона, У.Б. Йейтса, Дж. Байрона, Дж. Китса, Ш. Бодлера, В. Шекспира, А. де Мюссе, А. Рембо, И. Гёте и др., а на английский язык – «Слово о полку Игореве» (1960) и «Евгения Онегина» (опубликован в США в 1964 г. с обширным комментарием В.В. Набокова), стихотворения А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Ф.И. Тютчева и др., а также ряд произведений, написанных им самим. Свое отношение к переводу В.В. Набоков изложил в статьях «Искусство перевода» (1941), «Проблемы перевода» (1955), «Тропою рабства» (1955), «Заметки переводчика» (1957), «Заметки переводчика-II» (1957), а также в комментариях к переводам, которые можно рассматривать и как руководство для переводчиков.

Отношение к переводческой деятельности у В.В. Набокова на протяжении жизни менялось. Так, А.М. Зверев, давая характеристику работы В.В. Набокова над роллановским текстом, называет В.В. Набокова не «переводчиком», как можно было бы ожидать, а «перелагателем». Слова «перевод» исследователь также старается избегать, отмечая при этом, что В.В. Набоков готов пожертвовать всем, чем угодно, вплоть до смысловой точности («не видит причин ею не пожертвовать»), во имя повествовательного ритма [Зверев, 2004, с. 94 и далее].

Выбранная В.В. Набоковым стратегия перевода (или точнее говоря, адаптации) «Алисы в стране чудес» Л. Кэрролла (перевод был выполнен в 1922 г.) на русский язык, в основе которой лежит русификация английского текста, уже сама по себе неизбежно предполагает некоторую искусственность, где национальному купориту априори нет места: в версии В.В. Набокова Алиса превращается в Аню, посещает Паркетную губернию, играет в куролесы, выполняет подсчеты в рублях и копейках и по просьбе Гусеницы воспроизводит восемь строф, которые по ритмике и по рифме абсолютно точно соответствуют стихотворению М.Ю. Лермонтова «Бородино»: «Скажи-ка, дядя, ведь недаром, тебя считают очень старым, ведь право же, ты сед...».

В более поздний период В.В. Набоков меняет свое отношение к переводу: перевод, по его новым представлениям, должен быть слепком оригинала – пусть неуклюжим, пусть трудночитаемым, а то и вовсе нечитаемым, но абсолютно достоверным на уровне смысла, «примером буквализма в прямом значении слова» [Зверев, 2004, с. 96]. В последние примерно 20 лет жизни

писатель отстаивал теорию буквализма, в основе которой «лежит принцип семантической эквивалентности за счет максимально точного воспроизведения ассоциативных и синтаксических особенностей подлинника» [Айкина, 2011, с. 135]. В.В. Набоков писал: «Прежде всего, “буквальный перевод” предполагает верность не только непосредственному значению слова и предложения, но и подразумеваемому смыслу; это семантически точная интерпретация, причем необязательно лексическая (соответствующая значению слова вне контекста) или структурная (подчиняющаяся грамматическому порядку слов в тексте). Другими словами, перевод может и часто является одновременно и лексическим, и структурным, но он буквalen лишь в том случае, когда он контекстуально верен, и когда переданы мельчайшие нюансы и интонация текста» [Набоков, 1998, с. 555]. В.В. Набоков призывает переводчиков к «функциональному буквализму, предполагающему сочетание точности и эстетического впечатления от перевода» [Айкина, 2011, с. 137].

В 1941 г. Набоков пишет статью «Искусство перевода», где подробно анализирует типы ошибок, которые переводчики допускают в процессе перевода, а также выдвигает ряд требований и качеств, которыми должен обладать переводчик: «Прежде всего, он должен быть столь же талантлив, что и выбранный им автор, либо таланты их должны быть одной природы. В этом и только в этом смысле Бодлер и По или Жуковский и Шиллер идеально подходят друг другу. Во-вторых, переводчик должен прекрасно знать оба народа, оба языка, все детали авторского стиля и метода, происхождение слов и словообразование, исторические аллюзии. Здесь мы подходим к третьему важному свойству: наряду с одаренностью и образованностью он должен обладать способностью к мимикрии, действовать так, словно он и есть истинный автор, воспроизводя его манеру речи и поведения, нравы и мышление с максимальным правдоподобием» [Набоков, 2016, с. 376].

Решение Набокова выполнить авторский перевод романа «Lolita» стало значительным событием в творческой биографии писателя, незадолго да этого обвиненного Э. Уилсоном в нечитабельности его перевода романа «Евгений Онегин» А.С. Пушкина на английский язык.

Автоперевод «Лолиты» можно рассматривать как квазиперевод. В.В. Набоков, с детства говоривший на трех языках – русском, английском и французском, – представлял себя так: «Я американский писатель, рожденный в России, получивший образование в

Англии, где я изучал французскую литературу перед тем, как на пятнадцать лет переселиться в Германию. ...Моя голова разговаривает по-английски, мое сердце – по-русски, и мое ухо – по-французски» [Набоков Владимир Владимирович, электрон. ресурс].

Объясняя причины того, что он решил самостоятельно перевести роман на русский язык, В.В. Набоков объяснял их опасениями, что переводчики исказят его смысл. Для В.В. Набокова ценность перевода заключается в «верности и адекватности оригиналу». В «Пре-дисловии к “Герою нашего времени”» Набоков неоднократно подчеркивает, что следует отказаться от расхожего мнения, будто перевод «должен легко читаться» и не «должен производить впечатление перевода», поскольку «всякий перевод, не производящий впечатление перевода, при ближайшем рассмотрении непременно окажется неточным, тогда как единственными достоинствами доб-ротного перевода следует считать его верность и адекватность оригиналу» [Набоков, 1988, с. 195].

Как показывает Н.М. Нестерова, при автопереводе почти всегда возникает необходимость не столько перевести (в прямом значении этого слова) изначальный текст, особенно если речь идет о художественном произведении, сколько его трансформировать и адаптировать под другую культурную среду [Нестерова, 2005]. Т. Бесаев отмечает: «Когда автор переводит, он неизбежно пишет заново, заново переживает ситуации и судьбы героев, заново входит в то творческое настроение, в ту, если угодно, психологическую ситуацию, как и при создании оригинального произведения, но можно ли точно воспроизвести эту ситуацию? Можно ли дважды войти в одну и ту же реку? Не уверен» [Бесаев, 1986, с. 382].

Приведенные ниже примеры из романа «Lolita» и его автоперевода на русский язык наглядно показывают, что В.В. Набоков выступает в роли переводчика-интерпретатора:

I attended an English day school a few miles from home, and there I played rackets and fives, and got excellent marks, and was on perfect terms with schoolmates and teachers alike. «Я учился в английской школе, находившейся в нескольких километрах от дома; там я играл в “ракетс” и “файвс” (ударяя мяч об стену ракеткой или ладонью), получал отличные отметки и прекрасно уживалялся как с товарищами, так и с наставниками».

В первом случае текст создается для читателя-американца, во втором – для русского. При переводе текста романа на русский язык В.В. Набоков использует уточняющие лексические единицы,

вводит в текст комментарий, тем самым помогая читателю русскоязычного текста максимально точно представить описываемое действие, а принятые в американском обществе измерения дистанции заменяет на принятые в русском.

Рассмотрим еще одну пару предложений:

A normal man given a group photograph of school girls or Girl Scouts and asked to point out the comeliest one will not necessarily choose the nymphet among them. «Если попросить нормального человека отметить самую хорошенечкую на групповом снимке школьниц или герль-скаутов, он не всегда ткнет в нимфетку».

При сопоставлении аналогичных предложений из английского и русского вариантов романа можно увидеть, что претерпевает значительные изменения и синтаксис.

К.Г. Коровина отмечает, анализируя рассказ В.В. Набокова «Весна в Фиальте», изначально созданный на русском языке, а затем переведенный на английский язык, что, несмотря на то, что идиостиль В.В. Набокова, т.е. индивидуально-авторский отбор языковых средств и их сочетаемость, в целом, в обоих текстах не подвергается значительным трансформациям, а оригинал и перевод адекватны друг другу с точки зрения pragматики текста, «русский текст более экспрессивен» [Коровина, 2014, с. 52].

В процессе перевода план выражения оригинала может претерпевать определенные изменения при сохранении смысла выскакивания. Разрабатываемые модели перевода показывают стратегии перевода, которые переводчики могут использовать при перекодировании текста внутри одного языка, с одного языка на другой, из одной семиотической системы в другую.

Отметим, что автор-переводчик оказывается в более выгодном положении, нежели профессиональный переводчик, поскольку точно знает, что хотел сказать (напомним, что в свете теории А.И. Новикова это положение приобретает особый смысл). Как показано выше, при автопереводе часто происходит эксплицирование текста. Более того, «в случае автоперевода переводческий метатекст может стать интегральной частью иноязычной версии оригинала» [Дымант, Кашкин, Княжева, 2014, с. 105].

Таким образом, подводя итоги, следует отметить, что теория смысла, разработанная А.И. Новиковым, имеет большое прикладное значение, в том числе и для развития теории и практики перевода как частного случая преобразования первичного текста во вторичный, что было показано на примере автопереводов

В.В. Набокова. Заслуга А.И. Новикова состоит, прежде всего, в том, что он эксплицировал процесс преобразования текста, разработав алгоритм работы над вторичным текстом, что интуитивно всегда пытались воплотить переводчики в своей практической деятельности, и заложил тем самым основы для автоматической обработки и преобразования больших массивов текста.

Список литературы

Айкина Т.Ю. К вопросу о переводческом буквализме В.В. Набокова // Молодой ученый. – Чита, 2011. – № 7, т. 1. – С. 135–139.

Бархударов Л.С. Язык и перевод. – М., 1975. – 240 с.

Бесаев Т. Почему я в это не верю? // Художественный перевод: Проблемы и суждения. – М., 1986. – С. 376–398.

Дымант Ю.А., Кашик В.Б., Княжева Е.А. Метакоммуникация переводчика в переводе и автопереводе // Вестн. ВГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж, 2014. – № 4. – С. 103–108.

Зверев А.М. Набоков. – М., 2004. – 480 с.

Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. – М., 1999. – 192 с.

Коровина К.Г. Соотношение эксплицитного и имплицитное в автопереводе // Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание. – Волгоград, 2014. – С. 51–55.

Марчук Ю.Н. Информационные технологии в лингвистике: Компьютерная лингвистика. – Saarbrücken, 2015. – 131 с.

Марчук Ю.Н. Модели перевода. – М., 2010. – 176 с.

Набоков В.В. Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин». – СПб., 1998. – 928 с.

Набоков В.В. Искусство перевода // Набоков В.В. Лекции по русской литературе. – СПб., 2016. – С. 356–396.

Набоков В.В. Предисловие к «Герою нашего времени» // Нов. мир. – М., 1988. – № 4. – С. 189–197.

Набоков Владимир Владимирович. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9D%D0%80%D0%9B%D0%91%D0%9E%D0%9A%D0%90%D0%9E%D0%9B%D0%92%D0%90%D0%9B%D0%90%D0%9B%D0%94%D0%90%D0%98%D0%9C%D0%90%D0%9B%D0%98%D1%80%D0%90%D0%92%D0%90%D0%9B%D0%90%D0%9B%D0%94%D0%90%D0%98%D0%9C%D0%90%D0%9B%D0%98%D1%80%D0%90%D0%92%D0%90%D0%9B%D0%98%D1%87> (Дата обращения: 21.03.2018.)

Нестерова Н.М. Вторичность как онтологическое свойство перевода: Дис. ... д-ра филол. наук. – Пермь, 2005. – 368 с.

Новиков А.И. Алгоритмическая модель смыслового преобразования текстов: Дис. ... канд. психол. наук. – М., 1973. – 162 с.

Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. – М., 1983. – 216 с.

Новиков А.И. Структура содержания текста и возможности ее формализации: (На материале науч.-технич. текстов): Дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1983 а. – 355 с.

Новиков А.И. Текст и его смысловые доминанты. – М, 2007. – 224 с.

Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. – М., 2010. – 240 с.

Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М., 1978. – С. 16–24.

Nida E.A. Toward a science of translating: With special reference to principles and procedures involved in Bible translating. – Brill, 1964. – 331 p.

А.А. Шияпова

**ПЕРЕВОД ТЕКСТА: ОСОБЕННОСТИ
СМЫСЛООБРАЗОВАНИЯ**

Аннотация. Статья посвящена изучению процессов восприятия и понимания письменного иноязычного текста. Экспериментальное исследование с позиций психолингвистики помогает выявить особенности осмысления на разных этапах перевода, а также эксплицировать механизмы и стратегии образования смысла.

Ключевые слова: текст; восприятие; понимание; перевод; смысл; содержание; реципиент; пресуппозиция; импликация; стратегия.

A.A. Shiyapova
Text translation: specific features of sense generation

Abstract. Issues of perception and comprehension of a written foreign text are studied. Experimental research within psycholinguistic approach helps to reveal some specific aspects of comprehension at different stages of information perception and interpretation, and to explicit general mechanisms and strategies of text understanding used by recipients.

Keywords: text; perception; comprehension; interpretation; sense; content; recipient; presupposition; implication; mechanism; strategy.

Несмотря на многочисленные исследования проблемы понимания, лишь немногие работы посвящены изучению этого сложного процесса в условиях билингвизма. Между тем, существует мнение, что перевод является наиболее рациональным способом проверки понимания при изучающем чтении [Шелингер, 1989, с. 7]. Мы полагаем, что изучение процесса восприятия иноязычного текста в психолингвистическом аспекте позволяет, с одной сто-

роны, выявить особенности процесса смыслопорождения при чтении текста на иностранном языке, а с другой – внести дополнения и уточнения в описание механизмов понимания сообщения на родном языке.

В силу объективных причин процесс восприятия и дальнейшего понимания сообщения не представляется возможным наблюдать непосредственно. Это касается восприятия любого сообщения, в том числе, и иноязычного текста. О результатах понимания мы судим по конечному продукту – тексту перевода. Каким образом был получен этот результат, можно только предполагать. Мыслительная деятельность переводчика, связанная с обработкой информации на иностранном языке, представлена, как правило, в «очищенном» виде, как реализация наиболее верного – с точки зрения субъекта перевода – выражения мысли. Большинство исследователей, занятых данной проблематикой, главным приемом исследования выбирают сравнение оригинала и его перевода, т.е. сравнение конечного результата мыслительной деятельности автора и переводчика, в то время как сам процесс протекания этой деятельности остается по большей части «черным ящиком».

Отличительной особенностью восприятия иноязычного текста в сравнении с восприятием текста на родном языке является то, что в первом случае внешний текстовый уровень отнюдь не является прозрачным, как при чтении на родном языке, и зачастую представляет собой довольно серьезную преграду на пути к проникновению вглубь текста. Степень прозрачности зависит не только от языковой и неязыковой компетенций реципиента, но и, во многом, определяется типом воспринимаемого текста, его сложностью, внешней и внутренней [Пешкова, 2015]. Однако даже при наличии достаточного уровня языковых знаний далеко не все реципиенты иноязычного текста могут выдать сразу окончательный результат своего понимания.

Отсутствие изоморфизма между процессами понимания сообщения на родном и чужом языках, еще не означает, что между ними нет ничего общего, поскольку основной процесс смыслопорождения происходит на языке внутренней речи. При понимании текста реципиент постоянно решает задачу постижения смысла текста, т.е. проникновения в его внутреннюю структуру, опираясь на внешнюю структуру. Специалист читает текст не ради перевода, а с целью получения информации. Внешняя оболочка текста на иностранном языке затрудняет эту задачу, однако изучение этого

процесса позволяет эксплицировать некоторые механизмы понимания вообще и понимания иноязычного сообщения в частности.

Процесс создания текста перевода представляет собой последовательность мыслительных операций, обеспечивающих переход от текста оригинала (T1) к тексту перевода (T2). Восприятие и понимание текста являются начальным этапом в этом процессе. Они определяют характер промежуточного звена, отражающего результат понимания. Для одних текстов таким промежуточным звеном является план содержания, для других – смысловой план. Принципиальное различие между данными типами промежуточных звеньев заключается в принципе их формирования.

Принцип различий в механизмах формирования содержания и смысла текста лежит в основе теории смысла А.И. Новикова [Новиков, 2007], использовавшего также понятие «проекция», введенное Н.А. Рубакиным [Рубакин, 1929].

Под смысловой проекцией А.И. Новиков подразумевал «ментальное образование (концепт текста, смысл текста как цельность / связность), продукт процесса смыслового восприятия текста реципиентом, в той или иной мере приближающийся к авторскому варианту проекции текста» [Новиков, 2007, с. 113]. В соответствии с этим, содержание является результатом проекции текста на сознание, а смысл – это проекция сознания реципиента на текст [Новиков, 2007].

Исходя из приведенных выше определений содержания и смысла текста А.И. Новикова, можно предложить модель порождения текста перевода, которая представляет собой поэтапный переход от T1 к T2.

При этом данный процесс происходит неоднократно, носит «членочный» характер. В результате такого «членочного» движения формируется сложная ментальная презентация, которую Н.М. Нестерова называет «смысловым комплексом» [Нестерова, 2005. с. 103]. Это нашло подтверждение и в нашем экспериментальном исследовании.

Первая стадия перевода связана с переводом содержания исходного текста на язык внутренней речи, механизм которой А.И. Новиков называет основным механизмом понимания. Внутренняя речь «характеризуется, прежде всего, тем, что лишена той развернутости, которая свойственна внешней речи, особенно письменной, является сокращенной редуцированной» [Новиков, 2007, с. 66]. В процессе этого перехода происходит свертывание

информации до некой речевой схемы, которая удерживается в оперативной памяти. Эта схема представляет собой смысловой комплекс, «своеобразный экстракт» языковых частиц. Именно в таком переходе заключается понимание, переход к смыслу. Таким образом, результатом первой стадии перевода является возникновение предельно сконцентрированной смысловой свертки, полностью свободной от языковых средств выражения. Эта смысловая свертка, в свою очередь, соотносима с замыслом будущего текста перевода. Однако замысел на этом этапе еще не выражен вербальными средствами перевода. Данный этап понимания соответствует этапу формирования содержания текста оригинала.

После усвоения информации, заложенной в тексте, переводчик совершает обратный переход на поверхностный уровень текста, который анализируется в соответствии с возникшим представлением о внутренней структуре содержания. Эта стадия понимания характеризуется совмещением плана выражения и плана содержания, что необходимо для решения коммуникативной задачи перевода. Процесс переработки текста в процессе понимания сопровождается значительной перестройкой, преобразованием воспринимаемой информации. Кроме того, переводчик подключает эмоционально-оценочные и прагматические компоненты, что привносит в его проекцию текста черты индивидуальности. Результатом всех операций является формирование смыслового уровня понимания.

Поскольку переводу подвергаются не столько вербальные формы, сколько стоящая за ними предметная реальность, то большое значение приобретают пресуппозиционные и импликационные составляющие. Они присущи как структуре содержания текста, так и знаниям, которыми обладает переводчик, его языковому сознанию. К пресуппозиционным мы, вслед за Н.П. Пешковой, относим знания общего и энциклопедического характера (в том числе и языковые), знания предметной области и ситуации, представленной в тексте. Под импликацией подразумеваются «новые» знания, выводимые из содержания текста, а также невербализованная интенция автора [Текст и его понимание, 2010, с. 137]. По мнению Н.П. Пешковой, пресуппозиционный и импликационный компоненты, составляющие структуру содержания оригинального текста, хотя и «могут объединить по признаку “невербализуемости”, тем не менее, они имеют различную природу и играют несколько разные роли в интерпретации текста при его понимании и переводе» [Пешкова, 2005, с. 55].

Как известно, в ходе восприятия иноязычного текста реципиенты производят как минимум два основных варианта осмысливания информации, содержащейся в тексте (в действительности их количество может быть больше и ограничивается оно только индивидуальными характеристиками текста и особенностями воспринимающего субъекта). Первый, «черновой» и последний, «беловой» варианты представляются наиболее важными, поскольку они фиксируют начальный образ содержания и его конечный смысл. В связи с тем, что процесс понимания недоступен непосредственному наблюдению, анализ различий между этими вариантами перевода позволяет восстановить некоторые операции и механизмы понимания, используемые реципиентами в процессе восприятия иноязычного сообщения.

Процесс перевода начинается с этапа восприятия линейной структуры иноязычного текста (движение снизу-вверх). Реципиент расшифровывает знаки, содержащие эксплицитно выраженную информацию. На этом этапе реципиент актуализирует свои пресуппозиционные знания (знание языка), а в случае их нехватки часто прибегает к помощи словаря.

Вместе с тем параллельно происходит восприятие внутреннего содержания текста, ситуации, описываемой в тексте (движение сверху-вниз). Реципиент соотносит разные части текста между собой по содержанию, выделяет ключевые слова, т.е. слова, значимые для понимания. К операциям, производимым на данном этапе, относят также антиципацию, предугадывание последующего содержания.

Для понимания предметно-логического плана также необходимо привлечение пресуппозиций, но уже предметного (либо энциклопедического) характера. Если существует «большой разрыв между имеющимися знаниями и поступающей информацией», понимание не будет достигнуто [Серова, 2001, с. 57].

Наконец, на заключительном этапе восприятия текста реципиент актуализирует импликационную составляющую оригинального текста. Для этого ему, помимо упомянутого пресуппозиционного фактора, необходимы все знания, полученные как выводы из прочитанного, а также привлечение эмоционально-оценочного и прагматического планов.

Как показал проведенный нами ранее эксперимент [Авакян, 2008], процесс перехода от начального восприятия текста к окончательному пониманию, или от «чернового» варианта к «белово-

му», представляет собой переход от уровня формирования содержания на уровень смыслообразования. При этом реципиенты используют различные промежуточные операции преобразования одного варианта текста в другой.

Результаты данных преобразований не могут не отразиться на внешней эксплицитной стороне реализуемого текста перевода. Наши предположения согласуются с мнением А.И. Новикова о том, что «внешняя структура вторичного текста должна имплицитно содержать в себе “следы” интеллектуальной деятельности реципиентов» [Новиков, 2007, с. 123]. Выявление этих «следов» помогает эксплицировать предпринятые реципиентами индивидуальные стратегии понимания текста.

В своих работах А.И. Новиков определил две стратегии вербализации смысла – это «извлечение» и «приписывание» [Новиков, 2007, с. 108]. Мы разделили эти две стратегии в соответствии с этапами их применения и дополнили некоторыми новыми.

На первом этапе испытуемые создают черновой набросок перевода предъявленного им текста на английском языке. В ходе этого процесса активизируется *механизм формирования содержания* текста, проявляющийся в следующих стратегиях:

- стратегия «извлечения», другими словами, использование «эндо-лексики» (термин А.И. Новикова) [Новиков, 2007, с. 91–92], т.е. слов, содержащихся в исходном тексте;
- привлечение пресуппозиционного компонента, существующего одновременно в содержании текста и сознании реципиента.

На втором этапе, когда текст прочитан до конца, происходит переосмысление всей ситуации. В процессе порождения «белового» варианта перевода испытуемыми происходит реализация *механизмов смыслообразования*, включающих:

- стратегию «приписывания» – использование вариативных лексических средств, так называемой «экзо-лексики» (термин А.И. Новикова) [Новиков, 2007, с. 91–92], т.е. слов, обобщенных по отношению к лексике оригинала;
- реализацию импликационного компонента, т.е. включение в структуру содержания имплицитно присутствующей информации;
- стратегию домысливания («додумывания»);
- подключение эмоционального, оценочного, прагматического компонентов.

При этом нельзя не отметить, что процесс восприятия и понимания характеризуется индивидуальностью, поскольку личность

воспринимающего, его психическое состояние, энциклопедические и предметные знания, опыт, возраст и другие компоненты накладывают отпечаток на этот процесс [Шияпова, 2015, с. 241].

В заключение отметим, что наши экспериментальные исследования [Авакян, 2008; Шияпова, 2015] позволили подтвердить вывод о том, что механизмы эксплицирования содержания и смысла в процессе восприятия и понимания иноязычного текста сходны с механизмами понимания, действующими при чтении текста на родном языке. Однако в первом случае имеет место дополнительный уровень взаимодействия структуры содержания и поверхностной структуры, необходимый для дальнейшего адекватного преобразования текста оригинала в текст перевода (челночное движение). Иными словами, понимание, ориентированное на усвоение информации, сменяется пониманием, ориентированным на ее передачу. В процессе восприятия привлекаются пресуппозиционные и импликационные компоненты. При этом пресуппозиция является базой для реализации любой имплицитной информации. Психолингвистическое исследование процессов восприятия и понимания иноязычного сообщения, а также создания письменного текста перевода позволяет эксплицировать различные стратегии продуцирования смысла реципиентами.

Список литературы

Авакян А.А. Механизмы и стратегии понимания и перевода иноязычного текста: (На материале анализа вариантов перевода научно-популярного текста на английском языке): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2008. – 26 с.

Нестерова Н.М. Текст и перевод в зеркале современных философских парадигм. – Пермь, 2005. – 203 с.

Новиков А.И. Текст и его смысловые доминанты. – М., 2007. – 224 с.

Пешкова Н.П. О содержании и смысле текста в связи с проблемами его понимания и перевода // Теория и практика перевода и профессиональной подготовки переводчиков: Материалы Междунар. науч.-практич. конф. – Пермь, 2005. – С. 35–37.

Пешкова Н.П. Типология научного текста: Психолингвистический аспект: (На материале научных, научно-популярных и технических текстов). – 2-е изд., доп. и перераб. – Уфа, 2015. – 292 с.

Рубакин Н.А. Психология читателя и книги: Краткое введение в библиологическую психологию. – М.; Л., 1929. – 308 с.

Серова Т.С. Психология перевода как сложного вида иноязычной речевой деятельности. – Пермь, 2001. – 211 с.

Текст и его понимание: Теоретико-экспериментальное исследование в русле интегративного подхода / Пешкова Н.П., Авакян А.А., Кирсанова И.В., Рыбка И.Н. – Уфа, 2010. – 268 с.

Шелингер Н.А. Управление учебной деятельностью студентов и проблемы контроля // Интенсификация самостоятельной работы студентов, изучающих иностранные языки. – Л., 1989. – С. 3–8.

Шиянова А.А. Перевод – рождение нового текста // Теория и практика языковой коммуникации: Материалы VII Междунар. науч.-метод. конф. – Уфа, 2015. – С. 240–242.

V. ИНФОРМАЦИОННАЯ СТРУКТУРА ТЕКСТА И ЕГО ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА

Н.В. Васильева

ТЕКСТ НА ОБЛОЖКЕ КНИГИ: МЕСТО В КЛАССИФИКАЦИИ ВТОРИЧНЫХ ТЕКСТОВ

Аннотация. В статье с точки зрения лингвистики текста рассматривается текст на обложке книги (англ. *blurb*, нем. *Klappentext*, один из русских терминов *книжное рекламное эссе*), который не всеми исследователями признается вторичным. Перечисляются общие признаки этого типа текстов. Более подробные характеристики рассматриваются на примере книжных рекламных эссе к немецким переводам романов Милана Кундеры. Делается вывод, что данный тип текста можно классифицировать как нетипичный, но все же вторичный текст – «текст-бумеранг» с вариантной макроструктурой и ущербной когезивностью.

Ключевые слова: книжное рекламное эссе; *blurb*; нетипичный вторичный текст; «текст-бумеранг».

**N.V. Vasil'eva
Back cover text (blurb) as a text type in the classification
of secondary texts**

Abstract. The paper deals with the text type *blurb* (*Klappentext*, *книжное рекламное эссе*) considered from the point of view of text linguistics. General characteristics of *blurb* as a text type are given. More detailed textuality of *blurb* is demonstrated on the example of blurbs to the German translations of the novels by Milan Kundera. Textual analysis has shown that the text type *blurb* could be considered as a non-typical secondary text («boomerang-text») with variational macrostructure and defective cohesiveness.

Keywords: back-cover text; *blurb*; non-typical secondary text; «boomerang-text».

В мире вторичных текстов особый интерес представляют периферийные типы. Их атрибуция во многом зависит от того, каким родовым понятием пользуется исследователь, помещая этот текст в «большую» классификацию типов текстов (ср.: [Новиков, Сунцова, 1999; Нестерова, 2005, с. 77–92; Васильева, Агранович, 2006]). С этой точки зрения любопытно обратиться к одному, нельзя сказать, что новому, но пока что лингвистически не до конца исследованному виду вторичных текстов. Речь пойдет о тексте на обложке книги, призванном привлечь внимание потенциальногочитателя. Этот вид текста известен в практике издательского дела [Muth, 1966], а также в рекламной практике и маркетинге, где, собственно, и описываются его желательные свойства, ср.: [Бартон, 2008].

В практике издательского дела этот текст носит факультативный характер (в отличие, например, от обязательной аннотации), поэтому в отечественном книгоиздательстве для него некоторое время назад еще не было термина. В немецкой терминологии книжного дела (Buchwesen) имеется обозначение *Klappentext*, буквально – «текст на суперобложке». Карина Велли приводит дефиниции этого термина из немецких словарей издательского дела, в которых в качестве дифференциального признака указывается материальный носитель (обложка книги), а в качестве основной функции – информативность; в более поздних словарях добавляется рекламная функция [Welly, 2004, S. 133]. В английском языке с начала XX в. существует искусственное слово «*blurb*», созданное американским юмористом Дж. Берджессом (G. Burgess) в 1907 г., значение которого к концу XX в. определяется следующим образом: *a short description of a book, movie, or other product written for promotional purposes and appearing on the cover of the book or in an advertisement* «краткое описание книги, фильма или какого-либо другого продукта, созданного с целью продвижения на рынке и помещенного на обложке книги или в рекламе» [The new Oxford American dictionary, 2001, p. 185]. Сама деятельность по написанию таких текстов обозначается глаголом *to blurb*. Из научных терминов, появившихся в последнее десятилетие в отечественной лингвистике текста, отметим выражения «книжное рекламное эссе» и «рекламно-оценочное эссе» [Чахоян, Штейнберг, 2003], которые представляются нам весьма удачными, поскольку отражают в своей структуре дифференциальные признаки данного типа текста, а именно рекламность как общую интенцию и эссеистичность как свободную форму.

В настоящей статье мы ставим перед собой две цели. Во-первых, попытаться определить место данного типа текста среди других, близких ему. Для этого потребуется рассмотреть ряд родовых терминов, а также некоторые параметры, относящиеся к первичности / вторичности как макрохарактеристике текста. Во-вторых, провести анализ конкретной группы текстов, чтобы выявить, какова их структура и как она связана с коммуникативной интенцией. Термины *blurb* и «книжное рекламное эссе» мы будем употреблять как синонимы. Итак, если начать искать для интересующего нас *blurb* ближайший гипероним среди уже существующих терминов, определяющих типы и виды текста, то в зависимости от общего взгляда на вещи и с некоторой осторожностью можно обнаружить, по крайней мере, четыре таких термина.

Первый – это «тексты-примитивы», согласно концепции Л.В. Сахарного, изложенной в статье «Тексты-примитивы и закономерности их порождения» [Сахарный, 1991]. Не останавливаясь подробно на этих текстах (детальный разбор всей концепции содержится в работе [Новиков, Сунцова, 1999]), отметим главную черту, выделенную Л.В. Сахарным и подходящую для характеристики текста *blurb* (заметим, что ни Л.В. Сахарный, ни А.И. Новиков в рамках текстов-примитивов *blurb* не рассматривали): из основных свойств текста, каковыми являются связность и цельность, на первое место у текстов-примитивов выходит цельность (когерентность), а также принадлежность к некоторой парадигме текстов, где они сопоставимы по смыслу как тексты-синонимы. К интересующему нас типу текста данный тезис применим вполне.

Во-первых, в *blurb* когерентность явно преобладает над когезией, ср. тезис о «стилистической неоднородности» книжных рекламных эссе, различной «аранжировке» их компонентов [Чахоян, Штейнберг, 2003, с. 115], т.е. достаточно условной поверхностной связности. Сюда же можно отнести вариантность способов изложения [Пешкова, 2002, с. 143–151], допустимую в данном типе текста, которая является одной из его характеристик.

Во-вторых, сам признак когерентности для рекламных эссе является импликатом коммуникативной интенции: именно единым коммуникативным намерением обеспечивается идентификация каждого конкретного «экземпляра текста» (Textexemplar, ср. [Филиппов, 2003, с. 189–190] и как цельного текста, и как представителя типа текста *blurb*. Только в этом случае возможна та «сопоставимость по смыслу», о которой писал Л.В. Сахарный [Сахарный,

1991, с. 223]. Следует добавить, что парадигматизация текстов этого типа поддерживается весьма материальным признаком – локализацией на конкретном материальном носителе, которым является обложка книги (в настоящее время класс носителей существенно расширился за счет включения рекламных аннотаций онлайновых материалов, см.: [Бартон, 2008]).

Другим гиперонимом для книжных рекламных эссе можно считать термин *текст малой формы*, или *мини-текст*. В числе когипонимов по формальному признаку краткости оказываются тогда такие разные по коммуникативным установкам типы текстов, как транспарантные призывы, объявления, листовки и различные короткие рекламные тексты.

В качестве третьего потенциального гиперонима назовем введенный Т.М. Николаевой в научный обиход термин *авантекст*, который слагается (рассматривались примеры газетных текстов), «как максимум, из заголовка, аннотации-врезки и начала основного текста» [Вархала-Анишевски, Николаева, 2002, с. 82]. Как отмечают далее авторы, указанные элементы текста имеют тенденцию к содержательному слиянию, «так что создается как бы некий компактный мини-текст» [Вархала-Анишевски, Николаева, 2002, с. 82]. Мы считаем, что книжное рекламное эссе в большой степени обладает признаками авантекста, пока что рассмотренного только в текстовом пространстве газеты. Во-первых, для потенциального читателя *blurb* это «текст перед текстом», т.е. в персональной хронологии читателя *blurb* предшествует тексту книга, и в этом его отличие, например, от предисловия, которое только пространственно предшествует основному тексту: в личной хронологии читателя оно очень часто занимает постпозицию. Далее, то «содержательное слияние», которым характеризуется газетный авантекст, присуще и жанру *blurb*, в котором могут «сливаться», как мы покажем далее, пересказ содержания и цитаты из рецензий.

В-четвертых, нельзя не упомянуть ставшего в настоящее время весьма популярным термина Жерара Женетта *паратекст* [Genette, 1987]. Паратекстуальность в концепции Ж. Женетта относится к межтекстуальным связям – транстекстуальности (наряду с интертекстуальностью, метатекстуальностью, гипертекстуальностью и архитекстуальностью) и определяет отношения текста с его ближайшим окологлавочным окружением и с сопутствующими ему текстами (см. подробнее: [Капоче, 2014, с. 23]). При этом паратекст по признаку «внутренние / внешние отношения» делится на

два типа, ср.: «Отношение текста с его пограничными элементами, физически принадлежащими тексту (имя автора, эпиграф, посвящение, вступление и т.д.) Ж. Женетт называет перитекстом, а отношения текста с его окружением, находящимся вне текста, – эпитеческим (письма, интервью, дневники и т.д.)» [Капоче, 2014, с. 23]. Таким образом, мы имеем для книжного рекламного эссе еще один гипероним – *паратекст*.

Итак, при помощи гиперонимов о тексте типа *blurb* можно сказать следующее: это *мини-текст*, являющийся по отношению к тексту книги *авантекстом*, по характеру транстекстуальности – *паратекстом*, с явным предпочтением когерентных связей – когезивным. В данном определении, однако, отсутствует то главное, что на самом деле первым бросается в глаза при анализе этого типа текста и что – вне лингвистики – больше всего занимает умы маркетологов, а именно: коммуникативная интенция. Для ее определения необходимо ввести еще один гипероним, которым, без сомнения, является реклама. Точнее, *рекламность* как определенная коммуникативная стратегия: оценочное описание содержания, которое фактически представляет из себя *blurb*, преследует общую для всякой рекламы цель, а именно: воздействовать на адресата таким образом, чтобы он «*консумировал*» данную книгу. Как справедливо отмечают авторы очерка о диалектике текстов малых форм, к которым относятся и книжные рекламные эссе, содержащие оценку, «такая оценка книги может рассматриваться как реклама, но это реклама интеллектуальной продукции, а поэтому она имеет особый характер» [Чахоян, Штейнберг, 2003, с. 115]. Далее авторы рассуждают о принципиальной «невторичности» текстов типа *blurb*. Это рассуждение мы приведем полностью, чтобы проанализировать и отчасти оспорить. «Поскольку реклама книги включает в себя основной, с точки зрения издателя (или ее автора), компонент содержания, то возникает соблазн отнести такой текст к текстам вторичного типа, однако приводимый в рекламе книги компонент описания содержания является лишь отправной точкой для создания свободного первичного текста воздействующего характера. Таким образом, первой особенностью рекламного оценочного текста книги (*blurb*) является то, что в нем коммуникативное содержание преобладает над семантическим, что и позволяет рассматривать данные тексты как первичные» [Чахоян, Штейнберг, 2003, с. 115]. Соглашаясь с тем, что в данном типе текстов коммуникативная установка является доминантой и целиком под-

чиняет себе содержательную структуру текста (что у авторов передано с помощью неудачных, на наш взгляд, терминов «коммуникативное» vs «семантическое содержание»), мы не можем считать этот признак достаточным для того, чтобы квалифицировать *blurb* как первичный текст. Если принять аннотацию за прототипический вторичный текст, являющийся репродукцией первичного текста [Агранович, 2006, с. 14], то *blurb* можно представить как сумму «аннотация + оценка + призыв» и тем самым отнести к периферии понятийной категории «вторичный текст», но не лишать его полностью статуса вторичности, как это делают Л.П. Чахоян и Н.А. Штейнберг.

Отметим, что ближе всего к книжному рекламному эссе стоят тексты, сообщающие о скором выходе книги. Этот тип теста в немецкой терминологии называется *Buchankündigung*, и, согласно Розмари Глазер, относится к вторичным текстам [Gläser, 1990, S. 113–117].

Прежде чем рассмотреть конкретные примеры, представим себе условную фигуру автора-составителя *blurb*. Даже если рекламное эссе содержит исключительно цитаты, их подбор и «аранжировка» принадлежат автору-составителю. Однако в отличие от автора предисловия к книге, автор *blurb*, как правило, аноним (есть, конечно, разные тенденции). Анонимность позволяет ему, с одной стороны, занять позицию «всезнающего нарратора» и с имитацией абсолютной объективности проводить свою на самом деле оценочную текстовую деятельность. С другой стороны, анонимность позволяет варьировать фокус эмпатии и занимать разные позиции по отношению к тексту, в том числе и позицию самого адресата.

Рассмотрим в качестве примеров тексты рекламных эссе переводов на немецкий язык книг Милана Кундера – чешского писателя, с середины 70-х годов XX в. живущего во Франции и с середины 90-х годов пишущего на французском языке. М. Кундера больше всего известен как автор романа «Невыносимая легкость бытия», написанного на чешском языке в 1982 г. и впервые опубликованного на французском в 1984 г. (мировой известности этого романа в немалой степени способствовал фильм Фила Кауфмана 1987 г.). Рекламное эссе перевода этого романа на немецкий язык в начале 90-х годов (издательство «Fischer») выглядит следующим образом.

Текст 1

Die verschlungene Liebesgeschichte zwischen Tomas und Teresa gibt den Rahmen ab für einen der witzigsten und intelligentesten Romane der vergangenen Jahre, der zugleich Leselust und höchste intellektuelle Ansprüche befriedigt. «Захватывающая история любви Томаса и Терезы становится основой одного из самых остроумных и тонких романов последних лет, который одновременно утоляет жажду чтения и отвечает самым высоким интеллектуальным запросам».

Данный *blurb* размером в одно предложение (Ein-Satz-Text, по Э. Верлиху [Werlich, 1975]) написан от лица «всезнающего наратора», и в нем в концентрированном виде содержатся следующие типы информации:

1) фабульная «любовная история»; при этом даны собственные имена, и непривычное для западноевропейского читателя написание имен *Tomas* без «h» (в чешском тексте это – *Tomas*) уже несет в себе элемент интриги;

2) оценивающая («остроумный и интеллектуальный роман»);

3) позиционирующая книгу во времени (написана некоторое время назад, что предполагает определенную известность и избавляет от необходимости информировать более подробно). Но главным, на наш взгляд, в этом *blurb* является уверение читателя в том, что книга, которую он держит в руках, одновременно утоляет жажду чтения и удовлетворяет высочайшим интеллектуальным требованиям. Таким образом, аморфная масса адресатов разделяется с помощью данного текста на два класса, к каждому из которых адресату принадлежать не зазорно. Грамматическим средством, помогающим реализации коммуникативной стратегии оценки и воздействия, здесь выступают оценочные суперлативы (*der witzigste und intelligenteste Roman* «самый остроумный и тонкий роман», *höchste intellektuelle Ansprüche* «самые высокие интеллектуальные запросы»); из риторических средств можно назвать фигуру «мягкой» антитезы [Lausberg, 1990, S. 125–126], ср. *witzig* vs. *intelligent* «остроумный vs. тонкий», *Leselust* vs. *höchste intellektuelle Ansprüche*, «любовь к чтению vs. самые высокие интеллектуальные запросы».

Следующее рекламное эссе относится к немецкому переводу написанного уже по-французски в 1994 г. романа М. Кундеры «Неспешность» (в нем. переводе «Die Langsamkeit»), опубликованному в 1998 г. в издательстве «Fischer» со следующим текстом на об-

ложке (расположение строк и интервалы между ними являются значимыми).

Текст 2

Wo viele Menschen zusammenkommen, bleibt erotisches Knistern nicht aus.

In einem französischen Edellandgasthof treffen Teilnehmer eines internationalen Symposiums aufeinander, darunter Medienleute und Pariser Schickeria-Intellektuelle und ein Ehepaar, das nichts anderes möchte, als ein genüssliches Wochenende zu verleben. Keineswegs wollen alle immer nur das eine, manche aber schon. Nur ein Chevalier und seine Gespielin, die sich aus ihrer Rokoko-Novelle «Nur eine Nacht» in diese gemischte Gesellschaft verirrt haben, verbringen eine fröhliche Liebesnacht. Diese beiden haben Phantasie und Geduld genug, sich für ihre Liebesspiele Zeit zu lassen.

«Ein virtuoses Kunststück romanesk Verführung, ein kleines Meisterwerk der temperierten Leselust». *Süddeutsche Zeitung.*

«Где сходится вместе много людей, там не избежать любовных искр.

В одном изысканном французском загородном отеле встречаются участники международного симпозиума, среди них – медийные персонажи и парижская интеллектуальная тусовка, а также одна супружеская пара, которая всего лишь хочет насладиться уик-эндом. Отнюдь не все хотят только одного, но таких достаточно. Только шевалье и его подруга, которые по ошибке попали в это пестрое общество из французской рококо-новеллы “Только одна ночь”, весело проводят ночь любви. У них достаточно фантазии и терпения, чтобы неспешно и с удовольствием предаться любовным играм».

«Виртуозный изыск обольщения в романском стиле, маленький шедевр для хорошо темперированного чтения». «Зюдойче цайтунг».

Это рекламное эссе состоит из трех частей (Teiltexte). Первая часть представляет собой генерализованное высказывание, афоризм, утверждающий о непременном возникновении эротического напряжения там, где собирается много людей. Это высказывание, пока еще на «голом месте», задает в читательском восприятии тему эротики и тему некоторого «собрания людей». Во второй части, кратко описывающей содержание романа, абстрактно заданное

выше «собрание людей» эксплицируется как загородный отель, в котором собралась весьма пестрая публика. Содержание пересказывается без ввода какого-либо аксиологического компонента. Оценку содержит третья часть *blurb*. Это цитата из авторитетного источника, из которой следует, что перед читателем настоящий шедевр. Адресат данного рекламного эссе, с одной стороны, получает информацию о содержании романа, а с другой, уверение, что книга непременно заслуживает прочтения. Помещение текста, содержащего оценку, под текстом с изложением содержания можно считать искусственной имитацией работы читательского восприятия: оценка после прочтения.

Обратимся далее к рекламному эссе романа «Подлинность», который был написан М. Кундерой в 1996 г. на французском языке и переведен год спустя на немецкий («Die Identität») в издательстве «Fischer».

Текст 3

Und ich frage mich: wer hat geträumt? Wer hat diese Geschichte geträumt? Wer hat sie sich ausgedacht? Sie? Er? Beide? Jeder für den anderen?»

«Mit Mut, Ironie, slawischer Melancholie und französischem Esprit hat Milan Kundera den abstrakten Topos der Identität in einem der schönsten Liebesromane versteckt, die im letzten Jahrtausend geschrieben worden sind». Welt am Sonntag.

«Liebe rettet, Liebe verrät». Die Zeit.

«И я задаюсь вопросом: кому это приснилось? Кому приснилась эта история? Кто ее выдумал? Она? Он? Оба вместе? Каждый для другого?»

«Смело, со славянской меланхолией и французским интеллектуальным изяществом Милан Кундера спрятал абстрактный топос идентичности внутри одного из самых прекрасных любовных романов, написанных в последнем тысячелетии». «Вельт ам зоннтаг».

«Любовь спасает, любовь предает». «Ди Цайт».

Этот текст также состоит из трех частей, но, в отличие от предыдущего, часть, содержащая генерализованное высказывание («любовь спасает, любовь предает»), является завершающей. В качестве первой части приводится цитата из самого М. Кундеры, однако без ссылки на него, согласно принципу *sapienti sat*: умный

читатель легко опознает любимый кундеровский прием нагнетания вопросов. Центральная часть этого *blurb* представляет собой цитату из авторитетного источника, где говорится, что автору удалось искусно запрятать абстрактный топос тождества / идентификации в рамки одного из самых прекрасных любовных романов последнего тысячелетия (sic!). Сочетания «славянская меланхолия» и «французский дух», оставленные без комментариев, предполагают наличие у потенциального читателя знаний о жизни и судьбе самого Милана Кундеры. Таким образом, данное рекламное эссе явно имеет в виду адресата, читающего и почитающего М. Кундеру, знакомого с его характерными приемами и стилем.

Рассмотрим далее рекламное эссе романа «Вальс на прощание». Он был написан М. Кундерой на чешском языке в 1970–1971 гг., немецкий перевод «Abschiedswalzer» вышел в 1998 г. в издательстве «Deutscher Taschenbuch Verlag».

Текст 4

In diesem Moment drängte sich eine schöne junge Frau zum Podium vor, und als Klima sie sah, glaubte er, ohnmächtig zusammenzubrechen und nie mehr aufzuwachen. Sie lächelte ihn an und sagte: «So spiel doch! Spiel!».

In einem Kurort von angejaehrtem Charme umarmen sich acht Personen im Rhythmus eines Walzers, der immer schneller wird... Ein «Sommernachtstraum», ein «schwarzes Vaudeville». Die ernsthaftesten Fragen werden hier mit einer Leichtigkeit gestellt, die uns begreifen lässt, dass uns die moderne Welt selbst um das Recht auf das Tragische gebracht hat.

«Но тут к сцене протиснулась молодая красивая женщина, и Клима, увидев ее, почувствовал, что вот-вот рухнет, потеряет сознание и уже никогда не придет в себя. Улыбаясь ему, она говорила: “Ну, сыграй! Сыграй еще!”

На одном прелестном старомодном курорте восемь человек, обнявшись, кружатся в ритме вальса, который все ускоряется.... «Сон в летнюю ночь», черный водевиль. Самые серьезные вопросы задаются здесь с такой легкостью, которая дает нам понять, что современный мир сам лишил нас права на трагическое».

Текст этого рекламного эссе состоит из двух частей. Первый мини-текст является цитатой из романа (маркирована кавычками), которая служит приемом введения адресата *in medias res* событий,

одновременно позволяя представить себе protagonистов. Так, читатель еще не знает, кто такой Клима, но из короткого текста читатели уже следуют, что это персонаж мужского пола, имеющий отношение к искусству (стоит на сцене и играет), а также то, что в его биографии был драматический эпизод, связанный с женщиной. Способный к выводному знанию читатель уже из первой части получает достаточно информации.

Следующий мини-текст графически един, но содержательно распадается на три части. В первом предложении говорится о восьми персонажах, которые кружатся в вальсе в маленьком курортном городке. Предложение заканчивается многоточием. Перед нами, таким образом, риторическая фигура под названием *апосиопеза*, или фигура умолчания [Lausberg, 1990, S. 136], после которой адресант волен перейти к другой теме, что и делается во втором предложении, содержащем общую характеристику положения дел, путем интертекстуальной отсылки к шекспировской комедии «Сон в летнюю ночь» и к жанру «черный водевиль». Затем в третьем предложении следует оценка умения автора с легкостью ставить трудные вопросы. Заметим, что слово «легкость» в любых текстах, относящихся к творчеству М. Кундера, является аллюзивно очень нагруженным и несет в себе сильный заряд внутренней интертекстуальности. Далее отметим, что в последнем предложении употреблено инклузивное «мы», что можно интерпретировать, с одной стороны, как навязывание говорящим своей позиции, с другой, – как отождествление говорящего с адресатом, т.е. изменение фокуса эмпатии.

И последний текст – рекламное эссе книги «Смешные любови», которую М. Кундера завершил на чешском языке в 1969 г. Немецкий перевод «Das Buch der lächerlichen Liebe» вышел в 1999 г. в издательстве «Fischer».

Текст 5

Im «Buch der lächerlichen Liebe» erzählt Milan Kundera von den merkwürdigsten Sehnsüchten und komischen Begierden mit dem allen Witz und all der Passion, die ihn seit dem Erscheinen seines Romans «Die unerträgliche Leichtigkeit des Seins» weltberühmt gemacht haben.

«В книге “Смешные любови” М. Кундера рассказывает о самых странных чувствах и смешных желаниях со всем юмором и

страстью, которые сделали его всемирно известным после публикации романа “Невыносимая легкость бытия”».

Этот очень короткий мини-текст в одно предложение не содержит никаких инферентных подводных камней, т.е. читателю не нужно проделывать работу по выводу знаний: он просто получает информацию о том, какие темы («странные и смешные любови») и как («со всем юмором и страстью») обсуждает автор, получивший мировую известность после романа «Невыносимая легкость бытия». Данный *blurb* из всех обсуждаемых текстов можно считать самым «скучным» в силу его одноплановости. Здесь нет цитирования (из самого текста или из рецензий), т.е. нет той полифонии, которая характеризует «продвинутые» рекламные эссе. Тем не менее, свою функцию коммуникативного воздействия на адресата даже такой экземпляр рекламного эссе выполняет, на наш взгляд, весьма успешно. Под коммуникативным воздействием понимается «спланированное воздействие на знания (когнитивный уровень), отношения (аффективный уровень) и намерения (конативный уровень) адресата в нужном для адресанта направлении» [Пирогова, 2001, с. 209].

Таким образом, даже такая гомогенная группа текстов, как рекламные эссе на книги одного автора, демонстрирует большое разнообразие приемов (как когнитивно-манипулятивных, так и стилистических) [Васильева, Агранович, 2006, с. 90–91]. Перечислим эти приемы:

- пресуппонирование некоторого знания, (выгодно) отличающего читателей данного типа литературы от прочих;
- вытекающая из этого скрытая лесть «понимающему» читателю;
- перепорученная оценка (цитирование авторитетов);
- пристрастный пересказ: эксцерпция только интересных эпизодов и линий повествования;
- использование фигуры умолчания (апосиопезы);
- использование генерализованных высказываний с ключевыми словами-темами текста;
- интертекстуальность: как узкая – отсылка к текстам того же автора, так и широкая – отсылка к текстам мировой литературы;
- языковые средства положительной и гиперположительной оценки (суперлативы);
- использование инклузивного «мы» для манипулирования личной сферой адресата.

Следует помнить, что полигоном для стратегического применения всех названных приемов служит текст очень малого объема, поэтому написание прагматически грамотных *blurb* предполагает некоторые навыки и умения. В сфере Public Relations, например, существует своя классификация *blurbs*, понимаемых как рекламные аннотации к онлайновым материалам, обеспечивающие «продажу» материала. В переводе одного из текстов популярного в конце 90-х годов XX в. американского маркетолога Эрнеста Барттона классификация *blurbs* («блербов», анонсов – термина устойчивого не было) выглядит так: 1) анонс-привокация, 2) анонс-цитата, 3) анонс-история, 4) анонс-перспектива, 5) анонс-интрига, 6) анонс-вопрос [Бартон, 2008].

Подводя итог, вернемся к вопросу о первичности или вторичности рекламного эссе книги как типа текста. Если угодно, *blurb* можно назвать «текстом-бумерангом»: *blurb* отталкивается от первичного текста и к нему же возвращается, заставляя адресата прочесть этот первичный текст. Если оценивать данный тип текста только с точки зрения коммуникативного намерения (а это будет призыв даже не столько к прочтению книги, сколько к ее приобретению), то перед нами явная реклама, которую принято относить к текстам первичным. Если же квалифицировать эти тексты по компонентам макроструктуры содержания (краткий пересказ, мини-рецензии, цитация), то перед нами тип явно вторичного текста. Таким образом, тип текста *blurb* относится к типам текстов с нечетко выраженной макроструктурой, но с очень четко представленной коммуникативной стратегией, на которую «работают» разнообразные языковые средства. Таким образом, *blurb*, или *Clappentext*, или *книжное рекламное эссе* можно квалифицировать как нетипичный, но все же вторичный текст, и в классификации вторичных текстов отвести ему место на периферии, помня при этом, что и в классификации рекламных текстов для *blurb* тоже найдется свое место.

Список литературы

Агранович Н.Б. Вторичные тексты в коммуникативно-когнитивном аспекте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2006. – 23 с.

Бартон Э. Составление аннотаций для онлайновых материалов // Журнал «PR в России». – М., 2008. – № 12. – Режим доступа: <http://www.marketing.spb.ru/lib-comm/internet/blurb.htm> (Дата обращения: 20.11.2017.)

Вархала-Анишевски М., Николаева Т.М. Семантическая компрессия – тенденция современного текста // Вавилонская башня: Слово. Текст. Культура: Ежегодные Междунар. чтения памяти кн. Н.С. Трубецкого. – М., 2002. – С. 63–94.

Васильева Н.В., Агранович Н.Б. Из опыта анализа: Об одном нетипичном вторичном тексте // С любовью к тексту: Коллект. монография памяти профессора А.И. Новикова. – Уфа, 2006. – С. 82–92.

Капоче Н. Поэтика писем Марины Цветаевой. – Вильнюс, 2014. – 194 с.

Нестерова Н.М. Текст и перевод в зеркале философских парадигм. – Пермь, 2005. – 203 с.

Новиков А.И., Сунцова Н.Л. Концептуальная модель порождения вторичного текста // Text processing and cognitive technologies. – М.; Пущино, 1999. – № 3. – С. 158–166.

Пешкова Н.П. Типология научного текста: Психолингвистический аспект. – Уфа, 2002. – 261 с.

Пирогова Ю.К. Имплицитная информация как средство коммуникативного воздействия и манипулирования: (На материале рекламных и PR-сообщений) // Scripta linguisticae applicatae: Проблемы прикладной лингвистики, 2001: Сб. статей. – М., 2001. – С. 209–227.

Сахарный Л.В. Тексты-примитивы и закономерности их порождения // Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. – М., 1991. – С. 221–237.

Филиппов К.А. Лингвистика текста: Курс лекций. – СПб., 2003. – 336 с.

Чахоян Л.П., Штейнберг Н.А. Диалектика текстов малых форм: (На материале книжных рекламных эссе) // Диалектика текста: В 2-х т. – СПб., 2003. – Т. 2. – С. 112–131.

Genette G. Seuils. – P., 1987. – 389 p.

Gläser R. Fachtextsorten im Englischen. – Tübingen, 1990. – 331 S. – (Forum für Fachsprachen-Forschung; Bd 13).

Lausberg H. Elemente der literarischen Rhetorik. – 10. Aufl. – Ismaning, 1990. – 169 S.

Muth L. Kleine Theorie des Klappentextes // Börsenblatt für den deutschen Buchhandel. – Frankfurt a.M., 1966. – Jg. 22, N 78, 30 September. – S. 2101–2211.

The new Oxford American dictionary/ Ed. By Jewell E.J., Abate F.R. – 1. Edition. – Oxford, 2001. – 2192 p.

Welly C. Literarische Begegnungen mit dem Fremden: Intranationale und internationale Vermittlungen kultureller Alterität am Beispiel des Erzählwerks Miguel Angel Asturias. – Würzburg, 2004. – 270 S.

Werlich E. Typologie der Texte: Entwurf eines textlinguistischen Modells zur Grundlegung einer Textgrammatik. – Heidelberg, 1975. – 140 S.

М.В. Томская
ИНФОРМАТИВНОСТЬ
АКАДЕМИЧЕСКИХ ПРЕЗЕНТАЦИЙ¹

Аннотация. В статье рассматриваются академические презентации, созданные при помощи мультимедийных программ, как особая форма трансляции нового научного знания. На данном этапе развития технологий презентация становится наиболее распространенным способом передачи информации в академическом дискурсе, что обусловлено, в том числе, особенностями восприятия информации современным человеком.

Ключевые слова: академическая презентация; полимодальный текст; информационная насыщенность; информативность; визуализация.

M.V. Tomskaya
Informative value of academic presentations

Abstract. The article focuses on academic presentations created with the help of multimedia programmes. The presentation is regarded as a special form of new academic knowledge representing. At present stage of technology development presentations are becoming the most common means of transmitting information in academic discourse, including due to peculiarities of data perception by the man of today.

Keywords: academic presentation; multimodal text; information richness; informative value; visualization.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта № 14-48-00067-П.

Введение

Текст как объект изучения всегда привлекал специалистов разных областей знания. Текст можно рассматривать как информационное единство, его можно анализировать как продукт речемыслительной деятельности субъекта, текст изучается как высшая коммуникативная единица и т. д., что свидетельствует о многогранности текста как объекта исследования (см. работы А.А. Леонтьева, И.Р. Гальперина, Н.Д. Арутюновой, О.Л. Каменской, Т.М. Николаевой, Ю.А. Сорокина, А.И. Новикова и др. зарубежных и отечественных исследователей).

Говоря об информационной структуре текста, нельзя не вспомнить труды Анатолия Ивановича Новикова – ученого, который посвятил свой научный путь поиску «смысла текста». Исследователь отмечал, что применительно к тексту смысл есть одна из наиболее важных составляющих его семантики. Чтобы рассмотреть природу смыслообразования в процессе восприятия и понимания текста, ученый предложил обратиться к принципу доминантности, который во многом объясняет природу смысла [Новиков, 2007].

На уровне порождения «именно смысл программирует отбор и распределение языковых единиц и тем самым задает ту или иную форму текста. При понимании смысл также играет существенную роль, будучи не только результатом его декодирования, но и средством такого декодирования» [Новиков, 1999, с. 134].

Как отмечают ученики и последователи А.И. Новикова, ему удалось найти ту демаркационную линию, которая разделяет содержание и смысл текста: «содержание – это проекция текста на сознание, а смысл – это обратная проекция сознания на текст» [Нестерова, 2016, с. 171].

Интерес к информационной структуре текстов сохраняется на протяжении длительного периода, это подтверждается не только публикацией многочисленных работ по проблематике, но и проведением различных научных форумов, призванных систематизировать и интегрировать представления об информационной структуре, включающих разработку методологии исследования, изучение особенностей информационной структуры в текстах разных жанров, а также ее изменения в различные исторические периоды. Кроме того, внимание уделяется способам введения новой информации в различных коммуникативных ситуациях, специфике

ее адресации в связи с информационной структурой, актуальному членению предложения в различных типах текста, соотношению имплицитной и эксплицитной информации [Логический анализ языка, 2016].

Нам представляется целесообразным рассмотреть информационную структуру и ее преобразование с максимально возможным сохранением информативности на примере текстов, имеющих онтологическую и прагматическую значимость, а именно на материале академических презентаций как одного из жанров научного дискурса.

Научная коммуникация как особая форма функционирования института науки

Научная коммуникация как институциональное общение обслуживает социальный институт науки, который выполняет функцию производства, накопления, распространения и использования новых знаний.

Научная коммуникация охватывает ряд задач, среди которых выделяются: «1) информирование членов научного сообщества о достижениях в тех или иных исследовательских областях; 2) обеспечение научной деятельности информацией; 3) легитимация той или иной научной практики, того или иного научного видения; 4) профессиональная социализация ученых, в том числе формирование отношения к себе» [цит. по: Томская, 2010, с. 204].

Научная коммуникация состоит из научных событий, к наиболее значимым из которых относятся научные форумы, конференции, симпозиумы, где ученые представляют, как правило, результаты своих исследований [Томская, 2016]. В рамках научной конференции, которая рассматривается нами как коммуникативное событие, все названные выше задачи реализуются в полной мере.

Научное сообщество, являющееся «добровольной ассоциацией индивидуальностей, посвятивших себя трансцендентной цели – продвижению знания», как отмечает Дж. Зиман [Ziman, 1968, р. 96], может опираться только лишь на усилия каждого соблюдать заявленные нормы научного ethos, сформулированные Р. Мertonом (универсализм, всеобщность, незаинтересованность, организованный скептицизм) [Перлов, 2007, с. 137–138]. Научное сообщество

также наделено правом определять, что есть истина, т.е. «истинное знание».

Сама научная конференция может рассматриваться как некое макрособытие, состоящее из микрособытий, в качестве которых могут служить пленарные и секционные доклады участников конференции. Пленарные доклады, несомненно, более значимы, так как они по сценарию должны определять основное направление конференции, выраженное в ее названии, являться некой точкой отсчета для дальнейшего разворачивания коммуникативного события «научная конференция» [Томская, 2016].

В пленарных, а затем и в секционных, докладах должно быть в том или ином виде представлено знание, которое должно быть признано научным сообществом в качестве нового. Поэтому доклад на научной конференции становится событием, приобретающим символическое значение как своеобразный коммуникативный акт в процессе институционализации нового знания.

Процессы институционализации построены на языке и используют язык как свой главный инструмент. Так, регламентированность как основной признак институциональности в речевом поведении проявляется в ряде аспектов, прежде всего, в клишированности речи. Клише – речевые стереотипы, готовые обороты, используемые в качестве легко воспроизведимого в определенных коммуникативных условиях речевого стандарта. Например: *Уважаемые коллеги, позвольте представить Вашему вниманию доклад на тему...* (в ситуации «научная конференция») или *Доклад посвящен проблеме изучения...* (в аннотации к публикуемому докладу) и т.п.

Институциональный контекст научного дискурса характеризуется активным использованием терминологии из соответствующей области – так называемого «метаязыка науки», т.е. профессионального языка, под которым понимается, во-первых, язык, употребляемый учеными в устной и письменной коммуникации, а во-вторых, терминология, ставшая частью профессионального словаря.

М. Морек и В. Хеллер, систематизируя и анализируя труды исследователей, занимавшихся проблематикой академического дискурса, рассматривают академический язык в трех ипостасях: 1) как средство для передачи знаний; 2) как инструмент мышления; 3) как средство доступа в среду и визитную карточку. В каждой из трех ипостасей академический язык выполняет различные

функции. Так, коммуникативная функция является доминирующей при передаче знаний. Эпистемическую функцию академический язык выполняет, являясь инструментом мышления. Как средство доступа в среду академический язык способствует воспроизведению академического неравенства. К данной ипостаси примыкает роль визитной карточки, которую играет академический язык, выполняя при этом социально-символическую функцию, т.е. функцию средства социального позиционирования [Morek, Heller, 2012].

Академическая презентация как транслятор нового знания

В современном мире электронная коммуникация проникла во все сферы социальной жизни и стала ее неотъемлемой частью. В информационном обществе XXI в. использование медиатехнологий уже стала необходимостью. Так, А. Г. Пастухов, рассматривая современный научный ландшафт, констатирует, что в результате интенсивного развития современных медиа их взаимодействие с наукой принципиально изменилось – наблюдается смещение в сторону медиализации науки, что ведет к поиску способов представления комплексного, мультиформатного научного гуманитарного знания. Автор предполагает, что развитие информационных и медийных технологий в науке вызовет «некие новые, основополагающие изменения в общем коммуникативном опыте современного человека» [Пастухов, 2012, с. 50].

Согласно статистике, ежедневно 400 миллионов человек по всему миру используют программу Power Point для создания презентаций. Академическая презентация, созданная с использованием этой программы (или других аналогичных программ), рассматривается как особый жанр в рамках научного дискурса, представляющий собой «текст, оформленный как комплексный монолог с элементами диалогизации, в котором перед докладчиком стоит задача представления новых знаний, расширяющих культурный, научный и общественно-политический кругозор слушателей» [Иванова, 2001, с. 72].

Для реализации этой задачи в презентации одновременно используются различные коммуникативные составляющие, такие как устная и письменная речь, жесты и мимика докладчика, разнообразные способы визуализации проецируемой информации, т.е.

академическая презентация является текстом с неоднородной структурой.

В лингвистике существует ряд альтернативных терминов для обозначения текстов с неоднородной структурой. В их названиях прослеживается доминирующий аспект, на который хочет обратить внимание исследователь, например, «креолизованный текст» [Сорокин, Тарасов, 1990], «иконотекст» [Волоскович, 2012], «поликодовый текст» [Ейгер, Юхт, 1974]. Последний термин представляется более предпочтительным для рассмотрения академических презентаций, поскольку в этом случае невербальные компоненты являются самостоятельными носителями информации, вследствие чего вносят дополнительный оттенок значения [Черняевская, 2009].

Тексты, при (де)кодировании которых задействованы разные каналы (модусы), обозначаются нами как полимодальные тексты.

В большинстве исследований до сих пор принято разграничивать два понимания модальности и, соответственно, две полимодальности. В социосемиотике, когнитивной лингвистике, нейронауках, информатике, психологии перцептивного восприятия модальность трактуется как канал получения и обработки информации – вербальный, визуальный, аудиальный, тактильный и др. Такое понимание обычно противопоставляется «узкому» (чаще всего грамматическому) взгляду на модальность как на сугубо языковое явление – как на грамматическую или pragматическую категорию, соотносящую высказывание с действительностью с точки зрения говорящего [Ирисханова, 2012, с. 63].

Как отмечает О.К. Ирисханова, в современных исследованиях существует определенный методологический разрыв между социосемиотикой полимодальности, традиционными лингвистическими теориями модальности и когнитивной семантикой, который может быть преодолим, так как при всех различиях «широкий» и «узкий» подходы к модальности и полимодальности не являются взаимоисключающими и могут быть объединены общей методологией – социокогнитивной.

По мнению исследователя, подобное объединение возможно уже хотя бы потому, что и «семиотические», и «грамматические», и когнитивные теории (поли)модальности имеют общие корни. Они восходят прямо или косвенно к единым истокам: 1) эпистемологическим идеям средневековых спекулятивных грамматик (Мартин Дакийский, Томас Эрфуртский; 2) модальной логике

Д. Дэвидсона, С.А. Крипке, Я. Хинтикка, Г. фон Вригта, Н.Д. Арутюновой и др. Философы и логики, обратившись к модусам и модальностям, показали, что, с одной стороны, человек может регулярно обозначать в грамматике языка разные способы существования и познания мира; с другой, – человек может общаться в разных социальных контекстах, выражая и совмещая различные модальные значения (грамматические и иллокутивные). Таким образом, в исследованиях (поли)модальности в языке были изначально заданы три важнейших вектора – когнитивный, системный и социопрагматический [Ирисханова, 2012, с. 63–64].

Вслед за О.К. Ирисхановой, мы понимаем полимодальность как совмещенность в тексте нескольких модальностей, отталкиваясь при этом от полимодальности семиотической (как совмещение разных способов (де) кодирования информации – вербальных, графических, музыкальных, математических, жестовых и др.). Полимодальность семиотическая может стать катализатором полимодальности языковой. Последняя – это совмещенность нескольких грамматических и/или нескольких иллокутивных модальностей, выражаемых лексическими, синтаксическими и нелингвистическими средствами. В поликодовых текстах академической презентации все виды полимодальности тесно взаимодействуют.

Рассмотрим компоненты академической презентации как семиотического единства:

- адресант – докладчик, лектор, исследователь;
- адресат – аудитория, состоящая либо из коллег-профессионалов, либо из молодых ученых, только вступающих в мир науки (т.е. непрофессионалов);
- сообщение – непосредственно новое научное знание, которым стремится поделиться исследователь;
- канал связи – аудиальный или аудиально-визуальный;
- код – вербальный или вербально-визуальный (например, наличие схем, графиков, диаграмм) [Томская, Зайцева, 2017].

Все компоненты могут комбинироваться в академических презентациях в различных соотношениях.

Так, М. Дынковска, Х. Лобин и В. Ермакова провели экспериментальные исследования различных видов презентаций научных докладов. По их мнению, главным свойством научной презентации является ее полимодальность, т.е. «одновременное использование различных коммуникативных элементов, таких, как устная и письменная речь, жесты и мимика лектора или докладчика, разно-

образные способы визуализации проецируемой информации, а также видео- и аудиодокументы» [Dynkowska, Lobiń, Ermakova, 2012, S. 40]. Для анализа наиболее актуальными представляются следующие виды модальности: языковая, визуальная и перформативная. Языковую модальность создают элементы устного доклада, т.е. речь докладчика, тогда как визуальная модальность создается при помощи слайдов, которые могут содержать как текстовые элементы, так и изображения, графики, видеосюжеты и т.п. В формировании перформативной модальности участвует невербальное поведение докладчика, прежде всего язык его тела (жесты, мимика и т.д.), а также шрифтовое оформление, дизайн текста.

Целью экспериментальных исследований было получение новых данных о способе оптимальной передачи информации при помощи презентаций.

Для достижения цели к докладу на тему «Основы семантической паутины» («Grundlagen des Semantic Web»), которая была незнакома или мало знакома аудитории, были разработаны восемь вариантов (сценариев) презентации: 1) доклад (без презентации); 2) доклад с классической текстовой презентацией; 3) доклад с презентацией, содержащей только изображения; 4) доклад с презентацией, содержащей парадигматическую информацию (сценарий «парадигматизация»); 5) доклад с презентацией, реккурентной речи (сценарий «идентичность»); 6) доклад с презентацией, в которой языковая и визуальная модальности тесно переплетены (сценарий «тесное взаимодействие»); 7) доклад с презентацией, но без языковых и перформативных средств взаимодействия и привлечения внимания (сценарий «ограниченное взаимодействие»); 8) только презентация (без докладчика) [Dynkowska, Lobiń, Ermakova, 2012, S. 45–46].

Эксперимент заключался в том, что различные варианты презентации на одну и ту же тему демонстрировались группам испытуемых, состоящим из 25 человек, состав групп был примерно равен (возраст, пол и проч.). Все презентации проводились в одинаковых условиях – в одном и том же помещении с соответствующим оборудованием, с одним и тем же докладчиком, одетым в одну и ту же одежду. Каждый из восьми экспериментов длился примерно 35 минут и был одинаково структурирован: вначале испытуемые заполняли анкету, которая содержала среди прочего вопросы о знаниях в данной области и типе восприятия информации, затем следовала презентации по соответствующему сценарию, ко-

торая длилась примерно 10 минут; в конце испытуемые вновь заполняли анкету на определение коммуникативного воздействия и тест на проверку полученных знаний.

Тест показал, что лучше всего овладели новыми знаниями испытуемые, которые слушали доклад по сценарию «идентичность» (72% правильных ответов), далее следуют реципиенты сценария «парафразирование» (70%) и сценария «тесное взаимодействие» (69%). Худшие результаты продемонстрировали испытуемые, слушавшие доклад без презентации (55%). Что касается коммуникативного воздействия, то в данном аспекте доминирует сценарий «тесное взаимодействие», который набрал наибольшее количество голосов испытуемых по следующим параметрам: оформление слайдов, логика следования слайдов, читаемость слайдов, структура презентации, информативность, пополнение знаний, общее впечатление. Сценарий «идентичность» набрал наибольшее голосов по параметрам: поведение докладчика, привлекательность темы. Доклад без презентации получил наименьшее количество голосов по параметрам: общее впечатление, поведение докладчика. Однако, по мнению испытуемых, наименьшим коммуникативным эффектом обладает сценарий «презентация без докладчика» [Dynkowska, Lobiń, Ermakova, 2012].

На базе исследования немецких ученых мы провели пилотный эксперимент среди так называемой неподготовленной аудитории (студентов), который показал, что при восприятии презентаций задействованы, в первую очередь, визуальная, аудиальная и кинестетическая (жестовая) модальности. Эксперимент проводился по материалам докладов научной конференции гуманитарной направленности на русском языке. После прослушивания ряда докладов с презентациями испытуемые должны были заполнить анкету, включавшую вопросы, которые затрагивали как непосредственно личностные особенности восприятия анкетируемого, так и прослушанные доклады. Что касается докладов, то рассматривались, с одной стороны, структурная составляющая презентаций (оформление слайдов, логика следования слайдов, читаемость слайдов, структура презентации в целом), с другой – содержательная часть (информативность доклада, пополнение знаний, привлекательность темы и др.).

Предварительные результаты эксперимента показали следующее:

1) насыщенность речи и текстовых слайдов не всегда ведет к перегруженности информацией, в краткой презентации (10–15 мин.) насыщенность может, наоборот, привести к лучшему запоминанию;

2) управление вниманием аудитории во время презентации при помощи языковых и перформативных средств повышает эффективность трансляции знаний;

3) использование изображений и графиков для визуальной поддержки речи повышает позитивное субъективное восприятие доклада;

4) позитивное коммуникативное влияние полимодальных презентаций зависит также от поведения докладчика и его риторических и перформативных умений и навыков [Томская, 2015].

Информационная насыщенность академических презентаций

Любой текст заключает в себе какую-либо информацию. Общее количество информации, содержащейся в тексте, – это его информационная насыщенность. Однако большей ценностью обладает новая информация (рема), которая может быть полезной или прагматической, что ведет к информативности текста.

Текстообразование обусловлено видами содержательной информации, которая может быть фактологической, концептуальной (теоретической), подтекстовой [Гальперин, 2008, с. 27–30], гипотетической, методической, эстетической, инструктивной [Валгина, 2004, с. 75]. В зависимости от этого избирается и способ изложения, который, в свою очередь, подчиняется рематическим компонентам текста или его рематической доминанте.

Для научного текста характерны все типы изложения (описание, повествование, объяснение, аргументация, рассуждение и др.), но избирательность их определяется характером контекста: рассуждение – при изложении концептуальной информации, описание – при характеристике изучаемого объекта, повествование – при сообщении о становлении научного знания, истории открытия и т.д. Необходимо отметить, что сам предмет науки часто определяет преимущественный тип изложения: для точных наук характерно скорее описание и рассуждение, для гуманитарных – рассуждение, для естественных – описание и т.д. Подчеркнем, однако, что речь идет о предпочтительном типе изложения. В реальности в

научных текстах, как и в любых других, происходит гибридизация способов изложения.

Академическую презентацию, выполненную в программе Power Point, можно рассматривать как вторичный текст по отношению к научному докладу или лекции, поскольку она вбирает в себя только основные, с точки зрения автора текста, моменты, которые могут развертываться, объясняться или описываться при одновременном устном изложении доклада или лекции.

Информационная насыщенность текста может быть рассмотрена с точки зрения построения речевых единиц, составляющих его. Эксплицитное или имплицитное выражение смысла приводит к появлению такого качества текста, как его ненапряженность или напряженность.

Научные доклады относятся скорее к ненапряженным текстам, которые характеризуются словесным заполнением смысловых лакун, логической развернутостью, отсутствием скачков в тема-ретмической последовательности и т.п. [Валгина, 2004, с. 235], т.е. эксплицитным выражением смысла. Однако презентация, выполненная с использованием программы Power Point, представляет собой стремление в разумных пределах сократить изложение без потери смысла, т.е. повысить напряженность научного текста.

Лаконизация изложения в академической презентации, выполненной с помощью программы Power Point, требует особых синтаксических конструкций. За счет изъятия системы доказательств и повторений тексты презентаций ориентируются на расчлененные предложения, с набором ключевых слов, упрощаются синтаксические связи, подчеркнуто насыщается именной строй речи, увеличивается процент номинативных предложений, используются термины – носители емкой научной информации.

Напряженность академической презентации может создаваться также использованием неверbalных средств – схем, формул, символов, графиков и др. Если речь идет о научно-техническом направлении, то вербальный текст служит лишь упаковочным материалом, связующим средством («далее рассмотрим...», «введем обозначение...» и т.д.).

Как отмечал в свое время А.И. Новиков, значение представляет собой содержательную сторону некоторой единицы языка, тогда как смысл может быть выражен не только вербальными, но и невербальными средствами [Новиков, 1999, 2007].

По мнению А.А. Вербицкого, процесс визуализации – это «свертывание мыслительных содежаний в наглядный образ; будучи воспринятым, образ может быть развернут и служить опорой адекватных мыслительных и практических действий» [Вербицкий, 1991, с. 110]. Данное определение подчеркивает, что визуализация нового знания служит «отправной точкой» для его дальнейшего понимания и осмысливания. Графическая форма, например, гуманистического знания может быть понята не только узкому кругу специалистов, но и некоторым непрофессионалам, интересующимся данной проблематикой, тогда как новое техническое знание в графической форме может потребовать для осмысливания специальных базовых знаний.

Информационная насыщенность академических презентаций может быть рассмотрена с точки зрения полезности или неполезности информации для той или иной категории адресата.

В этом смысле актуальным представляется понятие информативности текста академической презентации, которая может как снижаться, так и возрастать в том случае, если поверхностная структура академической презентации (количество (не)языковых знаков, присутствующих в ней) не совпадает с ее глубинной структурой (количество информации, заключенной в ней).

Ориентация на pragматическую (полезную), а значит, новую информацию помогает более целесообразно повышать информативность текста академической презентации. Для этого существуют два пути: интенсивный и экстенсивный, которые применяются при учете таких текстовых категорий, как эксплицитность и имплицитность при передаче смысла; напряженность и ненапряженность структуры; речевая избыточность и недостаточность [Валгина, 2004; Новиков, 2007; Пешкова, 2009].

Мы предполагаем, что выбор пути повышения информативности текста, что влечет за собой выбор кода и канала, зависит от типа адресата. Интенсивный способ связан с процессом свертывания информации за счет сокращения объема текстового пространства при сохранении объема самой информации, т.е. свертывание информации позволяет ту же самую мысль передать более экономичными речевыми средствами, например, при помощи повышения напряженности текста. Этот путь будет плодотворен, если адресатом будет являться профессиональная аудитория. Экстенсивный способ повышает информативность текста, увеличивая объем самой информации. Его применение ведет к максимальной детали-

зации изложения, что позволяет глубже проникнуть в суть явления, раскрыть его связи и отношения. Он связан с введением дополнительной информации, которая может конкретизировать, пояснить, расширить знания о предмете изучения. Данный путь, избыточный для специалистов, будет полезным для непрофессиональной, неподготовленной аудитории, в частности, на лекции. Однако это не исключает активного использования визуализации, особенно если речь идет о студенческой аудитории, которая в силу особенностей восприятия информации молодым поколением предпочитает именно визуальную опору. В этом случае информация на слайдах в презентации, выполненной в программе Power Point, скорее будет подаваться в графическом виде (схемы, диаграммы, графики и т.п.), будут выводиться ключевые понятия с их дефинициями, о которых упоминает лектор или докладчик, чтобы облегчить процесс восприятия и понимания у аудитории. Без избыточной вербальной информации, транслируемой одновременно с визуализацией, здесь не обойтись.

Напомним, что результаты эксперимента немецких исследователей показали, что наименьшим коммуникативным эффектом обладает сценарий «презентация без докладчика». Если для профессионалов не составит труда развернуть информацию, то для неподготовленной аудитории это представляется довольно затруднительным.

И все-таки для академических презентаций характерна скорее информационная компрессия как один из способов повышения информативности текста, поскольку презентация предполагает такое построение текста, при котором был бы максимально выражен необходимый смысл при минимальной затрате речевых средств.

Заключение

На современном этапе развития технологий наиболее распространенным способом трансляции нового научного знания в академическом дискурсе становятся презентации, независимо от того, технические это науки, естественные или гуманитарные. Данная тенденция продиктована нелинейным, симультанным способом восприятия и переработки информации, характерным для молодого поколения, обладающего «клиповым» мышлением.

Вербально-визуальная форма академических презентаций, слайды которых, быстро сменяющие друг друга, соответствуют «клиповости»; конденсированная форма передачи мысли отвечает скорости поглощения информации, а иконические образы позволяют обрабатывать информацию с опорой на воображение, способствует повышению информативности научного текста – доклада или лекции. Это обусловлено также и тем, что адресант стремится выстроить презентацию таким образом, чтобы при минимальной затрате речевых средств был максимально выражен необходимый смысл.

Список литературы

Валгина Н.С. Теория текста: Учебное пособие. – М., 2004. – 280 с.

Вербицкий А.А. Активное обучение в высшей школе: Контекстный подход. – М., 1991. – 207 с.

Волоскович А.М. Когнитивные и семиотические аспекты взаимодействия компонентов полимодального текста: Дис. канд. филол. наук. – М., 2012. – 188 с.

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – Изд. 6-е. – М., 2008. – 144 с. – (Лингвистическое наследие ХХ века).

Ейгер Г.В., Юхт В.Л. К построению типологии текстов // Лингвистика текста: Материалы науч. конф. при МГПИИ им. М. Тореза. – М., 1974. – Ч. 1. – С. 103–110.

Иванова С.Ф. Специфика публичной речи. – М., 2001. – 124 с.

Иришанова О.К. Полимодальность в социокогнитивном освещении: Семиотика плаката // Когнитивные исследования языка. – М.; Тамбов, 2012. – Вып. 11. – С. 63–66.

Логический анализ языка: Информационная структура текстов разных жанров и эпох / Отв. ред. Арутюнова Н.Д. – М., 2016. – 631 с.

Нестерова Н.М. Текст и его «проекции»: Памяти Ю.А. Сорокина и А.И. Новикова // Вопр. психолингвистики. – М., 2016. – № 3 (29). – С. 169–175.

Новиков А.И. Текст и его смысловые доминанты. – М., 2007. – 224 с.

Новиков А.И. Смысл: Семь диахроматических признаков // Теория и практика речевых исследований. – М., 1999. – С. 132–144. – Режим доступа: <http://galactic.org.ua/Prostranstv/filoco-2.htm> (Дата обращения – 21.03.2018.)

Пастухов А.Г. Модель научной гуманитарной культуры: Язык – тематизация – медиализация // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: Межвуз. сб. науч. тр. – Орел, 2012. – 250 с.

Перлов А.М. История науки: Введение в методологию гуманитарного знания: Курс лекций. – М., 2007. – 312 с.

Пешкова Н.П. Имплицитность в тексте: Препятствие vs. стимул и условие понимания // Вопр. психолингвистики. – М., 2009. – № 9. – С. 219–231.

Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. – М., 1990. – С. 180–186.

Томская М.В. Акты институционализации в научной коммуникации // Многоаспектность лексикологических исследований: Английский язык и проблемы перевода. – М., 2010. – С. 203–210.

Томская М.В. Полимодальность перцепции в академическом дискурсе: (На примере научных презентаций) // Человек ощащающий: Перцепция в современном гуманитарном знании. – М., 2015. – С. 241–248.

Томская М.В. Научная конференция как событие: События в коммуникации и когниции [Электрон. издание] // Вестн. Моск. гос. лингв. ун-та. Сер.: Языко-знание. – М., 2016. – Вып. 7 (746). – С. 256–263.

Томская М.В., Зайцева И.В. Невербальные средства при представлении знаний в академическом дискурсе // Когниция и коммуникация в лингвистических исследованиях: Сб. науч. тр. – М.; Тамбов, 2017. – С. 590–596. – (Когнитивные исследования языка; Вып. 29).

Чернявская В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. – М., 2009. – 248 с.

Dynkowska M., Lobin H., Ermakova V. Erfolgreich präsentieren in der Wissenschaft? Empirische Untersuchungen zur kommunikativen und kognitiven Wirkung von Präsentationen // Zschft. für angewandte Linguistik. – Berlin, 2012. – H. 57. – S. 33–65.

Morek M., Heller V. Bildungssprache – kommunikative, epistemische, soziale und interaktive Aspekte ihres Gebrauchs // Zschft. für angew. Linguistik. – Berlin, 2012. – H. 57. – S. 67–101.

Ziman J.M. Public knowledge: An essay concerning the social dimension of science. – Cambridge, 1968. – 240 p.

VI. РЕФЕРАТ

Чернейко Л.О.

**КАК РОЖДАЕТСЯ СМЫСЛ:
СМЫСЛОВАЯ СТРУКТУРА ХУДОЖЕСТВЕННОГО
ТЕКСТА И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ
ЕЕ МОДЕЛИРОВАНИЯ.** – М.: Гнозис, 2017. – 208 с. –
Библиогр.: с. 197–206.

Ключевые слова: художественный текст; гипертекст; поэтическая функция языка; ассоциативные и текстовые парадигмы; позиция наблюдателя в художественном тексте; метафора в художественном тексте; типы лексических и семантических трансформаций в художественном тексте.

В монографии представлен метод лингвистического анализа художественных текстов, основанный на выявлении текстовых лексических парадигм, а также ассоциативных и синтагматических связей лексических единиц в тексте.

Работа состоит из трех частей.

Первая часть «Принципы моделирования семантических пространств художественного текста» состоит из трех глав.

В первой главе «Понятия ‘гипертекст’ и ‘текстовая парадигма’ как инструменты анализа художественного текста» излагаются общие теоретические основы предлагаемого автором метода исследования текста.

Л.О. Чернейко подчеркивает, что лингвистический анализ художественного текста, в отличие от литературоведческого, базируется на тех смыслах, которые можно извлечь из герметически замкнутого целого, материально воплощенного в виде линейной последовательности означающих текста – языковых знаков. Этим

лингвистический подход отличается от литературоведческого анализа, для которого релевантными являются такие виды информации, как исторический контекст создания и публикации произведения, биографические сведения об авторе и т.д.

В теории изучения текста как лингвистического объекта автор отмечает следующие важные для определения феномена текста постулаты: 1) текст является единственной коммуникативной реальностью, по формулировке М.М. Бахтина – «непосредственной действительностью... мысли и переживаний» (с. 9); 2) в тексте последовательность вербальных знаков должна отвечать двум основным требованиям – целостности и связности. Такое мнение высказано, например, Т.М. Николаевой¹. Однако для анализа художественного текста этих условий недостаточно, так как этот тип текста имеет специфические принципы семантического построения и смыслопорождения.

Автор определяет ключевые для своей гипотезы признаки художественного текста и особенностей его понимания / интерпретации, опираясь на исследования Э. Бенвениста, Р. Барта, М.Ю. Лотмана, Ю. Кристевой, Г.-Г. Гадамера, Ц. Тодорова. Основополагающими и объединяющими для подходов этих исследователей, при всех различиях, являются признание принципа автореферентности художественного текста, во-первых, и того факта, что жизнь и динамика художественного текста в культуре обязательно предполагают позицию интерпретатора (читателя, слушателя), – во-вторых. Первый принцип означает, что референт художественного текста находится внутри него: события и персонажи, о которых повествуется в художественном тексте, всецело принадлежат самому тексту. Этим он отличается от типов нехудожественных текстов, референт которых лежит вне языка, во внешнем мире. Согласно высказыванию Р. Барта о художественном тексте, «любой повествовательный текст, сколь угодно реалистический, развивается на нереалистических путях» (с. 13). Причиной является то, что содержание художественного текста не воспроизводит действительность, а воплощает сознание автора. При чтении оно вы-

¹ Автор ссылается на следующие работы: Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках // Русская словесность: От теории словесности к структуре текста. – М., 1997. – С. 227–244; Николаева Т.М. Лингвистика текста: Современное состояние и перспективы // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1978. – Вып. 8. – С. 5–39. – Прим. реф.

страивается в сознании читателя. Движение же смысла в сознании читателя, задающее возможность новых интерпретаций, обусловлено тем, что художественный текст не устанавливает раз и навсегда возможность интерпретаций, а лишь задает некоторые рамки своего осмыслиения.

Применение термина «модель мира» по отношению к художественному тексту является проблематичной. Как отмечает Л.О. Чернейко, этому препятствуют свойства его автореферентности и сложности. Модель должна быть адекватной оригиналу и относительно простой. Но художественный текст не проще воссоздаваемой им действительности, и он не «отражает» ее, т.е. не является ее аналогией, а преображает. При этом его автор-художник воплощает свой замысел «интуитивно, спонтанно и синтетично» (с. 16). Дать же возможное объяснение смыслам художественного текста – это задача аналитика. «Таким образом, художественный текст – не модель окружающего мира, но объект моделирования» (с. 16). Его модель представляет собой исследовательскую конструкцию, которая создается субъектом метаязыковой деятельности и разворачивается в метаязыке.

Одна из задач, стоящих перед исследователем художественного текста, состоит в моделировании внутритекстовых отношений единиц языка, находящихся в нелинейных, парадигматических связях, и поиск путей их смысловой интеграции. Модель текста, выявляющая нелинейные отношения составляющих его единиц, называется в работе, вслед за Ю.Н. Карапуловым, гипертекстом¹.

Л.О. Чернейко считает, что единственной формой гипертекста являются ассоциативно-вербальные сети, существующие и в языке, и в тексте. Они не являются однородными, так как слова могут ассоциироваться по разным основаниям. Подобие по логическому основанию выстраивает лексико-семантические парадигмы языка, такие, как семантическое поле. Сублогические формы подобия, передающие восприятие мира индивидуальной перцепцией и индивидуальным сознанием, могут порождать только текстовые (речевые) парадигмы, которые автор называет «аксиологическими». Такие парадигмы, отражающие «специфику человеческого переживания бытия» (с. 23), характеризуются в работе как антропоцентрические и мифологичные. Текстовые парадигмы, группи-

¹ Карапулов Ю.Н. Новый взгляд на возможности писательской лексикографии // Ломоносовские чтения – 1994. – М., 1994. – С. 11–25.

рующиеся вокруг слов, ключевых для идиолекта автора, играют роль смыслового центра в распределении художественно значимой информации в прозаических и поэтических художественных текстах.

Для поэтического текста важными являются парадигмы, базирующиеся на общих (или сходных) предикатах – они могут служить основанием для самых отдаленных ассоциаций, так как обозначают признак как существующий отдельно от носителя. Особо отмечается роль парадигм, базирующихся на такой форме подобия, как симпатия. Это понятие определяется как одинаковое эмоциональное переживание субъектом различных вещей (явлений, ситуаций), когда в перцепции объединяющим их центром оказывается общий эмоционально-оценочный признак, выражаемый предикатом. Посредством изучения контекстных распределений ключевых эмоционально-оценочных предикатов выводятся «предметы», к которым те или иные предикаты приложимы в тексте или идиолекте автора. К таким эмоционально-оценочным предикатам, объединяющим в смысловую парадигму субстантивы, автор применяет введенный В.М. Жирмунским термин «синтетический эпитет» (с. 31). Так, через сочетаемость прилагательного *унылый* и, далее, его синонимов *скучный, печальный* с субстантивами в поэзии А.С. Пушкина выстраивается текстовая парадигма, в которую включаются существительные: *пора, звон, свирели звук, город, дума, юность, судьба, жизнь, степь, дорога, праздность* и др. Другой пример: изучив субстантивную сочетаемость оценочного прилагательного *колючий*, часто встречающегося в поэзии О.Э. Мандельштама, и добавив синтагматику его синонима *колкий* и глагола *колоть* (в переносном значении), исследователь может получить ономасиологическое по своей природе поле «каузаторы душевной боли», значимое для идиолекта художника.

Субстантивы, установленные методом текстовых парадигм, несовместимы по семантике в языке, однако они позволяют моделировать смысл художественного текста и картину мира в индивидуальном сознании его автора. Л.О. Чернейко делает заключение: «Текстовые парадигмы соединяют в себе взаимоисключающие идеи: идею структуры и идею комбинаторной бесконечности, под которой следует понимать бесконечность комбинирования смыслов читателем, комбинирования, определяющего динамику художественного текста» (с. 34).

Во второй и третьей главах первой части («‘Скучная история’ А.П. Чехова: Художественный ‘текст-чтение’ и принципы его

интерпретации»; «Сравнительный анализ текстов ‘Скучная история’ А.П. Чехова и ‘Занятой человек’ В.В. Набокова») предлагаемые принципы анализа применяются для сопоставительного исследования двух текстов русской художественной прозы.

В рассказе А.П. Чехова, написанном от лица персонажа, восприятие героем самого себя и окружающего мира представлено в текстовых парадигмах, строящихся вокруг ряда семантических доминант. Некоторые из этих доминант образуют сквозные для текста оппозиции. Л.О. Чернейко выводит две текстообразующие оппозиции: «имя – лицо» и «прошлое – настоящее». Каждый из элементов этих оппозиций организует свою собственную текстовую парадигму. Так, парадигма «имя» представлена именными фразами: *заслуженный профессор, член всех русских и заграничных университетов, предикатами: блестящее, известное, произносится с благоговением, [дает] славу* и др. Парадигма «лицо» представлена элементами: *62 года, лысая голова, полная фигура, память ослабела, семейные дряги, одиночество, скоро умру*. В рассказе также задействованы такие центры текстовых оппозиций, как «однообразие» и «вдруг». Показано, что эти текстовые парадигмы в совокупности представляют психическое состояние героя как меланхолически-депрессивное. Оценивая свое состояние в пожилом возрасте («настоящее»), он полагает, что иллюзии в «прошлом» обманули его – знаменитое имя не стало залогом счастливой жизни, гарантией от одиночества и тоски. Дальнейший анализ взаимоотношения смысловых компонентов парадигм позволяет раскрыть анатомию меланхолии героя повести: он акцентирует однообразие вокруг себя и постоянно испытывает скуку, так как утратил интерес и любовь к близким, а чрезмерная сосредоточенность на себе стала причиной его одиночества и ощущения мира как бессмысленного. Название повести может показаться банальным, невыигрышным, но в действительности оно выполняет роль метатекста, усиливая смысловое напряжение. В нем описанная ситуация характеризуется как типическая и получает авторскую оценку.

Выработанный метод анализа текста позволяет исследовать не только внутритекстовые, но также межтекстовые подобия. В изучении межтекстовых связей Л.О. Чернейко опирается на кон-

цепцию «Тема – Приемы выразительности – Текст», разработанную А.К. Жолковским и Ю.К. Щегловым¹.

Рассказ В.В. Набокова «Занятой человек» перекликается с повестью А.П. Чехова. Интертекстуальная общность произведений актуализируется в ряде текстовых парадигм. Однако в тексте В.В. Набокова появляется перцептивная парадигма «страх», что объясняется причиной состояния персонажа – его навязчивой средоточенностью на пророческим сне о возможной скорой смерти в 33 года. Вводится еще одна новая парадигма «потеря смысла языковых форм», перекликающаяся с парадигмой «потеря смысла жизни» у Чехова: «*в сумеречной дымке терялись существительные*». Сопоставление показывает, что В.В. Набоков гротескно, если не пародийно, заострил ситуацию, представленную в повести А.П. Чехова.

Во второй части «Позиция наблюдателя и принципы ее определения» исследуются модусы субъективной позиции наблюдателя в художественном тексте и языковые знаки их реализации.

В первой главе «Пространство и время в художественных текстах» исследуются средства пространственно-временной организации поэтического текста.

В центре внимания Л.О. Чернейко метафоры и перечисления разнородных предметов. «Совершенно чуждые друг другу явления могут быть объединены только одним – взглядом наблюдателя. И в таком объединении они становятся реальностью сознания» (с. 83). Метафоры в художественных текстах кодируют пространственные наблюдения разной степени «естественности» и сложности. Так, метафоры «Италии пята», «Испании медуза» О.Э. Мандельштама описывают воображаемый мир, но выбор этих образов, основанный на визуально воспринимаемых очертаниях стран на карте, понятен адресату, обладающему минимальными знаниями в области географии. Однако тропы в поэтических текстах передают и более сложные аспекты визуальной перцепции: анализируя их, можно сделать выводы о дистанции, перспективе,

¹ Данная концепция ориентирована на профессиональный анализ, в первую очередь, – на литературоведческий, но возможно и применение ее основ для целей лингвистического исследования: «моделировать имеет смысл не любые прочтения, а такие, которые реагируют на большую часть элементов смысла» (Жолковский А.К., Щеглов Ю.К. Работы по поэтике выразительности. – М., 1996. – С. 291). – *Прим. реф.*

ракурсе взгляда, о точке положения наблюдателя. Например, в образах О.Э. Мандельштама: «*астраханская икра асфальта*»; «*И распластался храм Господень, / Как легкий крестовик-паук*» (с. 76–77) фиксируются пространственные значения «взгляд с близкого расстояния» и «взгляд сверху». Такие метафоры автор называет «имплицитным дейксисом к воображаемому» (с. 76). Перечисление разнородных предметов в одном контексте – множества материальных предметов или соединение предметов и идей – воспроизводит движение взгляда в пространстве или конструирует воображаемое гипотетическое пространство: «*Он шел, уменьшаясь в значение и в теле*»; «*Квадрат окна. В горшках – желтофиоль. Снежинки, проносящиеся мимо*» И. Бродский (с. 81; с. 84).

Перечисления предметов также организуют поэтический текст вокруг субъективного времени, т.е. времени авторского восприятия. При перечислении именно напряженный взгляд наблюдателя придает пространству длительность и динамику. Коммуникативным эффектом этого приема является то, что восприятие времени читателем фиксируется особенностями взгляда наблюдателя – фокусировкой его зрения, выбором фона и фигуры, движением. Действие приема иллюстрируется на примере «Большой элегии Джону Донну» И. Бродского, где более половины лексических единиц приходится на имена предметов. При этом от вещей первого круга, воссоздающих ближайшее видимое пространство дома («*Уснуло все. Бутыль, стакан, тазы, хлеб, хлебный нож, фарфор...*») (с. 97), взгляд переходит к пространству, недоступному эмпирическому взгляду («*Лондон крепко спит. Весь остров спит*») (там же); далее пространство реальное и воображаемое сменяются пространством когнитивным («*Уснуло все. Лежат в своих гробах все мертвцы*») и пространством, которое можно назвать мифологическим («*Снят ангелы. Геенна спит, и Рай прекрасный спит*») (там же). Такое движение взгляда наблюдателя передает в поэтическом тексте «надмирную» точку зрения (там же)¹: описывается пространство, по которому душа продвигается вверх («*Джон Донн уснул*») (там же). В образной метафоре находит отражение время ассоциации – ментального процесса, разворачивающегося как длительность (зрение как «*орган треня о вещи в комнате*» у И. Бродского). Таким образом, можно говорить о

¹ Здесь Л.О. Чернейко цитирует выражение В.Н. Топорова. – *Прим. реф.*

хронотопической природе образной метафоры и перечисления предметов в поэтическом тексте.

Во второй главе «Модусы сознания наблюдателя как основание типологии пейзажных фрагментов художественного текста» анализируются типы пейзажных фрагментов, исходя из особенностей представленных в них способов восприятия пространства наблюдателем. Текст может передавать сугубо зрительное восприятие (в момент «актуального настоящего» текста) и воспроизводить неосложненное сенсорное видение. Пример – пейзаж в стихотворении А.С. Пушкина «Зимнее утро». В этом случае модус сознания наблюдателя является перцептивным.

Однако в художественных текстах, поэтических и прозаических, конструируются и более сложные типы восприятия пейзажа, когда фрагменты, передающие сенсорное видение, переплетаются с внутренним, «духовным» видением, основанным на чувствах, воспоминаниях. Или же пейзаж может быть представлен целиком как иллюзорный. Такие сложные, с точки зрения позиции наблюдателя, описания часто встречаются в текстах Н.В. Гоголя. Подобные случаи предполагают участие апперцепции или интроспекции наблюдателя в создании словесного пейзажа, и их анализ со стороны читателя (который характеризуется в монографии как метанаблюдатель) также требует включения разных модусов восприятия.

В третьей главе второй части «Зрение и знание наблюдателя» анализируются субстантивные и глагольные метафоры как средство выражения психического состояния наблюдателя и его ценностной системы. Л.О. Чернейко приводит в качестве примера образы из стихотворения О.Э. Мандельштама: «*Я дышал звезд
млечных трухой, / Колтуном пространства дышал*» (с. 115), свидетельствующие о минорном мировосприятии.

Четвертая глава «Язык подсознания: (На материале повести А. Белого “Котик Летаев”)» посвящена исследованию языка в тексте, основное содержание которого составляют саморефлексивные наблюдения. А. Белый сводит воедино чувственный опыт детства и размышления о его последствиях для последующей жизни, т.е. подсознание и сознание. Такой подход порождает уникальный язык повести. Детский опыт, который может быть только предметно-чувственным, выражается в предметных метафорах, соединяющих вещи иррационально, а именно так, как связанные с ними ситуации были пережиты в детстве. Однако этот опыт выражен наблюдателем с позиций взрослого человека, который сознательно

его осмысливает и соответственно этому применяет языковые средства и выстраивает текст.

Главным инструментом такого самонаблюдения становится образная генитивная метафора, которая работает в повести одновременно и как знак подсознания, и как знак преобразования мира творческим сознанием. В результате А. Белым создается особый монтаж понятий: вещные доминанты повторяются, создавая смысловые ряды, так как их денотаты вступили в ассоциации с разными сущностями и явлениями: *обои – звездное небо, время; накиль – мир, мысли; шар – состояние, сознание* (с. 135). Такие смысловые группы становятся частью ритмической организации повести, проявляющейся на разных уровнях построения текста: в повторе тем, разделяющих текст на главы; в скачкообразности структуры текста, задающей его эмоциональное восприятие; в важности звуковых ощущений для восприятия и постижения мира, как в образах: *проросший слух; мышиный шорох слов; моря рокот роковой; хоры созвездий; плач бездны*.

Третья часть монографии «Слово в системе языка и в художественном тексте» содержит три главы, в которых анализируются механизмы семантической и семантико-грамматической трансформации лексических единиц в текстах.

В первой главе «Лексика семантической сферы ‘АЛКОГОЛЬ’ в нехудожественном и художественном типах текста» исследуются цели применения единиц этой предметной области в текстах разных типов и жанров (при описании неалкогольной сферы). Например, аттрактивная функция алкогольной лексики, состоящая в направленности способа выражения на реципиента, обыгрывается в рекламном дискурсе и текстах СМИ: *Джинс-тоник* (в статье о джинсовой одежде); *семейная СамоГонка* (о самокатах для взрослых и детей). Активно применяются элементы алкогольной лексики в современных глянцевых журналах, создающих образ элитарной жизни: *благородный бархат цвета бургундского вина; чувственный атлас цвета абсента* (с. 144).

В разделе, посвященном употреблению алкогольной лексики в произведениях С. Довлатова, исследуются семантика единиц этой сферы и механизмы их введения в контексты. В идиолекте Довлатова алкогольная тема появляется очень часто. Она служит средством создания юмористического и людического эффектов, однако пьянство и алкоголизм не поэтизируются. Скорее, проецируя неалкогольную сферу на алкогольную, автор создает образ аб-

сурдного мира, в котором и жизнь без алкоголя, и жизнь в пьяном состоянии представлены как равно неприглядные. Об этом свидетельствуют негативные коннотации тропов, передающих мировосприятие персонажей: «*В мутной, как рассол, Фонтанке, тесно плавали листья*» (с. 153). В ряде контекстов алкогольная тема раскрыта через метафору войны: «*Стол был накрыт. Бутылки изготавливались к атаке*»; «*Полчища алкогольных сувениров*» (с. 152). Вместе с тем, герои С. Довлатова через элементы алкогольной сферы приписывают собственные смыслы ключевым концептам русской культуры, таким как «плохой» и «родина»: «*Помни, старик! Где водка, там и родина!*» (о проводах друга в эмиграцию); «*Плохие – это те, которые друзей не угощают... Которые пьют в одиночку*» (с. 152).

Алкогольная лексика в текстах С. Довлатова становится элементом языковой игры. В ее основе наиболее часто лежат механизмы обманутого ожидания, наложения смыслов или использования прецедентных текстов, никак не соответствующих по стилистике ситуации произнесения: «*Даже среди московских инакомыслящих Глазов был оппозиционером. А именно, совершенно не пил*»; «*Дай [похмелиться] сразу! Минуя промежуточную эпоху развитого социализма...*» (с. 149). Применяется также гипербола, иногдасложненная другими приемами, например, зевгмой: «*И как они шатались ночью, поддерживая сильными боками дома, устои, фонари*» (с. 149).

Алкогольная сфера в текстах С. Довлатова служит средством изображения сдвинутых норм и перевернутой системы ценностей. Этим, по мнению Л.О. Чернейко, они отличаются от текстов В. Высоцкого, где данная тема применяется преимущественно для характеристики образа жизни отдельных персонажей и их кругозора – «*от ларька до нашей бакалеи*» (с. 152–153).

Вторая глава «Лексическая ассилияция: Сфера действия и основания для типологии» посвящена изучению видов аттракции слов в речи. Автор понимает это явление широко, разграничивая три базовых основания сближения слов в речи по принципу лексической ассилияции: аттракция по линии означающего; аттракция по линии означаемого; аттракция на основе общей зоны сочетаемости.

Важной разновидностью ассоциативных связей, задающей векторы языковой креативности в поэтических текстах, является фонетическая аттракция. В.П. Григорьев определил паронимию, основанную на фонетической аттракции, как «систему парадигма-

тических отношений между сходными в плане выражения разнокорневыми словами... реализуемую в конкретных текстах путем сближения паронимов в речевой цепи, благодаря чему возникают различные эффекты семантической близости или, наоборот, противопоставленности паронимов» (с. 157)¹. Однако исследование языковой игры, возникающей вследствие этого, показывает, что в контролируемой атракции часто одновременно задействованы разные механизмы. Например, в бытовом диалоге: «*Не люблю, когда ты говоришь таким высоким и пафосным слогом. – Слогом пакостным*» (с. 161–162). Возникшая спонтанно ассоциация двух прилагательных основана не только их фонетическом сходстве, но также на коннотативной негативно-оценочной семе. Общность сочетаемости лексем или их значений (синтагматическая атракция) создает основу для каламбуров и загадок: «*Поддерживайте отечественное производство, отечественный автопром... А чего нам отечественное поддерживать? Это значит поддерживать взятки, налоги. Это же не брюки поддерживать*» (с. 164).

В качестве разновидности лексической ассоциации Л.О. Чернейко рассматривает также подобия и основанные на них сравнения и метафорические проекции, которые имеют не только эстетическую, но и гносеологическую значимость. На базе устанавливаемых сознанием смысловых сходств возникает пласт вторичных предикатов, необходимых для вербализации абстрактных явлений и рассуждений о них. Имеющиеся в языке глаголы и прилагательные с предметным значением сочетаются с именами отвлеченных сущностей – они служат для них источником наглядности и позволяют моделировать их символическое пространство через проекцию «физических» смыслов. Все виды атракции как взаимного притяжения слов характерны для речи детей и свидетельствуют об активном освоении языка и креативном отношении ребенка к этому процессу.

В третьей главе «Семантическая деривация на службе у поэтической функции языка» исследуются смыслопорождающий и текстопорождающий потенциалы семантической деривации, возникающей в речи спонтанно. Чаще всего такая деривация реализуется в условиях диалога, в ответной реплике. Этот процесс происходит с опорой на языковые ассоциации; его основа в системе

¹ Цитата приведена по реферируемой работе. Источник: Григорьев В.П. Пoэтика слова. – М.. 1979. – С. 264. – *Прим. реф.*

языка – асимметрия языкового знака, которая может иметь характер полисемии или омонимии. Контексты реализации такой семантической деривации свидетельствуют о том, что для нее необходимо также синтагматическое условие – общая или сходная сочетаемость означающего, проявляющего свою асимметрию. Например: «*Таких стаканчиков [чай + соль] доктор развел 40 штук, а потом он развел зал*» (с. 183) (сообщение журналиста о воздействии на массу людей эффекта плацебо, в котором глагол *развести* во второй части высказывания употребляется в метафорическом значении «обмануть»). Или в разговоре о породе кошки между ребенком (X) и двумя взрослыми (Y, Z): X: «*Какая она: сиамская, сибирская?* – Y: *Наша кошка сибирская, как язва...* – Z: *Как магистраль*» (с. 179). В данных случаях в основе синтагматической ассоциации лежат конструкции «глагол + объект» и «определение + определяемое». Необходимость общей сочетаемости у субстантивов, участвующих в такой языковой игре, является одним из основных предпосылок ее успешной реализации.

Автор полагает, что в случаях спонтанного проявления семантической деривации в речи снимается оппозиция между метаязыковой и поэтической функциями языкового знака. Коммуникант, производящий семантическую деривацию *ad hoc*, реагирует на слово в речи собеседника – на его значение и сочетаемость. Поэтому такую реакцию можно считать разновидностью метаязыковой рефлексии. Однако в подобных реакциях присутствуют и ассоциативные связи, а также установка на характер и форму высказывания (т. е. на язык и языковое творчество), причем в значительно большей степени, чем на логическую необходимость. Поэтому они представляют собой проявление поэтической функции языка. Такой подход основан на работах Р. Якобсона, О. Мандельштама (в частности, в очерке «Разговор о Данте»), В.П. Григорьева¹. Поэтическая функция языка, в свою очередь, связана с его перформативностью, основанной на иллокутивной силе высказываний. Рассмотренное явление подтверждает утверждение Дж. Остина о том, что язык в своей основе более перфор-

¹ Якобсон Р. Работы по поэтике. – М., 1987. – 462 с.; Григорьев В.П. Поэтика слова. – М., 1979. – 344 с.

мативен, чем пропозиционален, т.е. представляет собой вид деятельности и нацелен на воздействие¹.

В заключение Л.О. Чернейко отмечает, что для построения теории понимания художественного текста необходимым является «признание текста самодостаточным квантом дискурса» (с. 189). Другое условие – запрет на привнесение в текст тех смыслов и ассоциаций, которые не мотивированы его единицами. Кроме того, автор работы считает важным следующее разграничение: для научного понимания художественного произведения внеtekстовая реальность как современный произведению культурный контекст необходима; однако обыденное понимание может осуществляться на фоне внеtekстовой реальности, современной читателю.

Монография содержит толковый словарь терминов, используемых автором.

E.O. Опарина

¹ Остин Дж Три способа пролить чернила / Пер. с англ. – СПб., 2006. – С. 17.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Васильева Наталия Владимировна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Отдела теоретического и прикладного языкоznания Института языкоznания РАН, vasileva-natalia@yandex.ru

Вяткин Денис Сергеевич – студент Пермского национального исследовательского политехнического университета, vyatckindenis@yandex.ru

Герте-Немцева Наталия Александровна – кандидат филологических наук, преподаватель ГАПОУ «Краевой политехнический колледж», г. Чернушка, Пермский край, gerte_nata@mail.ru

Гусейнова Иннара Алиевна – доктор филологических наук, профессор кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка и кафедры немецкого языка переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета, ginnap@mail.ru

Давлетова Ярослава Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков естественных факультетов ФРГФ Башкирского государственного университета, г. Уфа, slavaza@bk.ru

Ерискина Екатерина Викторовна – магистрант кафедры информационных технологий и автоматизированных систем Пермского национального исследовательского политехнического университета, eriskina.katena@mail.ru

Киосе Мария Ивановна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Центра социокогнитивных исследований дискурса Московского государственного лингвистического университета, maria_kiose@mail.ru

Кирсанова Инна Вячеславовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры языковой коммуникации и психолингви-

стики Уфимского государственного авиационного технического университета, г. Уфа, inna_kirсанова@mail.ru

Коваль Анастасия Евгеньевна – магистрант кафедры фундаментальных информационных технологий Пермского государственного национального исследовательского университета, knnasya@bk.ru

Котельникова Анастасия Ивановна – аспирант кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода Пермского национального исследовательского политехнического университета, ketova.anastasiya@yandex.ru

Курушин Даниил Сергеевич – кандидат технических наук, доцент кафедры информационных технологий и автоматизированных систем Пермского национального исследовательского политехнического университета, kurushin.daniel@yandex.ru

Леонов Евгений Русланович – магистрант кафедры информационных технологий и автоматизированных систем Пермского национального исследовательского политехнического университета, leonovevgenii2015@yandex.ru

Менжаева Ольга Александровна – магистрант кафедры фундаментальных информационных технологий Пермского государственного национального исследовательского университета, omenjaeva@mail.ru

Моисеева Ангелина Валерьевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков естественных факультетов ФРГФ Башкирского государственного университета, г. Уфа, mo_link@mail.ru

Нестерова Наталья Михайловна – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода Пермского национального исследовательского политехнического университета, nest-nat@yandex.ru

Опарина Елена Олеговна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела языкоznания Института научной информации по общественным наукам РАН, ellenoparina@gmail.com

Пешкова Наталья Петровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г. Уфа, peshkovanp@rambler.ru

Раренко Мария Борисовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела языкоznания Института на-

учной информации по общественным наукам РАН,
rarencos@rambler.ru

Соболева Ольга Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода Пермского национального исследовательского политехнического университета, профессор кафедры гуманитарных и социальных наук Пермского военного института войск национальной гвардии Российской Федерации, olga.v.soboleva@gmail.com

Титлова Анастасия Станиславовна – аспирант, старший преподаватель кафедры иностранных языков естественных факультетов ФРГФ Башкирского государственного университета, г. Уфа, nastyatitl@gmail.com

Томская Мария Викторовна – кандидат филологических наук, доцент, зав. лабораторией гендерных исследований Центра социокогнитивных исследований дискурса (Центр СКодис) при Московском государственном лингвистическом университете, mtomskaya@rambler.ru

Трошина Наталья Николаевна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела языкоznания ИНИОН РАН, troshinat@mail.ru

Шияпова Асия Альтафовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры языковой коммуникации и психолингвистики Уфимского государственного авиационного технического университета, г. Уфа, norwich8@mail.ru

ИНФОРМАЦИОННАЯ СТРУКТУРА ТЕКСТА

Сборник статей

Оформление обложки И.А. Михеев
Техническое редактирование
и компьютерная верстка К.Л. Синякова
Корректор А.А. Чукаева

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 20/VIII-2018 г.
Формат 60x84/16 Бум. офсетная № 1 Печать офсетная
Усл. печ. л. 13,5 Уч.-изд. л. 10,5
Тираж 300 экз. (1–100 – 1-й завод) Заказ № 51

Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел./Факс: (925) 517-36-91
E-mail: inion@bk.ru**

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
в ООО «Амирит»
410004, Саратовская обл., г. Саратов,
ул. Чернышевского, д. 88, литер У
Тел.: 8-800-700-86-33; (845-2)24-86-33